This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

891.79
M638li

A 662446

Digitized by Google

1946

1378

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНЫЯ
ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА

А. МИЛЮКОВА

Кузнецкая
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
№

Кокошкинъ. — Языковъ. — Гоголь. — Введенскій. — Сенковскій. — Булгаринъ. — Герценъ. — Достоевскій. — Ап. Григорьевъ и Мей.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1890

Digitized by Google

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА

Digitized by Google

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНЫЯ

ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА

А. МИЛЮКОВА

Milyukov, Aleksandr Petrovich
891
М60э
731
Ц.З.
Публичная
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
№ 2427

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1890

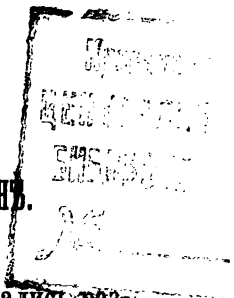
Digitized by Google

891.79
M638li

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

Digitized by Google

Hacks
Exchange
Col-Univ. St. Lib
of Foreign Rel.
12-13-71
902048-293



Воспоминаніе о Ѳ. Ѳ. Кокошкинѣ.

Въ нѣкоторыхъ мемуарахъ встрѣчались разсказы о Ѳедорѣ Ѳедоровичѣ Кокошкинѣ, бывшемъ директорѣ московскаго театра и переводчикѣ мольеровскаго «Мизантропа». Въ воспоминаніяхъ его современниковъ онъ представляется по большей части человѣкомъ далеко не симпатичнымъ: его обвиняютъ въ надутомъ чванствѣ, интригахъ и узкомъ педантизмѣ. Можетъ быть, въ этихъ отзывахъ и была доля правды, но въ моей памяти онъ рисуется въ иномъ видѣ. Правда, я зналъ его недолго и притомъ только въ послѣдніе годы его жизни, въ моей ранней молодости, но какъ бы ни было, онъ представляется мнѣ человѣкомъ не только не злымъ, а, напротивъ, доброжелатель-

Digitized by Google

нымъ, хотя во многихъ отношеніяхъ страннымъ и даже смѣшнымъ. Извѣстно, что онъ былъ недурнымъ актеромъ, въ тогдашнемъ псевдоклассическомъ смыслѣ, и удачно игралъ на своемъ домашнемъ театрѣ въ комедіяхъ Мольера, но едва ли въ ряду разыгранныхъ имъ ролей на сценѣ нашлось бы лицо, столько комическое, какъ онъ самъ былъ въ дѣйствительной жизни.

Я былъ еще въ одномъ изъ высшихъ классовъ первой, и въ то время единственной, московской гимназіи, когда отецъ мой переѣхалъ въ домъ Кокошкина, на Никитскомъ бульварѣ. Мы жили во флигелѣ, а хозяинъ помѣщался въ большомъ каменномъ домѣ, который стоялъ въ глубинѣ двора, отдѣленнаго отъ улицы рѣшетчатымъ заборомъ. Въ то время Ѳедоръ Ѳедоровичъ не былъ уже директоромъ императорскаго театра, но не переставалъ еще интересоваться имъ; его посѣщали актеры и театралы, журналисты и литераторы, и на его домашней сценѣ бывали иногда спектакли, на которые съѣзжались люди изъ лучшаго москов-

Digitized by Google

скаго общества и артистическаго круга. Многихъ, кажется, привлекало не столько предлагаемое зрѣлище, сколько сопровождавшіе его ужины и вообще широкое, радушное гостепріимство хозяина. Мнѣ скоро пришлось быть на одномъ изъ такихъ спектаклей, и хотя онъ сильно занималъ меня, особенно артистической игрой самого Кокошкина и жившей тогда въ его домѣ актрисы Потанчиковой, но я замѣтилъ, однако же, что нѣкоторые гости меньше интересовались пьесой, чѣмъ буфетомъ. Иные даже втихомолку подсмѣивались надъ превосходительнымъ актеромъ.

На масляницѣ Кокошкинъ былъ у насъ на блинахъ, заговорилъ со мною, спросилъ о занятіяхъ въ гимназіи, пожелалъ видѣть мои классныя сочиненія и предложилъ брать книги изъ его библіотеки. Я конечно не упустилъ случая воспользоваться этимъ предложеніемъ. Тутъ удалось мнѣ перечитать много классическихъ, преимущественно французскихъ, писателей и въ первый разъ познакомиться съ трагедіями и романами Вольтера. Вмѣстѣ съ тѣмъ,

Digitized by Google

при частыхъ прогулкахъ въ библіотеку, гдѣ иногда проводилъ я цѣлые часы, разсматривая гравюры и иллюстрированныя изданія, которыя неудобно было брать домой, я познакомился и съ домашней жизнью моего патрона.

Кокошкину въ то время было лѣтъ семьдесятъ, но онъ еще казался бодрымъ и не переставалъ разыгрывать свѣтскаго селадона и дамскаго поклонника. Надобно было видѣть, какія совершались съ нимъ каждый день овидіевскія превращенія. Утромъ, вставъ съ постели, сидѣлъ онъ въ своемъ кабинетѣ, въ большомъ вольтеровскомъ креслѣ, желтый какъ египетская мумія, съ гладкимъ безволосымъ черепомъ и ввалившимися щеками, и медленно пилъ свою чашку кофе. Казалось, этотъ уже полуживой старикъ сейчасъ рухнетъ на полъ. Но вотъ приходитъ его камердинеръ, Данило Иванычъ, ставитъ на столъ разныя принадлежности старческаго туалета—флаконы съ румянами и бѣлилами, щеточки и кисточки, рыжеватый парикъ на деревянномъ болванѣ и искусственную челюсть на серебряномъ блюдцѣ. И начиналось

Digitized by Google

превращеніе, какого не придумывалъ и пѣвецъ «Метаморфозъ». Пергаментное лицо мало-по-малу бѣлѣло и алѣло подъ косметической штукатуркой, голый черепъ прикрывался густыми завитыми кудрями, изъ-за натертыхъ розовой помадою губъ выглядывали прекрасные вставные зубы, и вся сгорбленная фигура выпрямлялась подъ туго затянутымъ корсетомъ. Раза два или три въ недѣлю, въ модномъ сюртучкѣ, съ тросточкой, на концѣ которой былъ золотой молоточекъ, послѣдній изъ аттрибутовъ масонства, выѣзжалъ онъ въ колескѣ, или только сопровождаемый ею выходилъ пѣшкомъ на прогулку.

Модными гуляньями въ Москвѣ были въ то время Прѣсненскіе пруды, Тверской бульваръ и Осташевскій садъ. Тамъ въ очередные дни недѣли можно было видѣть лучшее московское общество. Отъ двухъ до четырехъ часовъ дня прилегающія улицы уставлены были рядами экипажей, а по аллеямъ двигались пестрыя группы гуляющихъ. На каждомъ изъ этихъ гуляній были свои кориѳеи и признанныя знаменитости: иногда можно было встрѣтить тамъ

Digitized by Google

характерную фигуру Ермолова, съ его величаво-львиной головой, или улыбающееся, умное лицо Дениса Давыдова, или шагающаго на тонкихъ ногахъ пресловутаго ратника, Сергѣя Глинку. Были знаменитости и между дамами: такъ, напримѣръ, однажды общее вниманіе обращено было въ Осташевскомъ саду на извѣстную кавалеристъ-дѣвицу, Дурову-Александрову. Кокошкинъ посѣщалъ регулярно эти гулянья, особенно садъ и бульваръ, и его можно было видѣть преимущественно или съ тогдашними литературными и артистическими извѣстностями, или съ молодыми дамами. Кто встрѣчалъ его въ эти часы, стоящаго передъ какой-нибудь московской красавицей и играющаго своей тросточкой съ живостью молодаго франта, тому конечно не могло придти въ голову, что черезъ нѣсколько часовъ онъ опять превратится въ жалкаго старика и полиняетъ, какъ грошевый московскій ситецъ.

Первыми красавицами въ Москвѣ считались въ то время дѣвицы Фольцъ. Это были двѣ сестры, обѣ блондинки, необыкновенно строй-

Digitized by Google

ныя и изящныя. Въ лучшемъ обществѣ онѣ не были приняты, и барыни окидывали ихъ строгимъ, недоброжелательнымъ взглядомъ, когда онѣ появлялись въ ложѣ Малаго театра или на гуляньяхъ, въ сопровожденіи старика внушительной наружности, съ длинными сѣдыми усами и орденскими ленточками въ петлицѣ статскаго сюртука. Одни говорили, что это отецъ молодыхъ красавицъ, отставной майоръ или подполковникъ бывшихъ польскихъ войскъ, оставившій службу незадолго до начала революціи тридцать перваго года. Другіе утверждали, будто дѣвушки вовсе не дочери его, а только какія-то дальнія родственницы, и это отчасти подтверждалось тѣмъ, что его видали въ костелѣ, а онѣ ходили въ русскія церкви. Сомнительная репутація этого семейства кончилась тѣмъ, что однажды, послѣ прогулки на Тверскомъ бульварѣ, гдѣ кто-то поднесъ дѣвушкамъ два персика, онѣ обѣ умерли въ тотъ же самый день. Въ церкви Стараго Вознесенья стояли два голубые гроба, и покойницъ отпѣвали при большомъ стеченіи публики.

Digitized by Google

Я видалъ сестеръ Фольцъ въ Осташевскомъ саду. Иногда онѣ были съ своимъ дѣйствительнымъ или мнимымъ родителемъ, а иногда онъ прогуливался съ кѣмъ-нибудь, а дѣвушки сидѣли на скамейкѣ, окруженныя свѣтской молодежью и старыми холостяками, къ которымъ присоединялся иной разъ и Кокошкинъ. О загадочной смерти барышень долго говорила вся Москва, и вотъ какъ объясняли этотъ трагическій случай.

Говорили, что Фольцъ употреблялъ своихъ прекрасныхъ дочекъ для ловли московскихъ и заѣзжихъ простяковъ, способныхъ увлекаться привѣтливымъ взглядомъ красавицы. Онъ замѣчалъ, кто особенно на нихъ засматривался, развѣдывалъ объ общественномъ положеніи и особенно о достаткѣ поклонника, и если находилъ то и другое удовлетворительнымъ, то поручалъ красавицѣ, которая привлекала на себя вниманіе, поощрить исканія жертвы. Неосторожная муха попадала въ сѣти паука. Послѣ нѣсколькихъ прогулокъ на Тверскомъ бульварѣ или танцевъ въ купеческомъ собраніи, довѣр-

Digitized by Google

чивому ловеласу дозволялось пожать прекрасную ручку, и обыкновенно случалось такъ, что самъ старикъ знакомился съ нимъ и приглашалъ къ себѣ въ домъ. И вотъ поклонникъ застаетъ однажды любимую особу одну, такъ какъ папаша съ другой сестрой куда-то уѣхалъ. Какой чудный вечеръ: комфортабельная гостинная освѣщена матовымъ свѣтомъ карсельской лампы. Очаровательная дѣвушка, сыгравъ какой нибудь нѣжный романсъ на фортепьяно, садится на шелковый диванъ, съ улыбкой и поощряющимъ взглядомъ. Можно ли желать лучшихъ минутъ для объясненія? И гость пользуется ими и высказываетъ обычное признаніе въ любви. Передъ нимъ смущаются, краснѣютъ, но не отталкиваютъ его. Но посреди перваго поцѣлуя вдругъ отворяется дверь и въ комнатѣ показывается папаша, величавый, грозный, съ сверкающими отъ негодованія глазами.

— Несчастная, говоритъ онъ, обращаясь къ смущенной дѣвушкѣ: преступная дочь! И ты не постыдилась опозорить мою честную шестидесятилѣтнюю жизнь? Ты отнимаешь у меня

Digitized by Google

единственное достояніе—добрую славу моего имени. Оставь меня, иди прочь съ моихъ глазъ; я отрекаюсь отъ тебя, я тебя проклинаю!.. А вы, милостивый государь, продолжаетъ Фольцъ, обращаясь къ своему гостю: вы соблазнили невинную дѣвушку, вы насмѣялись надъ сѣдинами отца, стараго солдата, который тридцать лѣтъ проливалъ кровь за царя и отечество. Еслибы я былъ моложе, я убилъ бы васъ на мѣстѣ, но къ несчастію мои израненныя въ бояхъ руки не въ состояніи уже держать оружія. Но я найду мстителей. Тѣ, кому я служилъ вѣрой и правдой, не допустятъ безнаказанно смѣяться надъ честными сѣдинами заслуженнаго воина...

Ни къ какимъ, однако жъ, мстителямъ оскорбленному папашѣ не приходилось обращаться: оканчивалось тѣмъ, что попавшая въ сѣти жертва отпускалась на всѣ четыре стороны, подписавъ заготовленный заранѣе вексель на болѣе или менѣе крупную сумму. Вѣроятно, впрочемъ, что у иныхъ такимъ образомъ попадавшихся въ паутину мухъ было жало, и этимъ

Digitized by Google

891
Л/60

объясняли печальный конецъ отравленныхъ персиками дѣвушекъ. Называли два-три имени подозрѣваемыхъ, но, кажется, розыски ни къ чему не повели, а Фольцъ послѣ того пропалъ куда-то изъ Москвы, и самое происшествіе скоро было забыто. Помню, какъ однажды Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, разсказывая кому-то изъ знакомыхъ о подвигахъ этого негодяя, представилъ его въ роли оскорбленнаго отца и мастерски продекламировалъ его патетическій монологъ передъ преступною дочерью и ея соблазнителемъ. Сцена была прочитана съ большимъ искусствомъ и правдою.

Вообще, Кокошкинъ былъ замѣчательнымъ декламаторомъ, разумѣется, въ томъ стилѣ, который господствовалъ на французской сценѣ прошлаго столѣтія. Мы давно уже привыкли относиться свысока къ этой декламаціи, такъ же, какъ и къ той драмѣ, которую прозвали псевдо-классической. Нельзя не согласиться, конечно, что въ той и другой было много условнаго, искусственнаго, несогласнаго съ дѣйствительной жизнью, но та и другая были есте-

Digitized by Google

ственнымъ созданіемъ своего вѣка и прямымъ выраженіемъ идеала націи, стоявшей во главѣ образованнаго міра. Неправъ былъ Вольтеръ, называвшій грубымъ дикаремъ Шекспира, но неправъ и тотъ, кто подводитъ Вольтера и Расина подъ мѣрку нашей современной теоріи. Во французской сценической декламаціи, при талантливыхъ исполнителяхъ и въ соотвѣтствующихъ ей пьесахъ, было не мало увлекательнаго. Это доказала впослѣдствіи Рашель и въ недавнее время Росси. Но я помню, что въ первый разъ почувствовалъ уваженіе къ французской классической школѣ, когда услышалъ однажды сценическое состязаніе на вечерѣ у Кокошкина. Завязался оживленный разговоръ о различіи между псевдо-классической трагедіей и мелодрамой, въ отношеніи къ ихъ содержанію и исполненію на сценѣ. Извѣстный актеръ Мочаловъ, бывшій тогда въ апогеѣ своей славы, прочелъ отрывокъ изъ драмы Виктора Дюканжа «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока», а Кокошкинъ вслѣдъ затѣмъ продекламировалъ какой-то монологъ изъ «Цинны» Корнеля. Ко-

Digitized by Google

нечно, чтеніе перваго было увлекательнѣе и производило болѣе сильное впечатлѣніе, что̀ зависѣло, безъ сомнѣнія, и отъ превосходнаго его таланта, но и въ декламаціи послѣдняго была какая-то поразительная сила и величіе, при которыхъ не замѣчалось фальши и ходульности, въ чемъ обыкновенно обвиняютъ представителей французской драмы и ея исполнителей на сценѣ.

Оставя дирекцію казеннаго театра, Кокошкинъ принялся за торговыя и промышленныя предпріятія. Это зависѣло не отъ упадка его состоянія или разстройства дѣлъ: кромѣ двухъ домовъ въ городѣ, у него было хорошее подмосковное село Анненское и еще какія-то имѣнія въ другихъ губерніяхъ. Къ спекуляціямъ побудилъ его, кажется, тотъ торговый задоръ, который началъ тогда обнаруживаться въ средѣ русскихъ баръ и помѣщиковъ, можетъ быть, въ невольномъ предчувствіи конца крѣпостного права. Съ каждымъ годомъ дворяне все больше брали гильдейскихъ свидѣтельствъ, открывали заводы, фабрики и пускались въ торговые

Digitized by Google

обороты. Но многіе при этомъ не только не выигрывали, а, напротивъ, разстраивали свое состояніе и даже совсѣмъ теряли его. Настоящіе купцы и заводчики, слыша о постоянныхъ крахахъ господъ, самодовольно покачивали головами и говорили, что подобныя предпріятія—вовсе не барское дѣло.

Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ также потерпѣлъ полную неудачу въ своихъ промышленныхъ затѣяхъ. Прежде всего, онъ построилъ заводъ для выдѣлки сальныхъ свѣчей и открылъ свѣчную лавку подлѣ Охотнаго ряда, гдѣ теперь Лоскутная гостинница. Въ то время по всей этой небольшой улицѣ, съ обѣихъ сторонъ, были такъ называемыя шубныя лавки, гдѣ торговали крестьянскими нагольными тулупами и мѣховыми шапками, изображенія которыхъ и намалеваны были на вывѣскахъ, надъ каждой входной дверью. Бывая иногда въ магазинѣ Кокошкина, я не разъ имѣлъ случай любоваться своеобразнымъ обращеніемъ шубныхъ торговцевъ съ покупателями и принятымъ у нихъ способомъ рекомендовать свой товаръ. Какъ

Digitized by Google

скоро на улицѣ показывался мужичекъ, заподозрѣваемый по нѣкоторымъ признакамъ въ намѣреніи купить шапку или тулупъ, стоявшіе у ближайшей отъ угла лавки мальчишки или взрослые парни начинали зазывать его, величая почтеннымъ или хозяиномъ, и, если онъ медлилъ самъ войти, то его брали за руки, вводили насильно и запирали двери. Покупатель оставался тамъ довольно долго и иногда выходилъ съ шубой или шапкой въ рукахъ; но большею частью бывало то, что онъ не сходился въ цѣнѣ съ продавцомъ, или товаръ ему не нравился, тогда вдругъ двери отпирались, и вытолканный въ шею мужикъ летѣлъ стремглавъ на середину улицы. Тутъ ожидавшіе уже такой развязки торговцы противоположной лавки быстро подбѣгали къ нему, хватали его подъ руки и, прежде чѣмъ успѣвалъ онъ опомниться, втаскивали къ себѣ и запирали за нимъ двери. Вѣроятно, и въ этой лавкѣ покупатель не могъ столковаться съ купцами, и его снова выталкивали на мостовую, откуда опять тащили въ новую лавку на другой сторонѣ, и такимъ об-

Digitized by Google

разомъ, если ему не удавалось отбиться и убѣжать къ Иверской часовнѣ, бѣдняка долго бросали, какъ мячикъ, съ одной стороны улицы на другую. Кокошкинъ видѣлъ однажды эту оригинальную торговлю изъ своего магазина и ѣздилъ говорить о ней съ оберъ-полиціймейстеромъ, но я не знаю, повліяли ли эти переговоры на шубныхъ торговцевъ.

Свѣчной заводъ почему-то не пошелъ и магазинъ скоро былъ закрытъ. Тогда Ѳедоръ Ѳедоровичъ задумалъ другое дѣло. Въ подмосковной деревнѣ у него засѣвался картофель, перемалывался на собственной мельницѣ въ муку, которая и сбывалась съ выгодою въ Москвѣ и въ окрестностяхъ. Вдругъ кто-то, возвратясь изъ-за границы, сообщилъ ему, что видѣлъ въ Англіи машину, которая служитъ для выдѣлки картофельной муки и работаетъ съ необыкновенной быстротою. Кокошкинъ черезъ какое-то агентство выписалъ немедленно подобную машину и заплатилъ за нее, сколько помнится, двѣ или три тысячи рублей. Снарядъ этотъ привезли въ Анненское, поставили и, собравъ

Digitized by Google

картофель, пустили въ ходъ. На торжественный дебютъ заморскаго локомобиля приглашены были гости; служили молебенъ, пили шампанское, прославляли предпріимчивость дѣятельнаго и просвѣщеннаго хозяина. Машина въ самомъ дѣлѣ работала прекрасно и, несмотря на то, что въ этотъ годъ картофеля засѣяно было въ пять разъ больше, чѣмъ засѣвалось прежде, она перемолола весь урожай въ три дня. Практическій результатъ этого былъ слѣдующій. Прежде мельница работала нѣсколько мѣсяцевъ, и постоянно свѣжая мука распродавалась по частямъ, а теперь машина, покончивъ вдругъ со всѣмъ годовымъ запасомъ картофеля, опочила отъ труда до слѣдующей осени, а выработанную ею муку вдругъ нельзя было сбыть, и большая часть ея слежалась, загнила и была отдана кому-то за безцѣнокъ, а частію выброшена. Одинъ изъ близкихъ пріятелей Кокошкина, когда зашелъ разговоръ о томъ, что столько-то пудовъ муки придется бросить, сказалъ ему:

Digitized by Google

— Да зачѣмъ же, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, бросать ее?

— А что съ нею дѣлать? спросилъ Кокошкинъ.

— Вы говорите, что мука идетъ на патоку?

— Ну, да.

— Такъ надѣлаемъ-ка изъ нея патоки съ имбиремъ да и будемъ сами носить по Москвѣ съ пѣсенкой: «патока съ имбиремъ! вареная съ имбиремъ! варилъ дядя Симеонъ, тетушка Арина кушала—хвалила, а дѣдушка Елизаръ всѣ пальчики облизалъ!»

Кокошкинъ сморщился, но черезъ минуту самъ расхохотался надъ этой выходкой.

Такая же неудача постигла и послѣднюю затѣю старика. Какой-то остзейскій нѣмецъ предложилъ ему купить секретъ новоизобрѣтеннаго производства фарфоровой глины, придающаго издѣліямъ необыкновенную прочность и блескъ. Ожидая значительныхъ выгодъ отъ этого дѣла, Кокошкинъ пріобрѣлъ новооткрытый секретъ, опять за довольно крупную сумму,

Digitized by Google

устроилъ заводъ гдѣ-то за Москвой-рѣкой, нанялъ мастеромъ самого изобрѣтателя, съ хорошимъ, разумѣется, жалованьемъ, и открылъ магазинъ у Никитскихъ воротъ. Дѣло сначала пошло довольно бойко: фаянсовая и фарфоровая посуда хорошо продавалась въ Москвѣ и на Макарьевской ярмаркѣ. Ободренный заводчикъ взялъ поставку узорныхъ изразцовъ по стариннымъ рисункамъ, для печей въ возобновляемыхъ кремлевскихъ Теремахъ и, кромѣ того, приготовилъ къ открывавшейся тогда въ дворянскомъ собраніи мануфактурной выставкѣ роскошный фарфоровый туалетъ съ живописными бордюрами и выпуклыми цвѣтами, въ который вставлены были серебряныя, нарочно заказанныя принадлежности. Въ надеждѣ, что эта изящная вещь будетъ куплена въ домъ какого нибудь милліонера, или даже ко двору, ей назначили баснословно дорогую цѣну. Между тѣмъ, въ городѣ начали ходить слухи, что на заводъ Кокошкина возятъ по ночамъ для примѣси къ глинѣ такой продуктъ, который до сихъ поръ употреблялся только въ иныхъ

Digitized by Google

мѣстахъ для унавоженія полей, и хотя издѣлія нашего заводчика не отличались никакимъ специфическимъ запахомъ, но ихъ перестали покупать, и самое названіе «кокошкинская посуда» сдѣлалось браннымъ словомъ. Пресловутый туалетъ также никто не купилъ; съ выставки привезли его въ домъ и поставили въ кабинетѣ, а потомъ онъ отчего-то лопнулъ и вынесенъ былъ въ сарай, гдѣ катали бѣлье, и прачки мало-по-малу обломали съ него всѣ рельефные цвѣты. Дѣятельность завода кончилась, а непроданныя фарфоровыя вещи, вазы и сервизы раздарены были знакомымъ.

Кокошкинъ былъ членомъ англійскаго клуба и довольно исправно посѣщалъ его. Возвращался онъ оттуда очень поздно и иногда пѣшкомъ. Однажды вышелъ случай, который могъ кончиться печально. Полицейскіе солдаты, избивавшіе по ночамъ бездомныхъ собакъ, какими въ то время обиловала Москва, преслѣдовали какую-то дворняшку у нашего дома, и такъ какъ ворота оставались обыкновенно растворенными до возвращенія хозяина изъ клуба,

Digitized by Google

и ихъ иногда совсѣмъ не караулили, то гонимая собака бросилась къ намъ на дворъ. Будочники вбѣжали за нею и начали выгонять, бросая въ нее палками. Въ эту минуту Кокошкинъ, возвращавшійся пѣшкомъ изъ клубнаго засѣданія, входилъ въ ворота, и преслѣдуемая собака бросилась ему подъ ноги, а за нею полетѣла и брошенная увѣсистая палка. Старикъ упалъ и хотя не ушибся, но отъ испуга пролежалъ нѣсколько дней въ постели.

Въ Анненскомъ устраивалась иногда охота на волковъ, для чего приглашались и гости изъ Москвы. Я не бывалъ на этихъ потѣхахъ, но мнѣ говорили, что онѣ оканчивались обыкновенно двумя-тремя подстрѣленными зайцами и роскошнымъ ужиномъ, на которомъ выпивался цѣлый ящикъ шампанскаго. Волковъ не только не случалось бить, но ихъ даже и не видали. Тотъ самый пріятель нашего амфитріона, который предлагалъ ему торговать въ разносъ патокой съ имбиремъ, совѣтовалъ, для полнаго наслажденія охотой, выписывать волковъ и медвѣдей изъ Костромской губерніи и раз-

Digitized by Google

водить въ анненскихъ лѣсахъ. Кажется, мужики нарочно привозили вымышленныя извѣстія о появленіи мнимыхъ волковъ, потому что въ городѣ барина не легко было видѣть, а въ деревнѣ его осаждали различными просьбами, въ которыхъ онъ, по добротѣ своей, рѣдко отказывалъ. По крайней мѣрѣ, я слышалъ, что однажды староста заманилъ барина на охоту для того, чтобы генералъ былъ у него воспріемникомъ отъ купели новорожденнаго ребенка и при семъ торжествѣ пожаловалъ крестнику лѣсу на какую-то постройку.

Зимою, кромѣ спектаклей, бывали иногда у Кокошкина литературные вечера, но они не особенно интересовали меня, потому что читали большею частію давно уже извѣстное и напечатанное. Кажется, главною задачей при этомъ было не самое содержаніе сочиненія, а искусство чтеца, такъ какъ выбирались преимущественно драматическія сцены или такіе разсказы, въ которыхъ преобладалъ діалогъ. Нерѣдко между слушателями возникали споры, и главной темою ихъ былъ капитальный во-

Digitized by Google

просъ того времени о различіи классицизма и романтизма. Однажды, впрочемъ, споръ вышелъ изъ этого обычнаго круга. Кто-то изъ гостей, и кажется Вельтманъ, авторъ замѣчательныхъ, но теперь уже забытыхъ романовъ: «Кощей безсмертный», «Святославичъ» и др., прочелъ стихотвореніе Пушкина: «Въ часы забавъ иль праздной скуки». При этомъ, по поводу послѣдней строфы, возникло разногласіе о томъ, кому поэтъ посвятилъ эту прекрасную пьесу. Въ одной редакціи заключительные стихи читались такъ:

Твоимъ огнемъ душа палима
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ Серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

По другимъ же рукописнымъ спискамъ слѣдовало будто бы читать этотъ куплетъ иначе, а именно:

Твоимъ огнемъ душа согрѣта
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ гласу Филарета
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

Digitized by Google

Тутъ и начался споръ о томъ, къ кому Пушкинъ обращался въ этомъ стихотвореніи. Одни говорили, что оно посвящено московскому митрополиту Филарету, другіе полагали, что авторъ обращался къ митрополиту петербургскому — Серафиму, а по мнѣнію нѣкоторыхъ, онъ хотѣлъ будто бы угодить этимъ посланіемъ и тому и другому. Разумѣется, теперь никому уже не придетъ въ голову подозрѣвать нашего великаго поэта въ такой двуличности. Кокошкинъ, хотя не питалъ особаго расположенія къ Пушкину, энергически говорилъ противъ такого обвиненія и утверждалъ, что стихи посвящены были Серафиму.

Digitized by Google

Д. И. Языковъ.

Въ самый годъ моего поступленія въ Петербургскій университетъ я познакомился съ Дмитріемъ Ивановичемъ Языковымъ, извѣстнымъ ученымъ, переводчикомъ Шлецерова изслѣдованія Несторовой лѣтописи и издателемъ записокъ Нащокина и Дюка Лирійскаго. Это было въ 1839 году. Раньше онъ служилъ по министерству народнаго просвѣщенія, но въ это время занималъ мѣсто непремѣннаго секретаря Императорской Россійской Академіи, которая тогда была самостоятельнымъ ученымъ заведеніемъ и помѣщалась въ первой линіи Васильевскаго Острова, гдѣ теперь находится Римско-Католическая Духовная Академія. Въ ту пору академическое зданіе состояло изъ цен-

Digitized by Google

тральнаго дома и двухъ боковыхъ флигелей, соединенныхъ теперь съ нимъ промежуточными придѣлками въ одно цѣлое. Въ главномъ корпусѣ въ верхнемъ этажѣ была обширная зала засѣданій, канцелярія, архивъ и библіотека, а въ нижнемъ жилъ Дмитрій Ивановичъ съ семействомъ. Одинъ изъ флигелей отдавался въ наемъ, а въ другомъ помѣщались служившіе при академіи чиновники и еще нѣсколько человѣкъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ дому. Здѣсь и я поселился, когда Языковъ, по рекомендаціи одного своего родственника, съ которымъ я познакомился въ дорожномъ дилижансѣ, пригласилъ меня давать уроки сыну и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разобрать его собственную библіотеку и составить каталогъ.

Когда я узналъ Языкова, ему было уже съ виду болѣе шестидесяти пяти лѣтъ. Это былъ низенькій старикъ, совсѣмъ сѣдой и немного сгорбленный, но еще бодрый и живой. Занимаясь въ его библіотекѣ, я вполнѣ ознакомился съ его образомъ жизни. Какъ рано ни придешь, бывало—непремѣнно увидишь его въ кабинетѣ,

Digitized by Google

за письменнымъ столомъ, обложеннымъ книгами. Хотя рабочая комната выходила на дворъ, но въ ней отчетливо слышался и громъ рояля изъ залы, и крикъ попугая изъ диванной, а между тѣмъ научный труженикъ не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія. Работа положительно дѣлала его глухимъ и слѣпымъ ко всему окружающему. Но, какъ только било три часа, онъ въ ту же минуту вставалъ и шелъ въ переднюю, гдѣ лакей держалъ уже на-готовѣ зимой шубу, а въ другія времена года шинель коричневаго сукна, съ тремя воротниками, одинъ на другомъ. Говорятъ, что кенигсбергцы повѣряли свои часы по времени ежедневно регулярной прогулки Канта, и мнѣ кажется, то же самое могли бы дѣлать жители первой и седьмой линій и Большого и Средняго проспектовъ Васильевскаго Острова, по направленію которыхъ Дмитрій Ивановичъ гулялъ всегда въ одномъ и томъ же порядкѣ. По возвращеніи его, тотчасъ же садились за обѣдъ, а когда подавали кофе, человѣкъ несъ уже въ диванную двѣ подушки и одѣяло, и

Digitized by Google

старикъ шелъ на часъ отдыхать. Его непремѣнно провожала младшая его дочь, десятилѣтняя дѣвочка, которая знала на память «Горе отъ ума» и должна была, прежде чѣмъ отецъ заснетъ, прочесть ему какую нибудь сцену изъ комедіи Грибоѣдова. Этотъ установленный порядокъ нарушался только разъ въ недѣлю, въ тѣ дни, когда бывали собранія членовъ академіи, и Языковъ, какъ непремѣнный секретарь, постоянно въ нихъ участвовалъ. Въ эти дни и прогулка отмѣнялась, и обѣдали позже обыкновеннаго, а вмѣсто отдыха и чтенія онъ бесѣдовалъ съ кѣмъ нибудь изъ приглашенныхъ къ обѣду. Чаще другихъ бывалъ нѣкто Анастасевичъ, переводчикъ «Федры» Расина и горячій почитатель Вольтера и энциклопедистовъ. Оба старика, сидя въ креслахъ, толковали о тогдашнихъ ученыхъ и литературныхъ новостяхъ, куря какой-то чрезвычайно крѣпкій табакъ изъ бѣлыхъ глиняныхъ трубочекъ, которыя служили только на одинъ разъ и послѣ того бросались. Въ кабинетѣ былъ всегда большой запасъ этого добра. Такія трубки я ви-

Digitized by Google

далъ потомъ на картинахъ Теньера, у его фламандскихъ мужиковъ.

Судя по такой правильной жизни хозяина, можно бы, кажется, ожидать, что и въ домѣ долженъ быть образцовый порядокъ. На самомъ дѣлѣ этого не было. Правда, Языковъ былъ небогатъ, но при готовой квартирѣ, порядочномъ содержаніи и доходахъ съ какого-то, хотя и небольшого, имѣнія онъ не долженъ бы нуждаться, а между тѣмъ въ домѣ часто замѣчались недостатки въ вещахъ самыхъ необходимыхъ. Хозяйство, несмотря на то, что за нимъ смотрѣла особая экономка, велось далеко не правильно. Самъ Дмитрій Ивановичъ, какъ я уже сказалъ, былъ человѣкъ кабинетный и нисколько не вмѣшивался въ домашнія дѣла. Меня только удивило то положеніе, въ какомъ я нашелъ его библіотеку. Казалось бы, у человѣка, исключительно занятаго учеными трудами, которые требовали постоянныхъ справокъ съ источниками, книги должны быть предметомъ особыхъ заботъ и сохраняться въ порядкѣ. Напротивъ, библіотека была въ жалкомъ

Digitized by Google

положеніи. Шкапы не запирались, и книги, съ позволенія или безъ позволенія, бралъ всякій, кто только хотѣлъ, и, когда возвращалъ, то ставилъ куда попало. Иныя книги совсѣмъ не возвращались. При разборѣ, я отдѣлилъ цѣлую груду разрозненныхъ томовъ, и притомъ отъ изданій цѣнныхъ и довольно рѣдкихъ. И едва прошло нѣсколько дней послѣ того, когда я отобралъ полные экземпляры и составилъ часть каталога, какъ и въ этомъ начали уже оказываться пробѣлы. Старикъ сердился, но это нисколько не прекращало пропажъ. Оставались цѣлыми только тѣ книги, которыя постоянно лежали на его пыльномъ письменномъ столѣ. Куда исчезали и кому нужны были разрозненные томы, осталось неизвѣстнымъ. Два или три раза я видалъ книги изъ Языковской библіотеки у жильцовъ нашего флигеля, но помню, что онѣ возвращались исправно. Можно думать только, что ихъ постигла та же судьба, какъ и многіе десятки томовъ академическихъ изданій, которыя лежали большими грудами на чердакѣ. Дѣло въ томъ, что иногда во флигель

Digitized by Google

къ намъ забывали принести дровъ, и тогда утромъ кто нибудь изъ обывателей нашего этажа, болѣе другихъ чувствительный къ холоду, поднимался на чердакъ, бралъ въ этой кладовой кучу книгъ и затапливалъ ими печь. Больше всего топили, по удобству формата для переноски, экземплярами сочиненій адмирала Шишкова и изданіемъ «Ликей или кругъ словесности» Лагарпа. Иногда эти аутодафэ дѣлались въ такомъ размѣрѣ, что клочья полусгорѣвшей бумаги, вылетая изъ трубы, обильно падали на улицу, и однажды въ академію приходила полиція освѣдомиться о причинѣ такого бумажнаго изверженія. Но вѣрно этимъ произведеніямъ суждено уже было погибнуть не отъ крысъ, а отъ огня, потому что все, что мы не успѣли сжечь, сгорѣло потомъ при бывшемъ въ академическомъ флигелѣ пожарѣ.

Во время, о которомъ я говорю, нашъ флигель былъ очень населенъ. Внизу, въ большой квартирѣ, жилъ какой-то крупный чиновникъ министерства народнаго просвѣщенія съ большимъ семействомъ. Въ каждомъ окнѣ видна

Digitized by Google

была постоянно женская голова надъ какой-то работой. Но, такъ какъ въ эту квартиру былъ особый входъ съ улицы и жильцы ея никогда не появлялись у Языковыхъ, то мы и не знали, кто эти господа и почему живутъ въ академическомъ домѣ. Верхній этажъ, гдѣ и мнѣ дали небольшую меблированную комнату, былъ гораздо характернѣе. Въ немъ жило и проживало много самаго разнообразнаго люда.

Большую комнату, окнами на улицу, занималъ полиціймейстеръ академіи. Сколько я могъ понять, его величали такимъ образомъ потому, что онъ командовалъ тремя академическими сторожами, отдавалъ имъ приказы мести улицу, смотрѣть за чистотой двора и приводить въ порядокъ залу передъ началомъ еженедѣльныхъ засѣданій. Занятія эти не очень, однако-жъ, обременяли его, такъ что онъ каждый день по нѣсколько часовъ посвящалъ литературному труду. Во все время моего житья въ академіи онъ работалъ въ потѣ лица надъ переводомъ одного разсказа Альфреда де-Виньи, размѣромъ не больше печатнаго листа, попра-

Digitized by Google

влялъ его, передѣлывалъ, сокращалъ и довелъ до полной неузнаваемости съ оригиналомъ. Тутъ онъ остался доволенъ своей работой и, перечитавъ ее всѣмъ, у кого достало терпѣнія его слушать, понесъ рукопись въ какой-то журналъ, но такъ какъ ее не приняли, то нашъ полиціймейстеръ снова принялся за Сизифовъ трудъ надъ исправленіемъ и передѣлкою своего перевода. Не знаю, сподобился ли онъ видѣть свое многострадальное произведеніе въ печати.

Сосѣдомъ его былъ другой труженикъ, Ѳеодосій Ивановичъ, который извѣстенъ былъ у насъ подъ именемъ нумизмата. Въ какой степени онъ знакомъ былъ съ этой наукой, я не знаю. У него не водилось никакого нумизматическаго собранія и даже никакихъ сочиненій по этому предмету, но онъ любилъ перечислять, въ какомъ музеѣ или частномъ хранилищѣ находится такая или другая рѣдкая монета. Съ особеннымъ одушевленіемъ разсказывалъ онъ, какимъ иногда чудеснымъ случайностямъ подвергаются нумизматы. У одного

Digitized by Google

какого-то извѣстнаго любителя былъ въ коллекціи чрезвычайно рѣдкій серебряный пятачекъ Петра III. Въ одинъ прискорбный день эта драгоцѣнная монета пропала и, несмотря на всякіе поиски и обѣщаніе значительной награды тому, кто ее представитъ, рѣдкость не находилась. Бѣдный ученый былъ въ отчаяніи и рѣшилъ, что сокровище его какимъ нибудь образомъ похищено было кѣмъ нибудь изъ завистливыхъ нумизматовъ. Но вышло не то: въ квартирѣ перестилали полъ, и подъ нимъ нашли мышиное гнѣздо, а въ немъ оказался и пропавшій пятачекъ. Такимъ образомъ, здѣсь мышь чуть не надѣлала бѣды, какъ сорока-воровка въ «Сонамбулѣ». Собственныя занятія Ѳеодосія Ивановича въ нумизматикѣ ограничивались тѣмъ, что къ нему по воскресеньямъ приходили нищіе и приносили ему собранныя мѣдныя деньги, которыя онъ промѣнивалъ у нихъ на серебро, съ прибавкою нѣсколькихъ копѣекъ. Это дѣлалось, какъ онъ говорилъ, въ тѣхъ видахъ, что нищимъ попадаются иногда рѣдкіе экземпляры, цѣнимые на вѣсъ золота.

Digitized by Google

Впрочемъ, сколько я помню, ему не удалось добыть этимъ путемъ ничего замѣчательнаго. Но Ѳеодосій Ивановичъ жилъ въ академіи не ради нумизматики. Офиціальнымъ его занятіемъ было составленіе, по порученію Языкова, указателя личныхъ именъ и географическихъ названій къ какому-то изданію русскихъ лѣтописей. На его письменномъ столѣ стояли ряды картонныхъ коробочекъ, съ нарѣзанными изъ бумаги билетами, величиной съ игральную карту. На нихъ выписывались слова изъ лѣтописи и размѣщались по коробкамъ подъ соотвѣтственной буквой, чтобы потомъ вносить ихъ по порядку въ общій алфавитный списокъ. Но работѣ этой не суждено было увидѣть свѣтъ: она сгорѣла во время того пожара, въ которомъ погибъ и «Ликей» съ другими академическими изданіями. Впрочемъ, едва ли слѣдуетъ жалѣть объ этой потерѣ. Мнѣ случалось видѣть, какъ въ отсутствіе нумизмата иные изъ нашихъ сожителей, нуждаясь въ клочкѣ бумаги, чтобы закурить трубку или сигару, брали для того готовые уже билеты труженика. Можно

Digitized by Google

представить, какъ полонъ былъ бы указатель Ѳеодосія Ивановича.

Въ надворной части флигеля, рядомъ съ моей комнатой, жилъ капитанъ Кукъ. Такъ звали у насъ отставного лейтенанта, который былъ какимъ-то дальнимъ родственникомъ жены Языкова и потому пользовался квартирой въ академіи и столомъ отъ Дмитрія Ивановича. Всякое утро, какъ только било девять часовъ или, по его выраженію, склянокъ, въ комнатѣ его, которую онъ называлъ каютой, раздавался рѣзкій свистъ и затѣмъ крикъ: «эй, боцманъ!» И на этотъ призывъ являлся его деньщикъ-матросъ съ отвѣтнымъ крикомъ: «есть!» Слѣдовала команда: «ставить лиселя!» Это значило, что боцманъ долженъ подавать чай и къ нему «морскія сливки», т. е. ромъ. Напившись чаю, лейтенантъ выходилъ на вахту, т. е. начиналъ маршировать взадъ и впередъ по комнатѣ, запустивъ руки въ карманы шароваръ. При этомъ онъ замѣтно покачивался, хотя и увѣрялъ, что отъ многолѣтняго плаванія въ экспедиціяхъ давно пріобрѣлъ морскія ноги, на которыхъ мо-

Digitized by Google

жетъ держаться при самомъ сильномъ штормѣ. Въ какихъ именно экспедиціяхъ бывалъ нашъ капитанъ Кукъ, мы не могли узнать. На вопросы объ этомъ, онъ отзывался обыкновенно, что плавалъ во всѣхъ широтахъ и навѣрно открылъ бы Америку и путь въ Индію, еслибы его не предупредили эти невѣжды — Колумбъ и «Васька» де-Гама. Теперь лейтенантъ постоянно сидѣлъ въ своей каютѣ и выходилъ изъ нея или, какъ онъ говорилъ, снимался съ якоря только разъ въ три мѣсяца, когда ѣздилъ за полученіемъ пенсіи.

Кромѣ этихъ постоянныхъ обитателей, у насъ появлялись временные кочевники: старшій сынъ Языкова, служившій въ гатчинскихъ кирасирахъ и часто пріѣзжавшій въ отпускъ, его товарищи-юнкера, родственники капитана Кука, кадеты морскаго корпуса, студенты и всякая молодежь. Все это жило иногда по нѣсколько дней и почивало въ свободныхъ комнатахъ, обильно снабженныхъ диванами. Въ нашъ флигель снизу никто не ходилъ, и у насъ иногда подымался такой содомъ, съ пѣснями и всякимъ

Digitized by Google

школьничествомъ, что жена Дмитрія Ивановича присылала узнать, что здѣсь дѣлается. Самъ Языковъ во все время моего житья въ академіи только разъ приходилъ во флигель навѣстить капитана Кука, который сильно простудился во время экспедиціи за пенсіей.

У Языкова кромѣ двухъ сыновей, изъ которыхъ младшему я давалъ уроки для поступленія въ кадетскій корпусъ, было три дочери. Старшая была замужемъ за отставнымъ гвардейскимъ полковникомъ Кожинымъ, и обыкновенно по праздникамъ пріѣзжала съ мужемъ къ отцу и проводила у него цѣлый день. Прелестная, кроткая и всегда задумчивая, она принадлежала къ типу тѣхъ женщинъ, которыя должны были служить моделью для художниковъ при изображеніи подвижницъ первыхъ вѣковъ христіанства. О младшей ея сестрѣ я уже сказалъ: въ то время это была дѣвочка бойкая, способная и обѣщавшая также быть красавицей. Средняя сестра, Конкордія Дмитріевна, воспитывалась въ Екатерининскомъ институтѣ. Когда я поселился въ академіи, она

Digitized by Google

уже оканчивала курсъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вышла изъ заведенія. Это было важнымъ событіемъ не только въ семействѣ Языкова, но и во всемъ академическомъ домѣ. Праздничные обѣды Дмитрія Ивановича сдѣлались многолюднѣе: на нихъ появились новыя лица изъ военной молодежи, привлекаемыя очевидно прекрасною институткою. Съ перваго появленія этой изящной красавицы, стройной и гибкой, съ антично-правильными чертами и неподдѣльной наивностью во всѣхъ движеніяхъ, у насъ во флигелѣ только и разговоровъ было, что о ней. Не только молодежь, но и наши ученые труженики, и даже капитанъ Кукъ, были отъ нея безъ ума. Восхищеніе это, кажется, оставалось для нея тайною до тѣхъ поръ, когда, наконецъ, оно выразилось со стороны какого-то изъ ея поклонниковъ странною выходкою, которая была очень непріятна для институтки. Вотъ что случилось. Въ диванной комнатѣ, у окна, стояла клѣтка съ попугаемъ. Не знаю, давно ли и гдѣ пріобрѣтенъ былъ этотъ попугай, но вѣроятно онъ принадлежалъ прежде какой нибудь

Digitized by Google

итальянкѣ, потому что отчетливо выкрикивалъ и по нѣскольку разъ повторялъ фразу: «io t'amo, mio caro!» Кто-то изъ поклонниковъ институтки, и очевидно близкій къ дому, придумалъ объяснить свои чувства обожаемой особѣ черезъ посредство этого попугая. Однажды въ воскресенье за обѣдомъ, который по праздникамъ бывалъ обыкновенно въ залѣ, прилежащей къ диванной, въ то время, когда между разговорами выдалась минута общаго молчанія, попугай громко закричалъ: «милая Конкордія, я люблю тебя!» Молоденькая институтка вспыхнула и едва не заплакала. Розыски о томъ, какой педагогъ давалъ уроки русскаго языка попугаю, не привели ни къ какому результату. Между тѣмъ ученикъ такъ хорошо оправдалъ своего преподавателя, что каждый день по нѣскольку разъ повторялъ заученную фразу, а такъ какъ это не нравилось институткѣ, то его и съ клѣткой подарили какой-то знакомой барынѣ. Языковъ, какъ я помню, очень жалѣлъ объ этомъ, потому что любилъ каждое утро

Digitized by Google

самъ приносить попугаю размоченный въ сливкахъ сухарь.

Старшій сынъ Дмитрія Ивановича, какъ я уже сказалъ, служилъ юнкеромъ въ гатчинскихъ кирасирахъ, и мнѣ приходилось иногда ѣздить съ какими нибудь порученіями къ нему въ Гатчину. Одна изъ такихъ поѣздокъ особенно осталась у меня въ памяти. Это было весною, въ концѣ апрѣля. Дни стояли прекрасные, солнечные. Нева давно разошлась и Исаакіевскій мостъ, который тогда служилъ единственнымъ сообщеніемъ Васильевскаго Острова съ Адмиралтейскою стороною, былъ уже наведенъ. Кончивъ порученіе въ Гатчинѣ, я на другой день добрался благополучно до Царскаго Села, пообѣдалъ тамъ въ гостинницѣ и вечеромъ воротился по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ. Спокойно доѣхалъ я до набережной, и вдругъ вижу — мостъ разведенъ, во всю ширину рѣки сплошной бѣлой массой тянется ладожскій ледъ, и перевозъ прекратился. Съ нѣсколькими копѣйками и безъ всякаго знакомства на лѣвомъ берегу Невы я очутился въ затруднительномъ

Digitized by Google

положеніи. Съ слабой надеждой на то, что, можетъ быть, ледъ разойдется и откроется перевозъ, пошелъ я бродить по Невскому проспекту, но, когда часа черезъ два воротился на набережную—ледоходъ былъ такъ же густъ и пустые ялики качались у пристани, на которой дремалъ одинъ перевозчикъ и расхаживалъ квартальный. Очевидно, что попасть домой было нельзя. Идя безъ цѣли по Англійской набережной, я уже посматривалъ на полукруглую гранитную скамейку, по сторонамъ которой спускаются сходы къ водѣ. Здѣсь я думалъ ночевать, завернувшись въ шинель. Когда я остановился передъ спускомъ и глядѣлъ на движущуюся по Невѣ ледяную массу, ко мнѣ подошелъ какой-то морякъ.

— Вамъ вѣрно на ту сторону нужно? спросилъ онъ.

— Да, у меня здѣсь нѣтъ знакомыхъ и не хотѣлось бы ночевать на улицѣ.

— И я въ такомъ же положеніи; надобно, во что бы ни стало, попасть на Островъ.

— Но какъ же мы попадемъ—перевоза нѣтъ.

Digitized by Google

— А вотъ какъ: теперь двѣнадцатый часъ, полиція скоро уйдетъ съ пристани... Мы возьмемъ яликъ и сами переѣдемъ безъ перевозчика. Насъ, конечно, отнесетъ льдомъ, но, вѣроятно, у Горнаго корпуса пристанемъ. Хотите?

— Съ удовольствіемъ; вы, какъ морякъ, вѣроятно съумѣете справиться съ яликомъ.

— Надѣюсь. Только двоимъ будетъ трудно; пойдемте искать еще одного или двухъ товарищей.

Это не стоило большаго труда. По набережной бродили печальныя фигуры, похожія на тѣни, скитающіяся по берегу Стикса въ напрасномъ ожиданіи Харона, который перевезъ бы ихъ въ страну успокоенія. Намъ скоро удалось завербовать еще двоихъ островитянъ, купца и сенатскаго чиновника, пожелавшихъ участвовать въ нашей экспедиціи. Чтобы не возбудить подозрѣнія, мы по одиночкѣ подвигались къ пристани. Какъ только квартальный ушелъ, мы дружно сбѣжали на плотъ, сѣли въ одинъ изъ яликовъ и, захвативъ съ другихъ пару лишнихъ веселъ и багровъ, оттолкнулись отъ пристани

Digitized by Google

и врѣзались въ промежутокъ плывущихъ хрупкихъ льдинъ. Насъ, однако-жъ, увидали; полицейскій прибѣжалъ на пристань и закричалъ:

— Воротитесь! я вамъ приказываю.

— Полноте, отецъ-командиръ, отвѣчалъ ему морякъ: — ваши приказанія на водѣ не дѣйствуютъ!

Хотя мы не отошли еще и двухъ саженей отъ берега, но остановить насъ, конечно, было уже нельзя. Проснувшійся дежурный перевозчикъ, съ своей стороны только развелъ руками. Черезъ нѣсколько минутъ и квартальный ушелъ.

При сплошной массѣ льда, намъ, разумѣется, невозможно было плыть на веслахъ, и мы подвигались впередъ, дѣйствуя только одними баграми. Но дѣло шло медленно: яликъ быстро несло по теченію, а въ направленіи къ противоположному берегу мы выиграли очень немного. Проходило иногда по нѣсколько минутъ, пока мы успѣвали пробраться между двумя льдинами. Вотъ миновали мы Академію Художествъ, Морской корпусъ; вотъ, наконецъ, и Горный корпусъ, но вмѣсто того, чтобы при-

Digitized by Google

стать здѣсь къ берегу, мы были еще на серединѣ Невы. Вдобавокъ, насъ затерло между большими плотными льдинами, изъ которыхъ, при всѣхъ усиліяхъ, мы не могли никакъ выбраться, а при этомъ яликъ началъ скрипѣть и въ немъ показалась течь. Одинъ изъ пассажировъ, именно купецъ, сталъ размашисто креститься и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бранить другихъ за то, что втянули его въ неминуемую погибель. Но командиръ нашъ, морякъ, оказался, какъ говорится, на высотѣ своей задачи. — «Намъ придется выбраться на взморье», сказалъ онъ: «тамъ ледъ будетъ рѣже и мы на веслахъ пристанемъ къ Галерной гавани; съ баграми теперь нечего дѣлать, надобно только стараться, чтобы не затонулъ яликъ». И мы, оставя багры, принялись вычерпывать фуражками воду. Предсказаніе нашего путеводителя вполнѣ оправдалось. Какъ только мы проплыли мимо Чекушъ и вышли на широкое взморье, ледъ замѣтно началъ рѣдѣть, и между нимъ показались большія полыньи. Въ то время, какъ одни изъ насъ продолжали вычерпывать воду изъ ялика, другіе

Digitized by Google

взялись за багры и весла, и, наконецъ, мы благополучно сошли на берегъ въ Гавани. Былъ уже шестой часъ утра. Морякъ нашъ жилъ въ одной изъ дальнихъ линій Острова; онъ пригласилъ меня къ себѣ на чай, и тутъ мы окончательно познакомились. Когда я разсказалъ о нашемъ приключеніи Языкову, онъ сдѣлалъ мнѣ строгое замѣчаніе, но зато капитанъ Кукъ остался очень доволенъ и выразилъ надежду, что я могу со временемъ пріобрѣсть морскія ноги.

Живя въ россійской академіи, я, конечно, интересовался ея еженедѣльными собраніями. Въ самую залу засѣданій, разумѣется, нельзя было входить, но я нерѣдко пробирался въ прилегавшую къ ней библіотеку, изъ которой можно было все видѣть и слышать. Собраніе открывалось обыкновенно тѣмъ, что Дмитрій Ивановичъ, въ качествѣ непремѣннаго секретаря, читалъ протоколъ предыдущаго засѣданія, а затѣмъ спрашивалъ, кому изъ господъ членовъ угодно прочесть или заявить что нибудь. Въ то время академія приготовляла новое изда-

Digitized by Google

ніе «Словаря», и работа по этому предмету была раздѣлена между многими лицами, а потому чтенія и замѣчанія сосредоточивались преимущественно на объясненіи отдѣльныхъ словъ русскаго языка. Больше и горячѣе всѣхъ интересовался этимъ дѣломъ, сколько я помню, извѣстный составитель русской грамматики и издатель «Остромірова Евангелія», Александръ Христофоровичъ Востоковъ. Иногда кто нибудь изъ членовъ читалъ и литературныя статьи, а Борисъ Михайловичъ Ѳедоровъ даже продекламировалъ однажды, съ нѣсколько забавнымъ паѳосомъ, стихотвореніе свое, подъ заглавіемъ: «Сардамскій плотникъ». Въ этомъ засѣданіи былъ и И. А. Крыловъ, котораго я видѣлъ тогда въ первый и послѣдній разъ. Самъ онъ ничего не читалъ, да кажется и не слушалъ. Случалось, что кто нибудь приносилъ въ собраніе книжку журнала или листокъ газеты и читалъ во всеуслышаніе чѣмъ нибудь интересовавшую его статью. Однажды я былъ крайне озадаченъ тѣмъ, что въ засѣданіи удостоилась публичнаго чтенія и моя небольшая статейка.

Digitized by Google

Дѣло было такъ. Въ «Сѣверной Пчелѣ» была напечатана статья какого-то г. Шютца, подъ названіемъ «Русскій языкъ въ Сибири». Авторъ, говоря въ ней объ особенностяхъ сибирскаго нарѣчія, причислилъ къ его идіотизмамъ много такихъ словъ и фразъ, которыя употребляются и въ великороссійскихъ губерніяхъ, особенно среди сельскаго населенія. Мнѣ вздумалось написать возраженіе на статью, къ чему, кромѣ явныхъ ошибокъ ея, меня побуждало еще то, что я отъ моего близкаго товарища по университету, сибиряка Н. Г. Минина, узналъ нѣсколько дѣйствительно сибирскихъ выраженій и словъ, повидимому, неизвѣстныхъ г. Шютцу. Это давало мнѣ возможность самому прикинуться сибирякомъ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, придавало нѣкоторую авторитетность моей критической замѣткѣ. Я написалъ статейку и отнесъ въ редакцію той же «Сѣверной Пчелы». Черезъ недѣлю этотъ мой первый литературный опытъ и явился въ газетѣ, въ № 60, отъ 16 марта 1839 г., подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ о русскомъ языкѣ въ Сибири» и за подписью

Digitized by Google

«Сибирякъ». И вотъ въ ближайшемъ засѣданіи академіи, когда я былъ въ библіотекѣ, Языковъ, послѣ чтенія кѣмъ-то изъ членовъ не помню теперь какой статьи, обратился къ собранію съ заявленіемъ, что въ фельетонѣ «Сѣверной Пчелы» напечатано возраженіе на читанную въ прошломъ засѣданіи статью Шютца объ идіотизмахъ сибирскаго нарѣчія. По требованію присутствующихъ, Дмитрій Ивановичъ прочелъ мою статейку. Мнѣ было очень неловко: хотя высказанныя мною замѣчанія и признаны были справедливыми, но тѣмъ не менѣе, я чувствовалъ неумѣстность моей мистификаціи. Надежда, что псевдонимъ мой останется не раскрытымъ, не оправдалась. Не предвидя, что статья попадетъ въ собраніе академіи, я не дѣлалъ изъ своего писанія тайны и во флигелѣ знали о моей работѣ. Кто-то изъ моихъ сосѣдей и, кажется полиціймейстеръ, сообщилъ объ этомъ Языкову. Я боялся какой нибудь непріятности, но все кончилось благополучно. Дмитрій Ивановичъ, при первомъ свиданіи, сказалъ мнѣ что-то пріятное на счетъ моей статьи

Digitized by Google

и обѣщалъ найти для меня какія нибудь литературныя занятія. Съ этого дня онъ даже сталъ внимательнѣе ко мнѣ, а когда я уѣзжалъ изъ академіи, подарилъ нѣсколько книгъ и, въ томъ числѣ, свой переводъ Шлецерова «Нестора».

Съ той поры, какъ россійская академія была присоединена къ академіи наукъ и Языковъ выѣхалъ изъ казеннаго дома, я видалъ его рѣдко. Онъ жилъ послѣ того еще года четыре, по прежнему проводилъ большую часть дня за письменнымъ столомъ и дѣятельно работалъ надъ составленіемъ «Церковнаго словаря». Хотя послѣ преобразованія заведенія Дмитрій Ивановичъ поступилъ ординарнымъ академикомъ по отдѣленію русскаго языка и словесности въ академію наукъ, но ѣздилъ туда, какъ я слышалъ, довольно рѣдко. Причиной этому было не ослабѣвавшее его здоровье и не сожалѣніе о потерянномъ мѣстѣ непремѣннаго секретаря, а, сколько я могъ понять, одна не оставлявшая его мысль о томъ, что съ новой перемѣною упало самостоятельное положеніе того ученаго учрежденія, которое основано

Digitized by Google

было императрицею Екатериною и принесло не мало пользы отечественному языкознанію. При всей своей сдержанности, онъ однажды, по возвращеніи изъ засѣданія отдѣленія академіи наукъ, выразился въ этомъ смыслѣ.

Ни о семействѣ Дмитрія Ивановича, ни о судьбѣ моихъ товарищей по житью въ академическомъ флигелѣ я впослѣдствіи ничего не слыхалъ. Однажды только встрѣтилъ я на улицѣ такъ называемаго боцмана, который сообщилъ мнѣ, что капитанъ Кукъ окончилъ свою жизненную вахту, и что его провожалъ на Смоленское кладбище взводъ моряковъ съ тремя горнистами.

Digitized by Google

Встрѣча съ Н. В. Гоголемъ.

Лѣтомъ, вскорѣ послѣ открытія нашей первой желѣзной дороги, возвращался я изъ Царскаго Села въ Петербургъ. Въ вокзалѣ, передъ самымъ отходомъ поѣзда, я встрѣтилъ одного молодого человѣка N., котораго видалъ въ университетѣ. Онъ являлся на лекціяхъ въ качествѣ вольнаго слушателя, но не особенно акуратно, и, кажется, ходилъ больше для того, чтобы поболтать съ студентами и похвастаться какимъ нибудь бархатнымъ жилетомъ или часовой цѣпочкой съ брелоками. Любимой темой его разсказовъ было сообщеніе, съ какими знакомъ онъ актерами, литераторами, художниками; но всѣ мы догадывались, что, если въ этихъ разсказахъ и была кое-какая правда, то въ

Digitized by Google

весьма небольшой дозѣ. Надъ нимъ нерѣдко подсмѣивались довольно нецеремонно, но онъ этимъ нисколько не смущался. Впослѣдствіи, я встрѣтилъ его какъ-то на улицѣ въ формѣ гусарскаго юнкера, и онъ не замедлилъ отрекомендоваться мнѣ, что у него лучшая во всемъ полку лошадь.

На этотъ разъ мы вошли вмѣстѣ въ вагонъ втораго класса, и мнѣ поневолѣ пришлось сидѣть рядомъ съ N. На противоположной сторонѣ, наискось отъ насъ, помѣстились два господина среднихъ лѣтъ, одинъ невысокаго роста, плотный, съ открытымъ лицомъ и небольшой эспаньолкой, въ довольно поношенномъ пальто; другой худощавый, съ длинными волосами и большимъ тонкимъ носомъ, въ какомъ-то не совсѣмъ обыкновенномъ плащѣ съ капишономъ. Лица ихъ показались мнѣ какъ будто знакомыми, хотя я и не могъ придумать, гдѣ и когда видѣлъ ихъ. Господинъ въ пальто курилъ сигару, а товарищъ его молча оглядывалъ сидѣвшихъ въ вагонѣ. Изрѣдка они обмѣнивались короткими фразами, которыхъ я не

Digitized by Google

могъ разслышать, сколько отъ шума поѣзда, столько же и отъ болтовни моего надоѣдливаго сосѣда. Когда онъ сталъ показывать мнѣ перстень съ подозрительнымъ алмазомъ и въ довольно прозрачныхъ выраженіяхъ намекнулъ, что получилъ его отъ извѣстной въ то время танцовщицы, давая понять о близости своего знакомства съ нею,—наши молчаливые сосѣди переглянулись между собой съ легкою улыбкой. Мнѣ было крайне совѣстно за моего хлыща.

На полдорогѣ къ Петербургу въ нашъ вагонъ вошелъ низенькій смуглый человѣкъ, въ сильно потертомъ черномъ сюртукѣ и совсѣмъ порыжѣлой черной шляпѣ. Онъ быстро оглянулъ пассажировъ и, такъ какъ мы сидѣли ближе другихъ, подошелъ прямо къ намъ, вынулъ изъ бокового кармана бумажникъ и съ какимъ-то заискивающимъ поклономъ заявилъ, что онъ художникъ, вырѣзываетъ въ три минуты необычайнаго сходства силуэты, по рублю за экземпляръ, и удостоился уже вниманія многихъ знаменитыхъ людей, поощрившихъ его талантъ. Вычитывая эту рекламу на плохомъ

Digitized by Google

французскомъ языкѣ съ рѣзкимъ итальянскимъ выговоромъ, онъ вынулъ изъ своего бумажника и развернулъ сложенную въ видѣ карточной колоды длинную бѣлую бандероль, на которой наклеены были вырѣзанные изъ черной бумаги профильные силуэты. Сосѣдъ мой принялся ихъ разсматривать, очевидно, не столько изъ прямого любопытства, сколько съ желаніемъ показать свое знакомство съ извѣстностями литературнаго и артистическаго круга.

— Это Александръ Сергѣичъ? спросилъ онъ итальянца, показывая на довольно удачно сдѣланный профиль Пушкина.

— Точно такъ, мосьё.

— Съ натуры снято?

— Съ живого, незадолго передъ смертью.

Кажется, на этотъ разъ, какъ говорится, нашла коса на камень, и бродячій артистъ былъ такъ же беззастѣнчивъ, какъ и мой сосѣдъ.

— А это Василій Андреичъ? продолжалъ N.—Выраженіе, мнѣ кажется, напоминаетъ Каратыгина въ Гамлетѣ?

Digitized by Google

— Въ театрѣ, въ уборной снималъ.

— А! И Карлъ Павловичъ Брюлловъ? Очень, очень похожи.

Силуэтистъ на всѣ эти замѣчанія кивалъ утвердительно головой и въ то же время нетерпѣливо пощелкивалъ маленькими ножницами, поглядывая на всѣхъ насъ съ видимымъ желаніемъ и надеждою получить отъ кого нибудь заказъ. При послѣднемъ замѣчаніи моего сосѣда, худощавый господинъ въ плащѣ, который во все это время посматривалъ съ улыбкой то на него, то на итальянца, быстро переглянулся съ своимъ товарищемъ и, обратясь къ N., спросилъ:

— А вы знаете Брюллова?

— Да, видалъ, отвѣчалъ тотъ безъ малѣйшаго смущенія.

— Вѣроятно, на его картинѣ «Послѣдній день Помпеи»? Силуэтъ, должно быть, по ней же вырѣзанъ! Ну, видите, Брюлловъ пококетничалъ тамъ, помолодилъ себя и поприкрасилъ, иначе и вы, молодой человѣкъ и господинъ

Digitized by Google

художникъ, давно узнали бы его, когда онъ сидитъ передъ вами собственной особой.

При этихъ словахъ своего компаньона, господинъ съ эспаньолкой приподнялъ шляпу и наклонилъ съ улыбкой голову. Я понялъ, отчего лицо его, съ самаго появленія въ вагонѣ, показалось мнѣ знакомо: это былъ дѣйствительно К. П. Брюлловъ, котораго впослѣдствіи мнѣ пришлось еще встрѣтить передъ отъѣздомъ его за границу. Теперь мнѣ любопытно было, кто его товарищъ, такъ забавно обличившій фатовство моего хлыща, и я перебиралъ мысленно извѣстныхъ тогда художниковъ, думая, что это долженъ быть какой нибудь изъ собратій Брюллова по искусству. Разумѣется, не зная никого лично, я не могъ ни на комъ остановиться.

Въ первый разъ я видѣлъ, что N. нѣсколько сконфузился. Между тѣмъ итальянецъ съ заискивающими поклонами просилъ позволенія снять силуэтъ великаго артиста съ натуры, и когда ему это было разрѣшено, онъ менѣе чѣмъ въ пять минутъ вырѣзалъ изъ черной глянцо-

Digitized by Google

витой бумаги очень похожій профиль художника. Брюлловъ похвалилъ его.

— Снимите же и съ моего пріятеля, сказалъ онъ артисту, показывая на своего сосѣда въ плащѣ.—А вы, молодой человѣкъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ N.,—такъ интересуетесь знакомствомъ съ извѣстными сколько нибудь людьми, что, конечно, видались съ Николаемъ Васильевичемъ Гоголемъ?

При этомъ я догадался, что товарищъ Брюллова былъ именно авторъ «Ревизора», который возбуждалъ тогда самые оживленные толки въ обществѣ и въ большинствѣ университетской молодежи. Мнѣ показалось только, что лицо его было гораздо красивѣе, чѣмъ на литографированномъ его портретѣ, и въ дѣйствительности на немъ не такъ рѣзко замѣчалось саркастическое выраженіе, какимъ надѣляли его художники.

Хлестаковъ мой понялъ, однако, что Брюлловъ ставилъ ему ловушку и отвѣчалъ художнику, что, къ сожалѣнію, не имѣлъ случая встрѣчаться съ Гоголемъ.

Digitized by Google

— Такъ позвольте рекомендовать его, сказалъ Брюлловъ, показывая на своего сосѣда.— Онъ тоже не будетъ, конечно, жалѣть, что случай доставилъ ему возможность встрѣтить молодого человѣка, который такъ интересуется нашимъ артистическимъ міромъ и составилъ уже въ немъ столько знакомствъ.

Не знаю, понялъ ли эту насмѣшку N. Что касается Гоголя, то онъ, повидимому, былъ недоволенъ, что художникъ назвалъ его. Можетъ быть, ему хотѣлось остаться неизвѣстнымъ и повнимательнѣе всмотрѣться въ типъ новаго Хлестакова. Но, выдавъ раньше своего товарища, онъ, конечно, самъ подалъ поводъ и къ своему разоблаченію. Какъ бы то ни было, но онъ нахмурился, и когда итальянецъ обратился къ нему съ предложеніемъ снять съ него силуэтъ, онъ рѣшительно отказалъ. Силуэтистъ нѣсколько времени не спускалъ съ него глазъ, потомъ поклонился и быстро перешелъ въ другой вагонъ. Минутъ черезъ десять послѣ этого поѣздъ остановился у петербургскаго дебаркадера. Наши знаменитые спутники ушли. Но

Digitized by Google

N. не отставалъ отъ меня и принялся увѣрять, что съ перваго взгляда угадалъ, кто они. Когда мы съ платформы вошли въ залу, нашъ артистъ-итальянецъ остановилъ насъ и, показывая ненаклеенные еще на бумагу и, очевидно, только что вырѣзанные съ замѣчательнымъ сходствомъ силуэты Брюллова и Гоголя, обратился къ N. съ предложеніемъ, не угодно ли ему заказать съ нихъ копіи.

— Когда же вы успѣли сдѣлать портреты? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Сейчасъ, въ другомъ вагонѣ.

— Заочно?

— О, это мой талантъ... я могу черезъ годъ снять, кого хорошо видѣлъ.

Конечно, итальянецъ прибавлялъ и рисовался, но я жалѣю, что не познакомился тогда съ этимъ во всякомъ случаѣ замѣчательнымъ человѣкомъ. Разумѣется, N. поспѣшилъ пріобрѣсть тутъ же вырѣзанные силуэты, которые давали ему прекрасный случай говорить о знакомствѣ и съ Николаемъ Васильевичемъ Гоголемъ, и съ Карломъ Павловичемъ Брюлло-

Digitized by Google

вымъ, о чемъ онъ и не преминулъ распространиться, какъ только явился въ университетъ.

Такимъ образомъ, благодаря фатовству новаго Хлестакова, мнѣ удалось хотя одинъ разъ видѣть и хорошо всмотрѣться въ Гоголя.

Digitized by Google

Иринархъ Ивановичъ Введенскій.

Осенью 1843 года я читалъ пробную лекцію для поступленія преподавателемъ въ Дворянскій-полкъ. Чтеніе такихъ вступительныхъ лекцій происходило обыкновенно въ Штабѣ военно-учебныхъ заведеній, при первомъ кадетскомъ корпусѣ; но мнѣ почему-то назначено было читать въ томъ самомъ заведеніи, куда я желалъ поступить. Поэтому мой дебютъ не отличался никакой парадной обстановкой. На лекціи присутствовали только начальникъ Дворянскаго-полка, генералъ Н. Н. Пущинъ, инспекторъ классовъ Д. М. Павловскій, учителя, классные офицеры и воспитанники старшихъ классовъ. Чтеніе мое приняло поэтому болѣе характеръ простой бесѣды по предмету рус-

Digitized by Google

скаго языка и литературы. Обмѣнъ мнѣній вызывали своими вопросами и замѣчаніями двое изъ преподавателей, В. В. Дерикеръ и Иринархъ Ивановичъ Введенскій, съ которыми я до тѣхъ поръ не былъ совсѣмъ знакомъ. Послѣ лекціи оба они выразили мнѣ теплое товарищеское сочувствіе. Когда мы вышли вмѣстѣ изъ корпуса, по дорогѣ къ Тучкову мосту, Введенскій тутъ же, со свойственной ему простотой и задушевностью, пригласилъ насъ къ себѣ пить чай. Мы зашли и втроемъ провели вечеръ въ непринужденной бесѣдѣ, какъ будто уже цѣлые годы были знакомы.

Дерикеръ преподавалъ въ Дворянскомъ-полку теорію словесности въ среднихъ классахъ и въ то же время участвовалъ въ «Библіотекѣ для Чтенія», какъ ближайшій помощникъ О. И. Сенковскаго по редакціи журнала. Но онъ потомъ оставилъ эти занятія, посвятилъ себя исключительно медицинѣ и впослѣдствіи пользовался авторитетомъ, какъ одинъ изъ извѣстныхъ врачей-гомеопатовъ. При его постоянныхъ работахъ и значительной практикѣ мы видались

Digitized by Google

уже не часто. Но знакомство мое съ И. И. Введенскимъ утвердилось и продолжалось до самой его кончины.

Это былъ человѣкъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ. Сынъ бѣднаго сельскаго священника, Введенскій прошелъ всѣ ступени длинной учебной лѣстницы съ пензенскаго духовнаго училища и саратовской семинаріи до московской духовной академіи и петербургскаго университета, откуда и вышелъ кандидатомъ философскаго факультета. Тяжело было ему пройти этотъ долгій путь, который онъ началъ восьмилѣтнимъ ребенкомъ и окончилъ на двадцать восьмомъ году возраста. Иринархъ Ивановичъ не любилъ говорить объ этомъ, но въ рѣдкія минуты полной откровенности разсказывалъ нѣкоторые эпизоды своей школьной и студенческой жизни, изъ которыхъ можно было видѣть, сколько страшныхъ лишеній перенесъ онъ въ лучшіе годы своей молодости и какимъ упорнымъ непрерывнымъ трудомъ добылъ себѣ обширныя познанія. Между тѣмъ, его разносторонняя образованность и знаніе

Digitized by Google

древнихъ и новыхъ языковъ и литературъ до поступленія въ Дворянскій-полкъ едва доставляли ему возможность перебиваться уроками и переводами. Только съ полученіемъ постояннаго мѣста въ корпусѣ онъ могъ посвятить себя тому труду, который былъ ему по душѣ.

Познакомившись съ нимъ, я удивлялся разнообразію его занятій. Кромѣ ежедневныхъ уроковъ въ Дворянскомъ корпусѣ и Артиллерійскомъ училищѣ, онъ составлялъ для воспитанниковъ обширныя записки по теоріи словесности и исторіи русской литературы, готовилъ магистерскую диссертацію, въ видахъ занятія профессорской каѳедры въ петербургскомъ университетѣ, переводилъ статьи для журналовъ и работалъ по критикѣ и библіографіи въ «Библіотекѣ для Чтенія» и «Отечественныхъ Запискахъ». Не говорю уже о томъ, что при такихъ обширныхъ трудахъ онъ успѣвалъ слѣдить за всѣмъ сколько нибудь замѣчательнымъ въ русской и иностранныхъ литературахъ. У него всегда можно было найти новую дѣльную книгу; едва только она появлялась въ свѣтъ,

Digitized by Google

и черезъ два-три дня была уже прочитана имъ, и прочитана такъ, что онъ могъ вполнѣ передать ея содержаніе и мѣтко опредѣлить ея достоинства и недостатки. Скоро Введенскій напалъ на занятіе, которое и доставило ему особенную извѣстность въ нашемъ образованномъ обществѣ: это были переводы Диккенса, Купера, Теккерея и другихъ англійскихъ романистовъ, до тѣхъ поръ едва извѣстныхъ у насъ по именамъ. Мнѣ хорошо памятны первые шаги его въ этомъ дѣлѣ.

Однажды мы съ Введенскимъ читали Байронова «Сарданапала». Чтеніе это въ своемъ родѣ было довольно курьезно: оба мы познакомились съ англійскимъ языкомъ самоучкою, безъ учителя, съ помощью только грамматики и лексикона, а потому совсѣмъ не знали живого выговора, произносили слова по приблизительному указанію словаря Уокера и понимали другъ друга только тогда, когда читали глазами, смотря одновременно въ книгу. Мы смѣялись, думая, что, если какой нибудь англичанинъ полюбопытствуетъ послушать наше

Digitized by Google

чтеніе, то едва ли скоро узнаетъ въ немъ свой родной языкъ. Вскорѣ это и оказалось на дѣлѣ.

— А что, сказалъ Введенскій,—не приняться ли серьезно за англійскій языкъ? Вѣдь выговора у насъ совсѣмъ нѣтъ, да и въ фразировкѣ мы еще далеко не сильны. Надобно взять учителя. Хочешь вмѣстѣ брать уроки: у меня есть на примѣтѣ подходящій джентельменъ.

Я согласился. Условились, что заниматься будемъ въ квартирѣ Введенскаго по два раза въ недѣлю. Къ намъ присоединился еще одинъ товарищъ, учитель нѣмецкаго языка въ томъ же Дворянскомъ-полку, Е. Э. Краузольдъ, который столько же зналъ по-англійски, какъ и мы. Вскорѣ въ назначенный день явился и англичанинъ. Это былъ мистеръ Гильмаръ, преподаватель англійскаго языка въ высшемъ коммерческомъ пансіонѣ, помѣщавшемся въ первой линіи Васильевскаго Острова. Заведеніе это, устроенное на счетъ петербургскаго биржевого купечества, существовало недолго: большинство воспитанниковъ въ немъ были англичане, и въ началѣ крымской войны пансіонъ

Digitized by Google

закрылся. Гильмаръ прежде всего спросилъ, читаемъ ли мы по-англійски, и когда мы прочли по нѣсколько строкъ, онъ съ видомъ крайняго недоумѣнія заявилъ, что ничего не понимаетъ. Но еще больше удивился онъ, когда вслѣдъ затѣмъ мы сказали ему, что читаемъ Байрона въ оригиналѣ и въ доказательство перевели небольшіе отрывки по его указанію. Онъ замѣтилъ, что не встрѣчалъ еще такихъ странныхъ учениковъ. Уроки наши, понятно, начались чтеніемъ. Черезъ нѣсколько времени Введенскій какъ-то спросилъ меня:

— Не думаешь ли ты извлечь изъ нашихъ англійскихъ уроковъ матеріальную выгоду?

— Какую же выгоду?

— А переводить для журналовъ. Теперь хорошій англійскій переводъ съ удовольствіемъ вездѣ возьмутъ. Пора намъ бросить эту Жоржъ-Зандъ, которая всѣмъ надоѣла съ своей бабьей эмансипаціей. Давай-ка переводить Диккенса! Вотъ посмотри, я взялъ ливрезоны его послѣдняго романа... Какая прелесть!

— Мнѣ не совладать съ нимъ.

Digitized by Google

— Ну, вотъ еще... работай и набьешь руку.

Но я рѣшительно отказался, какъ потому, что не находилъ въ себѣ достаточно силъ для передачи такого своеобразнаго писателя, такъ и оттого, что это время занятъ былъ работою надъ моимъ литературнымъ трудомъ «Очеркъ исторіи русской поэзіи». Эта книжка такъ занимала меня, что не хотѣлось отрываться отъ нея для другой работы. Когда я прочелъ Иринарху Ивановичу первыя главы моего сочиненія, онъ самъ настойчиво началъ совѣтовать мнѣ заняться исключительно этимъ трудомъ. Когда книжка моя явилась въ печати, онъ далъ о ней подробный и весьма лестный отзывъ въ «Современникѣ», редакторомъ котораго тогда былъ, если не ошибаюсь, А. В. Никитенко. Но Введенскій энергически принялся за свою мысль познакомить русскую публику съ Диккенсомъ, и вскорѣ въ томъ же журналѣ началъ печататься его переводъ романа «Домби и Сынъ», встрѣченный читателями съ большимъ сочувствіемъ. Затѣмъ стали появляться одинъ за другимъ романы «Давидъ Копперфильдъ»,

Digitized by Google

«Замогильныя записки Пиквикскаго клуба» и проч.

Можно положительно сказать, что Введенскій познакомилъ наше общество съ современной англійской литературой и заставилъ полюбить ее. Въ нѣкоторыхъ журнальныхъ книжкахъ упрекали его за то, что онъ въ своихъ переводахъ замѣнялъ англійскія народныя выраженія чисто русскими пословицами и идіотизмами. Но что же оставалось дѣлать, когда своеобразный языкъ Диккенса и его неуловимый юморъ при точномъ переводѣ утрачивали свой колоритъ и даже могли казаться непонятными? Стоитъ прочесть романъ „Домби и Сынъ“ въ другомъ переводѣ, который печатался въ „Отечественныхъ Запискахъ“, чтобы оправдать Введенскаго въ мнимомъ злоупотребленіи руссизмами. Если его переводъ отдаляется иногда отъ оригинала по внѣшней передачѣ фразы, то онъ вполнѣ близокъ къ нему по духу.

Трудолюбіе и энергія Введенскаго были поразительны: занятый цѣлый день уроками въ учебныхъ заведеніяхъ, онъ проводилъ ночи за

Digitized by Google

чтеніемъ и журнальной работой. При всемъ томъ онъ вовсе не былъ какимъ нибудь нелюдимомъ и находилъ время для удовольствій и общества. Правда, онъ не любилъ театра, но зато лѣтомъ позволялъ себѣ прогулки и поѣздки за городъ, а зимою каждую недѣлю собирались у него по пятницамъ пріятели, и самъ онъ бывалъ у меня раза два въ мѣсяцъ по вторникамъ, когда приходили общіе знакомые.

На вечерахъ у Введенскаго чаще другихъ бывали Владиміръ Дмитріевичъ Яковлевъ, авторъ имѣвшей въ свое время большой успѣхъ книги „Италія“, Григорій Евлампьевичъ Благосвѣтловъ, впослѣдствіи редакторъ журнала „Дѣло“, и Владиміръ Николаевичъ Рюминъ, издатель „Общезанимательнаго Вѣстника“. Нѣсколько позже сталъ посѣщать эти вечера Н. Г. Чернышевскій, тогда еще молодой человѣкъ, скромный и даже нѣсколько застѣнчивый. Въ немъ особенно выдавалось противорѣчіе между мягкимъ, женственнымъ его голосомъ и рѣзкостью мнѣній, нерѣдко очень оригинальныхъ по своей парадоксальности. Иногда заѣзжалъ и Дерикеръ.

Digitized by Google

Предметомъ разговоровъ были преимущественно литературныя новости, но часто затрогивались и вопросы современной политики. Въ 1847—1848 годахъ событія въ Европѣ сдѣлались даже главною, почти исключительною темою бесѣдъ, какъ и въ другихъ кружкахъ тогдашней петербургской молодежи. Иностранныя газеты, хотя сильно кастрируемыя цензурой, читались съ усерднымъ любопытствомъ. Реформы Пія IX и народное движеніе въ Италіи, а затѣмъ февральская революція въ Парижѣ и отголоски ея почти во всей Западной Европѣ отодвинули литературные интересы на второй планъ и обратили общее вниманіе на современныя политическія событія. Съ этимъ связывались, конечно, и вопросы соціальные, и сочиненія Прудона, Луи Блана, Пьера Леру нерѣдко вызывали обсужденія и споры. Впрочемъ, горячихъ почитателей соціализма въ этомъ кружкѣ не было.

Какихъ же взглядовъ держался Введенскій? Нѣкоторые изъ его знакомыхъ считали его крайнимъ либераломъ, а М. П. Погодинъ, у

Digitized by Google

котораго онъ во время своихъ московскихъ скитаній жилъ въ домѣ и работалъ для «Москвитянина», называлъ его, говорятъ, родоначальникомъ нигилистовъ. Это, по моему мнѣнію, несправедливо. Что у Введенскаго были убѣжденія, которыя по тому времени многимъ должны были казаться слишкомъ несогласными съ авторитетно-консервативными взглядами, а протестъ противъ рутинныхъ мнѣній въ наукѣ и литературѣ высказывался имъ смѣло и рѣзко, этого отвергать нельзя. Правда и то, что изъ-подъ тяжелаго гнета тогдашней духовной школы, съ ея подавляющимъ режимомъ и схоластикой, онъ вынесъ взглядъ, далеко не согласный съ принятыми вѣрованіями, но онъ никогда не былъ пропагандистомъ своихъ личныхъ воззрѣній. Нигилистомъ же его никакъ нельзя назвать. Можетъ ли это понятіе примѣняться къ человѣку, который любилъ искусство, восхищался Байрономъ и Шекспиромъ и посвятилъ самые сердечные свои труды переводу на русскій языкъ такихъ писателей, какъ Диккенсъ и Куперъ, у которыхъ нѣтъ и тѣни

Digitized by Google

того грубаго реализма, какимъ отличались всѣ вожделѣнія нашихъ нигилистовъ? Кто былъ свидѣтелемъ его литературныхъ сужденій и слышалъ, какъ мало придавалъ онъ значенія тенденціи въ искусствѣ и какъ живо чувствовалъ эстетическую сторону художественнаго произведенія, тотъ, конечно, никогда не причислилъ бы его къ школѣ нашихъ поклонниковъ утилитаризма. Если онъ интересовался радикальными мнѣніями въ литературѣ и политикѣ, то далеко не раздѣлялъ ихъ.

Въ 1848 г. Иринархъ Ивановичъ женился на Александрѣ Ивановнѣ Кубасовой, сестрѣ одного изъ своихъ сослуживцевъ по Дворянскому-полку. Лучшаго выбора онъ не могъ сдѣлать. Жена его была знергичная женщина, столько же трудолюбивая, какъ и онъ, и вполнѣ раздѣлявшая его вкусы и убѣжденія. Она, по желанію мужа, начала учиться англійскому языку и вскорѣ такъ овладѣла имъ, что стала помогать мужу въ переводахъ. При этомъ въ ней не было нисколько педантизма, присущаго многимъ женщинамъ, прикосновеннымъ къ ли-

Digitized by Google

тературѣ. Введенскій перебрался на другую квартиру въ томъ же домѣ, болѣе помѣстительную, и вечера у него по пятницамъ продолжались, не теряя прежняго характера пріятельской бесѣды, и еще болѣе оживились вліяніемъ умной и веселой хозяйки.

Служебное и матеріальное положеніе Введенскаго начало мало-по-малу улучшаться. Не смотря на то, что онъ не получилъ профессорской каѳедры въ университетѣ, хотя и выдержалъ магистерскій экзаменъ, педагогическая дѣятельность его расширилась. Начальникъ военно-учебныхъ заведеній, Я. И. Ростовцевъ, оцѣнилъ знанія и энергію Введенскаго, и онъ былъ назначенъ главнымъ наставникомъ-наблюдателемъ за преподаваніемъ русскаго языка и словесности, а вмѣстѣ съ тѣмъ ему поручено было составленіе руководствъ по предмету теоріи прозы и поэзіи. Онъ принялся за это дѣло съ обычнымъ трудолюбіемъ и настойчивостью.

Въ эту пору Введенскому удалось, наконецъ, осуществить давно занимавшую его мысль съѣз-

Digitized by Google

дить за границу. Всего болѣе привлекала его Англія, и, пробывъ нѣсколько недѣль въ Германіи и Франціи, онъ пріѣхалъ въ Лондонъ. Тамъ, между прочимъ, посѣтилъ онъ Диккенса и представилъ ему переводы его произведеній. Введенскій любилъ потомъ разсказывать объ этомъ визитѣ своемъ любимому писателю, который сначала принялъ его сдержанно, но послѣ довольно продолжительной бесѣды объ англійской литературѣ, отнесся къ нему съ теплымъ участіемъ. Диккенса, по словамъ Иринарха Ивановича, интересовало и положеніе русской литературы, и онъ выразилъ сожалѣніе, что при незнаніи языка не можетъ съ нею ознакомиться. И, повидимому, эти слова не были простымъ комплиментомъ вѣжливаго иностранца.

— Два часа, проведенные у Диккенса,—говорилъ Иринархъ Ивановичъ, — останутся навсегда мнѣ памятными, какъ лучшія минуты въ моей жизни.

По возвращеніи изъ-за границы, Введенскій опять принялся за свои разностороннія работы—чтеніе лекцій, составленіе руководствъ для

Digitized by Google

военно-учебныхъ заведеній и переводы. Но ему готовился ударъ, который онъ самъ уже давно предвидѣлъ. Отъ напряженныхъ письменныхъ занятій, въ особенности по ночамъ, у него мало-по-малу слабѣли глаза, и, несмотря на помощь окулистовъ, онъ, наконецъ, совсѣмъ потерялъ зрѣніе. Понятно, какое это было страшное несчастіе для человѣка, которому чтеніе составляло такую же потребность, какъ насущный хлѣбъ, и который жилъ преимущественно своимъ перомъ. Несмотря на то, Введенскій не прекращалъ ни педагогической, ни литературной дѣятельности. Я. И. Ростовцевъ разрѣшилъ ему продолжать чтеніе лекцій. Наканунѣ урока Александра Ивановна прочитывала мужу то, что, по его указанію, нужно было для полнаго объясненія предмета, и, благодаря счастливой памяти, онъ запоминалъ не только факты и хронологическія цифры, но и довольно обширныя цитаты въ прозѣ и стихахъ. Утромъ лакей провожалъ слѣпца въ корпусъ и доводилъ въ аудиторіи до самой каѳедры. Введенскій читалъ лекцію, и какъ воспитанники, такъ

Digitized by Google

и дежурившіе въ классахъ офицеры говорили, что въ эту пору чтеніе профессора отличалось такою же полнотою и занимательностью, какъ и въ прежніе годы. Объ этомъ можно было судить и по разговорамъ съ нимъ, когда въ обычную свою пятницу, сидя въ креслѣ и бесѣдуя съ посѣщавшими его по прежнему пріятелями, онъ высказывался по какому нибудь научному или литературному вопросу. Въ то же время И. И. Введенскій горячо трудился надъ составленіемъ руководства по теоріи словесности: почти каждый день жена писала подъ его диктовку. Не знаю, далеко ли подвинулась эта работа и что съ нею сталось послѣ его смерти.

Лѣтомъ въ послѣдніе годы жизни, Введенскій жилъ на дачѣ, то въ Лѣсномъ Институтѣ, то въ Старой Деревнѣ. Любимымъ его удовольствіемъ послѣ прогулокъ было купанье, къ которому онъ привыкъ еще въ дѣтствѣ. Съ ранней весны и до осени рѣдкій день пропускалъ онъ безъ того, чтобы не выкупаться утромъ или вечеромъ. Потеря зрѣнія не мѣшала этому

Digitized by Google

удовольствію. Какъ отличный пловецъ, онъ особенно любилъ купаться въ открытомъ и глубокомъ мѣстѣ. Однажды я пріѣхалъ къ нему на дачу въ Старую Деревню и встрѣтилъ его въ дверяхъ. Онъ совсѣмъ уже лишился тогда зрѣнія, и лакей велъ его подъ руку.

— А я, братъ, собрался купаться — сказалъ онъ.

— Гдѣ же у васъ ванна? — спросилъ я.

— Какая ванна! я купаюсь тутъ, въ устьѣ Невы.

— И не боишься въ твоемъ положеніи?

— Вотъ еще! Проводи-ка меня: посмотришь, какъ слѣпой плаваетъ, а тамъ воротимся и будемъ чай пить.

Я согласился. Мы пришли почти къ самому взморью. Лакей раздѣлъ его, пристегнулъ ему около поясницы кожаный поясъ съ мѣднымъ кольцомъ, въ которое продѣлъ и завязалъ концомъ длинную бичевку, смотанную въ клубокъ. Я тоже хотѣлъ раздѣться, чтобы при случаѣ чѣмъ-нибудь помочь слѣпому купальщику, но онъ отклонилъ это. По его словамъ, ему не

Digitized by Google

нужна была никакая помощь: по теченію онъ хорошо зналъ, въ какомъ направленіи плыть, а бичева прилаживается для того только, чтобы дать предостерегательный знакъ, еслибы пловцу встрѣтился на пути яликъ или почему нибудь другому слѣдовало бы воротиться. По мѣрѣ того, какъ слѣпецъ удалялся отъ берега, лакей разматывалъ и отпускалъ бичевку, а затѣмъ, при возвращеніи купальщика, собиралъ ее, и, такимъ образомъ, Введенскій переплылъ на привязи взадъ и впередъ черезъ Невку. Плавалъ онъ размашисто, безъ всякихъ школьныхъ правилъ, какъ говорится, саженками, и нисколько, повидимому, не утомился.

Крымская война сильно волновала Введенскаго, и въ особенности возмущало его то, что въ числѣ нашихъ враговъ были англичане, которыхъ онъ такъ прославлялъ послѣ своей поѣздки въ Лондонъ. Послѣдній разговоръ нашъ съ нимъ былъ о томъ, можно ли примирить уваженіе къ націи, породившей Шекспира и Байрона, съ чувствомъ негодованія къ совре-

Digitized by Google

менной политикѣ Англіи. Лѣто 1855 года я провелъ у родныхъ въ Москвѣ, и тамъ въ іюлѣ мнѣ подали однажды письмо изъ Петербурга, въ которомъ извѣщали меня, что Иринархъ Ивановичъ Введенскій скончался.

Digitized by Google

Знакомство съ О. И. Сенковскимъ.

Въ тридцатыхъ годахъ въ Московской гимназіи, гдѣ я тогда воспитывался, между учениками старшихъ классовъ была сильно развита любовь къ русской литературѣ. Мы покупали въ складчину замѣчательныя новыя книги, подписывались на журналы, поочередно читали ихъ, а передъ каникулами всѣ пріобрѣтенныя въ продолженіи года изданія разыгрывали обыкновенно въ лотерею. При этомъ особенно счастливымъ почиталъ себя тотъ, кому доставалась книжка «Библіотеки для Чтенія», съ какою-нибудь повѣстью или критической статьею Барона Брамбеуса. Несмотря на обиліе талантовъ въ тогдашней литературѣ, ни одинъ писатель, послѣ Пушкина и Марлинскаго, не пользовался въ

Digitized by Google

средѣ нашей гимназической молодежи такою популярностью, какъ авторъ «Фантастическихъ путешествій». Разсказы его, теперь всѣми забытые, читались тогда съ увлеченіемъ, забавныя выходки его затверживались на-память, потѣшныя рецензіи считались верхомъ остроумія, и въ нашихъ письменныхъ журналахъ, которые издавались подъ разными замысловатыми названіями въ старшихъ и даже среднихъ классахъ, являлись статейки, навѣянныя чтеніемъ Барона Брамбеуса или прямо писанныя въ подражаніе ему.

Увлеченіе это, конечно, доказывало нашу незрѣлость, но оно было вполнѣ извинительно, если вспомнить, что въ то время Баронъ Брамбеусъ былъ великимъ талантомъ въ глазахъ не однихъ дѣтей. Его «Путешествіе на Медвѣжій Островъ», повѣсть—«Вся женская жизнь въ нѣсколькихъ часахъ», фантастическіе разсказы—«Большой выходъ у Сатаны» и «Похожденія одной ревизской души», возбуждали горячіе толки во всей читающей русской публикѣ. Но не меньше, чѣмъ этими беллетристическими сочи-

Digitized by Google

неніями, мы восхищались мелкими рецензіями, которыя обыкновенно печатались въ Литературной Лѣтописи «Библіотеки для Чтенія» и очевидно принадлежали остроумному перу того же автора «Фантастическихъ Путешествій». При полученіи новой книжки журнала прежде всего разрѣзывалась эта лѣтопись и нерѣдко читалась вслухъ въ самомъ классѣ въ часы, свободные отъ занятій, или даже въ перемѣну между уроками. Мы хорошо знали, что не найдемъ въ этихъ рецензіяхъ правдиваго отзыва о сочиненіяхъ, но зато навѣрное встрѣтимъ какія нибудь злыя и остроумныя выходки по поводу новыхъ, особенно плохихъ книжонокъ. А на такіе выходки Баронъ Брамбеусъ былъ большой мастеръ. Выходитъ, напримѣръ, собраніе стихотвореній съ портретомъ автора, и вся рецензія на книгу ограничивается одной фразой: «кто прочтетъ эти стихи, тому не захочется взглянуть на портретъ поэта, а кто прежде посмотритъ на портретъ, тотъ совсѣмъ не будетъ читать стиховъ». Въ другой разъ рецензентъ перечислялъ заглавія нѣсколькихъ новыхъ кни-

Digitized by Google

жекъ и вмѣсто разбора ихъ писалъ: «Петрушка, снеси все на кухню, это для васъ напечатано». Хотя въ такихъ выходкахъ и не было ничего общаго съ критикой, но онѣ нравились намъ своей оригинальностью.

Понятно, что при нашемъ увлеченіи Барономъ Брамбеусомъ прежде всего занималъ насъ вопросъ: кто же такой этотъ талантливый писатель, таинственно прикрывающійся такимъ страннымъ псевдонимомъ?

Пока извѣстны были только «Фантастическія Путешествія», у насъ ходили въ гимназіи довольно смутные слухи о его личности; но съ появленіемъ «Библіотеки для Чтенія» въ Москвѣ всѣмъ было уже извѣстно, что подъ именемъ сказочнаго барона пишетъ профессоръ арабскаго языка и литературы въ Петербургскомъ университетѣ, Сенковскій. Мы узнали, что онъ воспитывался въ Вильнѣ, долго путешествовалъ по Европѣ, прожилъ нѣсколько лѣтъ на Востокѣ, по происхожденію былъ полякъ, писалъ сначала по-польски и даже издавалъ на этомъ языкѣ какой-то юмористиче-

Digitized by Google

скій журналъ. Когда вышло Смирдинское изданіе «Сто русскихъ литераторовъ», многіе изъ гимназистовъ добыли портретъ Сенковскаго, и одинъ изъ нашихъ доморощенныхъ художниковъ недурно самъ копировалъ его акварелью.

Несмотря на то, что выходки Барона Брамбеуса противъ Гоголя, котораго онъ называлъ хохлацкимъ сказочникомъ и русскимъ Поль-де-Кокомъ, начали мало-по-малу колебать въ нашихъ глазахъ авторитетъ Сенковскаго и мы стали уже относиться къ нему критически,— онъ все еще оставался для насъ крупнымъ талантомъ, и число его горячихъ почитателей долго не уменьшалось.

Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ университетъ, Сенковскій былъ уже здѣсь далеко не въ такомъ почетѣ, какъ въ Москвѣ, и «Библіотека для Чтенія» начинала заслоняться «Отечественными Записками», особенно когда въ нихъ стали печататься статьи Бѣлинскаго. Тутъ уже начали сознавать, что повѣсти Сенковскаго представляютъ не картины дѣйствительной русской жизни, а одни

Digitized by Google

легкіе и далеко не вѣрные очерки ея, переходящіе даже иногда въ каррикатуру; что его критическія статьи отличаются только парадоксальной оригинальностью и самое остроуміе его такъ же искусственно, какъ натянутое остроуміе Марлинскаго. Нельзя было не замѣтить, наконецъ, что при обширной и многосторонней учености, при несомнѣнномъ и оригинальномъ дарованіи, въ сочиненіяхъ Сенковскаго видно отсутствіе серьезнаго направленія и той живительной любви къ литературѣ, которая даетъ силу истиннымъ ея представителямъ. И по мѣрѣ того, какъ въ обществѣ нашемъ утверждался авторитетъ Бѣлинскаго и выяснялось значеніе Гоголя, прежняя слава Сенковскаго начала быстро померкать.

Въ бытность въ университетѣ, мнѣ случалось только мелькомъ встрѣчать Сенковскаго, когда онъ пріѣзжалъ на лекціи. Съ перваго взгляда онъ показался мнѣ человѣкомъ сухимъ, несообщительнымъ и какъ-будто апатичнымъ. На лекціи онъ ѣздилъ неаккуратно и при входѣ въ аудиторію обыкновенно зѣвалъ, точно былъ

Digitized by Google

утомленъ или дурно провелъ безсонную ночь. Студенты восточнаго факультета разсказывали, что на лекціяхъ былъ онъ очень вялъ и въ качествѣ профессора далеко не оправдывалъ ожиданій, какія можно было возлагать на человѣка съ такими обширными свѣдѣніями въ языкахъ и литературахъ Востока.

Личное мое знакомство съ Сенковскимъ началось въ концѣ 1847 г. Въ это время вышелъ изъ печати мой литературный опытъ, «Очеркъ исторіи русской поэзіи», и въ «Библіотекѣ для Чтенія» явился очень лестный отзывъ объ этой книжкѣ. Вскорѣ послѣ того зашелъ ко мнѣ сослуживецъ мой по учебнымъ заведеніямъ и постоянный сотрудникъ «Библіотеки», Василій Васильевичъ Дерикеръ. Онъ сообщилъ мнѣ, что Осипъ Ивановичъ Сенковскій самъ писалъ рецензію моей книжки и желаетъ лично со мною познакомиться.

Дерикеръ совѣтывалъ мнѣ ѣхать немедленно и прибавилъ, что Осипъ Ивановичъ намѣренъ предложить мнѣ какую-нибудь работу въ журналѣ.

Digitized by Google

Хотя въ это время я смотрѣлъ уже на Сенковскаго безъ того увлеченія, съ какимъ мы относились къ нему въ московской гимназіи, но мнѣ пріятно было сблизиться съ человѣкомъ, котораго я все-таки уважалъ за его ученость и талантъ. На другой или на третій день послѣ разговора съ В. В. Дерикеромъ я пошелъ къ Сенковскому.

Осипъ Ивановичъ жилъ тогда на набережной Васильевскаго Острова, противъ нынѣшняго Николаевскаго моста, въ домѣ Усова. Онъ занималъ довольно большую квартиру въ двухъ этажахъ, которые сообщались между собой внутренней лѣстницей. Молоденькая горничная дѣвушка, очень кокетливо одѣтая, взяла отъ меня карточку и попросила подождать въ залѣ. Черезъ нѣсколько минутъ она воротилась, сказала, что Осипъ Ивановичъ нездоровъ, лежитъ въ постели, но желаетъ меня видѣть и проситъ къ нему въ спальню. По винтообразной деревянной лѣстницѣ, устланной ковромъ, я поднялся за моей проводницей во второй этажъ.

Digitized by Google

Посерединѣ большой комнаты, съ тремя окнами на Неву, отдѣланной въ помпейскомъ вкусѣ красными въ темныхъ каймахъ четыреугольниками, стояла широкая, чуть не трехъспальная кровать краснаго дерева, покрытая пунсовымъ атласнымъ одѣяломъ, выстеганнымъ по причудливому узору въ восточномъ вкусѣ. По обѣимъ сторонамъ кровати приставлены были узкой стороной къ изголовью два стола, заваленные книгами и періодическими изданіями. На кровати, поверхъ одѣяла, лежалъ навзничъ безъ сюртука, но въ жилетѣ, галстухѣ и лакированныхъ ботинкахъ Осипъ Ивановичъ, закинувъ надъ головою руки, на которыхъ блистало нѣсколько колецъ. Въ сторонѣ, другая горничная дѣвушка, одѣтая такъ же, какъ и первая, поправляла уголья въ каминѣ.

— Извините, что такъ принимаю васъ: у меня мигрень, проговорилъ какимъ-то не то усталымъ, не то болѣзненнымъ голосомъ Сенковскій;—садитесь вотъ сюда.

Одна изъ дѣвушекъ пододвинула мнѣ къ кровати табуретъ, вышитый по такому же восточ-

Digitized by Google

ному узору, какъ одѣяло. Я высказалъ опасеніе, не безпокою ли его своимъ визитомъ.

— Ничего; у меня мигрень, а на разговоръ отъ эскулаповъ запрета пока еще нѣтъ, проговорилъ онъ, морщась на каждомъ словѣ. Читалъ я вашу книжку и хотѣлъ познакомиться съ вами.

Я поблагодарилъ за благосклонный отзывъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» и замѣтилъ, что особенно цѣню лестный для меня приговоръ критика, который не любитъ баловать начинающихъ литераторовъ.

— Въ хорошемъ расположеніи духа былъ и похвалилъ, съ легкой улыбкой сказалъ Сенковскій. Безпокоилъ бы въ то время мигрень— можетъ быть, и пожурилъ бы немножко.

— Мнѣ бы пріятно узнать, за что именно? спросилъ я.

— За идеи.

— За какія идеи?

— Да вообще. Вы, нынѣшніе молодые писатели, стараетесь проводить разныя, какъ вамъ кажется, либеральныя мысли, а общество наше

Digitized by Google

пока еще не нуждается въ нихъ; ему нужно только чтеніе, которое развлекало бы его, занимало, смѣшило, а не заставляло думать, волноваться, сердиться. На идеи у насъ нѣтъ спроса, и предлагать ихъ теперь—все равно, еслибы разносчикъ сталъ кричать передъ домомъ, гдѣ всѣ спятъ глубокимъ сномъ.

— Стало быть, нужно только забавлять общество?

— Только. Пишите весело, давайте то, что общественный желудокъ хорошо переваритъ. Отъ идей у него завалы, особенно отъ либеральныхъ.

— Но развѣ вы сами никакихъ идей не высказывали?

— Никогда, никакихъ!

— Вы шутите?

— Какія шутки! у меня мигрень.

— Но у васъ даже въ легкихъ повѣстяхъ много серьезнаго... Напримѣръ «Путешествіе на Медвѣжій Островъ»: развѣ и тамъ нѣтъ мысли?

— Никакой, кромѣ того, что русская пуб-

Digitized by Google

лика любитъ только сказки; и въ самой математикѣ можно найти для нея что-нибудь забавное. Испугались тогда кометы; боялись, какъ бы она не задѣла хвостомъ за наши магазины, театры, балы, парады—ну и надобно было ее успокоить, позабавить астрономической повѣстью... А то идеи? Напрасно вы вводите ихъ въ моду: долго не продержатся.

Не мало еще говорилъ онъ въ этомъ тонѣ, не перемѣняя положенія на кровати и только изрѣдка перекладывая ногу на ногу. Потомъ повернулъ онъ ко мнѣ голову и сказалъ:—А я думаю предложить вамъ, не хотите ли работать въ «Библіотекѣ для Чтенія»? У меня часто мигрень, не могу много заниматься.

— Не знаю, съумѣю ли угодить вамъ.

— Что-жъ тутъ угождать... не гоняйтесь только за идеями... Вотъ здѣсь нашъ послѣдній умственный урожай, продолжалъ Сенковскій, показывая глазами на одинъ изъ придвинутыхъ къ кровати столовъ: выберите, что найдете по вкусу.

Я пересмотрѣлъ и отобралъ нѣсколько книжекъ для рецензій. Мы простились.

Digitized by Google

Черезъ двѣ недѣли у меня приготовлена была небольшая критическая статья и нѣсколько мелкихъ отзывовъ о незначительныхъ книгахъ для Литературной Лѣтописи. Съ любопытствомъ ждалъ я выхода «Библіотеки для Чтенія», чтобы посмотрѣть, въ какомъ видѣ явятся мои рецензіи, такъ какъ Сенковскій любилъ передѣлывать и исправлять статьи сотрудниковъ, изъза чего, между прочимъ, разошелся съ Н. А. Полевымъ.

Утромъ, въ первое число мѣсяца, явился ко мнѣ разсыльный съ книжкой «Библіотеки» и деньгами за мою работу. Съ перваго взгляда я замѣтилъ, что денегъ прислано больше, чѣмъ я разсчитывалъ получить, но въ разносной книгѣ выставлена была именно присланная сумма. Когда я сталъ просматривать мои статьи, то увидѣлъ, что онѣ значительно увеличились отъ прибавокъ самого Сенковскаго и вставленныхъ имъ выписокъ изъ разобранныхъ книгъ, а между тѣмъ плата прислана была за все напечатанное. Что касается самыхъ передѣлокъ въ моей работѣ, то въ литературномъ отно-

Digitized by Google

шеніи едва ли можно было жаловаться на нихъ безъ крайняго самолюбія. Правда, критическія статьи отъ прибавокъ и измѣненій капризнаго редактора нѣсколько перемѣнились въ самомъ направленіи, но мелкія рецензіи положительно выиграли и приняли тотъ игривый характеръ, какимъ отличалась обыкновенно Литературная Лѣтопись «Библіотеки для Чтенія».

Еслибы случилось, что кто нибудь въ Петербургѣ забылъ о наступленіи перваго числа, то ему напомнилъ бы объ этомъ выходъ книжки журнала Сенковскаго. Столичные подписчики на «Библіотеку для Чтенія» получали ее непремѣнно въ первый день мѣсяца, и эта аккуратность была, между прочимъ, одною изъ причинъ первоначальнаго успѣха журнала. Точно также аккуратенъ былъ Сенковскій въ расплатѣ съ сотрудниками: гонораръ за статьи выдавали въ конторѣ или присылали на домъ въ самый день выхода новой книжки.

Однажды, въ послѣднихъ числахъ апрѣля, когда во всю Неву шелъ сплошной ладожскій ледъ, и всѣ мосты были сняты, поздно вече-

Digitized by Google

ромъ явился ко мнѣ разсыльный Сенковскаго съ деньгами за напечатанныя статьи и съ новыми книгами для рецензій. Я думалъ, его послали изъ конторы, но съ удивленіемъ узналъ, что онъ прямо отъ редактора, съ Васильевскаго Острова.

— Какъ ты попалъ? спросилъ я: развѣ мосты наведены?

— Какіе мосты! отвѣчалъ онъ: ледъ страсть какой валитъ, и на яликахъ нѣтъ перевоза. Во весь день только одинъ катеръ пробился у Чекушъ, и то чуть не затерло.

— Да что-жъ тебѣ за неволя была переѣзжать?

— Хуже неволи! Осипъ Ивановичъ безпремѣнно приказываютъ доставить деньги: хоть по льдинамъ шагай, а безъ того не смѣй воротиться.

Не разъ бывалъ я у Сенковскаго, и меня постоянно поражала—съ одной стороны обширность его знаній и удивительная начитанность, съ другой—парадоксальность его литературныхъ мнѣній. Извѣстно, что онъ часто помѣщалъ въ

Digitized by Google

журналѣ иностранныя сочиненія не въ переводахъ, а въ сокращенныхъ компиляціяхъ, и это дѣлалось послѣ его предварительной работы надъ ними. Онъ давалъ сотруднику нѣмецкую, англійскую, итальянскую книгу и на поляхъ дѣлалъ поправки и приписки на томъ же языкѣ, какъ и въ оригиналѣ. Иногда въ книгу, на мѣсто перечеркнутыхъ страницъ, вкладывались цѣлые листки, исписанные рукою Сенковскаго на языкѣ подлинника. Я видѣлъ передѣланный такимъ образомъ романъ Бульвера «Послѣдніе дни Помпеи». И такъ работалъ онъ не только надъ беллетристическими сочиненіями, но и надъ чисто учеными.

Литературныя сужденія Сенковскаго отличались странностями, совсѣмъ непонятными въ человѣкѣ такого высокаго ума и вкуса: то онъ самымъ серьезнымъ образомъ и совершенно безкорыстно превозносилъ похвалами какую нибудь до очевидности плохую вещь, то безъ всякаго повода унижалъ и осмѣивалъ произведеніе высоко-талантливое. И трудно было угадать, зависѣло ли это отъ желанія казаться оригинальнымъ,

Digitized by Google

или просто отъ расположенія духа въ извѣстную минуту. Я замѣтилъ, однако, что онъ бывалъ очень остроуменъ въ такое время, когда особенно жаловался на мигрень. Во всякомъ случаѣ его несправедливые и парадоксальные отзывы о многихъ литературныхъ явленіяхъ происходили не отъ недостатка эстетическаго вкуса или нежеланія понять значеніе этихъ явленій.

У меня остался въ памяти разговоръ о Гоголѣ, причемъ я заподозрилъ, что странныя выходки Сенковскаго противъ автора «Мертвыхъ душъ» едва ли выражали его дѣйствительное убѣжденіе. Онъ какъ-то упрекнулъ молодое поколѣніе въ пристрастіи къ реальной школѣ и замѣтилъ, что новая критика, во главѣ которой стоялъ Бѣлинскій, неумѣренными похвалами Гоголю надѣлаетъ много вреда русской литературѣ. «Бѣда не въ томъ, говорилъ Сенковскій, что вы собьете съ толку вашего кумира и заставите его считать себя величайшимъ геніемъ въ мірѣ: пускай онъ воображаетъ себя Гомеромъ и Ѳомою Кемпійскимъ — скорѣе до-

Digitized by Google

пишется до абсурда. Гораздо хуже то, что ваша критика восторженными панегириками ему расплодитъ толпы маленькихъ Гоголей, которые доведутъ его жартъ до омерзительной пошлости и совсѣмъ испортятъ вкусъ публики. Вотъ и теперь уже нельзя безъ перчатокъ брать въ руки иныхъ книгъ, а скоро придется или окуривать ихъ, или выбрасывать въ помойную яму. Увидите, какая грязно-реальная школа расцвѣтетъ подъ вліяніемъ вашего хохлацкаго корифея. Вѣдь подражателямъ не удастся усвоить его природнаго юмора: они только будутъ потчивать васъ его галушками, приправленными лукомъ и конопляннымъ масломъ».

Во время моего знакомства съ Сенковскимъ я видѣлъ, что онъ уже начиналъ тяготиться изданіемъ журнала и очевидно думалъ о передачѣ его, или, по крайней мѣрѣ, о пріисканіи человѣка, которому могъ бы поручить главныя заботы по редакціи. В. В. Дерикеръ говорилъ мнѣ, что Осипъ Ивановичъ первымъ условіемъ для своего помощника ставилъ требованіе не увлекаться новымъ направленіемъ, которое онъ

Digitized by Google

называлъ студіей Бѣлинскаго. Въ началѣ моего сотрудничества онъ, кажется, думалъ найти во мнѣ подходящаго человѣка, но потомъ убѣдился, что я не могу быть его помощникомъ, потому что не умѣю отрѣшиться отъ идей, которыя ему не нравились. Въ самомъ дѣлѣ, я не могъ относиться къ новой литературѣ съ тѣмъ безстрастіемъ, какого требовалъ Сенковскій, и постоянно расходился съ нимъ во взглядѣ на многія явленія въ тогдашнемъ обществѣ. Это повело, наконецъ, къ тому, что я охладѣлъ къ журналу и началъ тяготиться моимъ сотрудничествомъ. Хотя я выбиралъ для своихъ работъ такія книги, по которымъ можно было не отказываться отъ своихъ мнѣній и не идти въ разрѣзъ со взглядами редактора, но все же мнѣ стало непріятно находить въ статьяхъ своихъ измѣненія и поправки, по моему, не всегда основательныя. Мало-по-малу я отсталъ отъ «Библіотеки для Чтенія», что, однако-жъ, не мѣшало мнѣ посѣщать Осипа Ивановича и тогда, когда онъ переѣхалъ съ Васильевскаго

Digitized by Google

Острова въ собственный домъ въ Свѣчномъ переулкѣ.

Въ послѣднее время, оставивъ редакцію «Библіотеки», Сенковскій почти отказался отъ литературной дѣятельности и только принялъ не надолго участіе въ «Сынѣ Отечества», гдѣ писалъ еженедѣльные фельетоны. Любимымъ занятіемъ его въ то время сдѣлалась музыка, и онъ постоянно работалъ надъ какимъ-то усовершенствованіемъ въ фортепьяно. Не знаю, что именно онъ придумывалъ и чѣмъ эта затѣя кончилась.

Какъ ни коротко было мое знакомство съ Сенковскимъ, но я съ удовольствіемъ вспоминаю объ этомъ въ высокой степени честномъ и даровитомъ, хотя во многихъ отношеніяхъ странномъ человѣкѣ. Несмотря на то, что я не раздѣлялъ его литературныхъ мнѣній, мнѣ нравился его живой и остроумный разговоръ въ тѣ дни, когда онъ былъ веселъ, что, впрочемъ, случалось не часто; большею же частію онъ хандрилъ и жаловался на нездоровье, иногда, кажется, мнимое. Зато, когда онъ бывалъ въ

Digitized by Google

духѣ, бесѣда съ нимъ доставляла истинное наслажденіе.

Странную и вмѣстѣ поучительную роль сыгралъ Сенковскій, какъ писатель. При замѣчательномъ умѣ, многостороннемъ образованіи и несомнѣнномъ талантѣ, онъ не оставилъ по себѣ виднаго и прочнаго слѣда въ литературѣ. Въ повѣстяхъ его просвѣчиваетъ вездѣ сильное и самобытное дарованіе, въ серьезныхъ сочиненіяхъ высказано много важныхъ научныхъ выводовъ, въ критикѣ не мало дѣльныхъ замѣчаній и остроумныхъ сближеній... И что же изъ этого вышло? Сенковскій самъ погубилъ себя отсутствіемъ руководящей идеи, насмѣшкою надъ уважаемыми талантами, легкомысленнымъ отношеніемъ ко многимъ научнымъ и политическимъ вопросамъ, скептическимъ взглядомъ на дорогія для общества стремленія и надежды. Постоянное глумленіе надъ тѣмъ, что вызывало въ мыслящихъ людяхъ серьезные вопросы, несмотря на всѣ діалектическія уловки и блестящее остроуміе публициста, лишило его того вліянія на общество, какое онъ могъ бы

Digitized by Google

пріобрѣсти при своихъ многосторонних дарованіяхъ.

Преобладающимъ мотивомъ во всѣхъ литературныхъ работахъ Сенковскаго былъ смѣхъ. Но какъ и надъ чѣмъ онъ смѣялся?

Русское общество съ постояннымъ участіемъ прислушивалось къ смѣху Гоголя, хорошо понимая, какимъ онъ вызванъ благороднымъ чувствомъ, какая сквозитъ въ немъ свѣтлая идея, какія таятся подъ нимъ горячія слезы любви и надежды. Холодный, безсердечный смѣхъ Сенковскаго, безразлично направленный какъ на темныя, такъ и на свѣтлыя явленія общественной жизни, нерѣдко забавлялъ, но никогда глубоко не затрогивалъ читателя. Чуждая всякой руководящей мысли, сатира его обращалась въ простое глумленіе. Вотъ почему Сенковскій останется въ нашей литературѣ поучительнымъ доказательствомъ той истины, что при отсутствіи ясно сознанной идеи и любви къ обществу, никакія богатства дарованія и знаній не спасутъ писателя отъ неизбѣжнаго забвенія. Какъ метеоръ, ярко блеснулъ онъ въ русской

Digitized by Google

литературѣ и какъ метеоръ быстро исчезъ, не оставивъ по себѣ никакого замѣтнаго слѣда. И это понятно и законно. Если на нашихъ глазахъ не всѣхъ удовлетворяла извѣстная теорія искусства для искусства, то могъ ли оставить по себѣ прочные слѣды тотъ, кто въ продолженіе всей своей литературной дѣятельности упрямо поддерживалъ ошибочную мысль,—будто смѣхъ существуетъ только для смѣха.

Digitized by Google

Я. П. Бутковъ.

Въ числѣ литераторовъ, съ которыми мнѣ удалось познакомиться во время сотрудничества въ петербургскихъ журналахъ, былъ, между прочими, Яковъ Петровичъ Бутковъ, авторъ разсказовъ, изданныхъ подъ общимъ заглавіемъ «Петербургскія вершины», и нѣсколькихъ повѣстей, напечатанныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ. Въ сороковыхъ годахъ сочиненія эти пользовались успѣхомъ и вполнѣ того заслуживали. Въ нихъ видна была замѣчательная наблюдательность, знакомство съ бытомъ и насущными радостями и печалями того бѣднаго класса столичнаго населенія, которому можно присвоить названіе чиновнаго и умственнаго пролетаріата. Самый уголъ зрѣнія автора на

Digitized by Google

эту мелкую среду отличался оригинальностью, а въ манерѣ и тонѣ его разсказа наивное добродушіе соединялось съ какимъ-то своеобразнымъ юморомъ. Одно то уже говорило въ пользу самобытнаго дарованія этого человѣка, что языкъ его легко можно было узнать по нѣсколькимъ строкамъ разсказа. Но самая личность автора была едва ли не интереснѣе его сочиненій.

Въ первый разъ я встрѣтилъ Буткова въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ». Это было утромъ. Въ кабинетѣ издателя засталъ я человѣкъ пять или шесть сотрудниковъ журнала, у которыхъ шелъ довольно живой разговоръ объ итальянской оперѣ. Въ сторонѣ отъ другихъ, не принимая никакого участія въ сужденіяхъ и спорахъ, молча и какъ-то неловко сидѣлъ молодой человѣкъ, въ поношенномъ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ до верху на порыжѣвшія пуговицы, въ сапогахъ, къ которымъ, очевидно, нѣсколько недѣль не прикасалась щетка. Большая голова, съ рѣзко выдающимися скулами, неправильными чертами лица и подъ гребенку остриженными волосами, съ

Digitized by Google

перваго взгляда производила впечатлѣніе не совсѣмъ пріятное, но оно скоро изглаживалось при видѣ кроткихъ, умныхъ глазъ и красиваго очертанія рта, какъ будто ежеминутно готоваго улыбнуться.

Мнѣ показалось, что этому молодому человѣку было какъ будто неловко, оттого ли, что онъ не могъ принять участія въ разговорѣ, или находилъ себя не на мѣстѣ въ большомъ кабинетѣ, посреди эластическихъ диванов и мягкихъ ковровъ. По крайней мѣрѣ замѣтно было, что онъ какъ-то неуклюже сидѣлъ на стулѣ и неловко поджималъ ноги. Я спросилъ, кто этотъ господинъ, и мнѣ назвали Буткова.

Нѣкоторыя обстоятельства его жизни были уже мнѣ извѣстны. Онъ былъ мѣщанинъ изъ какого-то уѣзднаго города, помнится, Саратовской губерніи, не получилъ почти никакого образованія и принадлежалъ къ числу тѣхъ русскихъ самородковъ, которые почти безъ всякаго ученія воспитывались и развивались на одномъ только чтеніи. Частію пѣшкомъ, а отчасти съ случайными попутчиками, добрался

Digitized by Google

онъ до Петербурга, поселился въ углу на какой-то изъ глухихъ вершинъ и успѣлъ найти доступъ въ редакцію журнала, гдѣ въ представленныхъ имъ литературныхъ опытахъ умѣли подмѣтить дарованіе. Но скоро встрѣтилось обстоятельство, которое могло надолго, а можетъ быть и навсегда, отвлечь его отъ литературы. Объявленъ былъ рекрутскій наборъ, и ему, по званію и семейному положенію, необходимо было идти въ солдаты. Къ счастію, его спасъ отъ этого А. А. Краевскій: онъ купилъ ему рекрутскую квитанцію, съ тѣмъ, чтобы Бутковъ выплачивалъ за нее вычетомъ части гонорара за статьи, помѣщаемыя въ «Отечественныхъ Запискахъ». При трудолюбіи и особенно при той умѣренной жизни, какую велъ литературный пролетарій, это было бы не очень трудно, но онъ писалъ немного и, сколько я знаю, далеко не выплатилъ своего долга.

Мнѣ хотѣлось познакомиться съ Бутковымъ, и я заговорилъ съ нимъ о послѣдней его повѣсти, только что напечатанной тогда въ журналѣ; но онъ слушалъ меня, потупя глаза, не

Digitized by Google

то съ смущеніемъ, не то съ неудовольствіемъ, и не показывалъ, повидимому, ни малѣйшей охоты къ сближенію. Отвѣчалъ онъ мнѣ отрывисто, сухо, даже нѣсколько грубо, и когда я обратился къ кому-то изъ бывшихъ въ кабинетѣ—чудакъ быстро и незамѣтно исчезъ. На замѣчаніе мое о такой странности, мнѣ сказали, что это настоящій дикарь, который ни съ кѣмъ не сближается и всѣхъ подозрѣваетъ въ гордости и презрѣніи къ нему. Можетъ быть, онъ былъ въ этомъ отношеніи и правъ, потому что мнѣ самому случалось видѣть, что нѣкоторые изъ пишущей братіи, далеко ниже его по способностямъ, относились къ нему свысока.

Но какъ ни тяжелъ былъ Бутковъ на сближеніе, мы, однако-жъ, познакомились. Въ ту же зиму я встрѣтилъ его у М. М. Достоевскаго, который также участвовалъ въ то время въ журналѣ А. А. Краевскаго, а впослѣдствіи самъ былъ издателемъ и редакторомъ журнала «Время». На этотъ разъ Бутковъ какъ-то разговорился со мной и даже оказался словоохот-

Digitized by Google

ливымъ. Но, къ удивленію моему, когда черезъ нѣсколько дней послѣ того мы опять встрѣтились въ редакціи, онъ по-прежнему оставался несообщительнымъ, сидѣлъ молча и незамѣтно ускользнулъ. И это потомъ повторялось не разъ. Однажды мнѣ удалось, однако, выдти вмѣстѣ съ нимъ, и дорогой я спросилъ: отчего онъ какъ будто стѣсняется чѣмъ-то въ редакціи?

Бутковъ, прежде чѣмъ отвѣчать, оглянулся назадъ, точно хотѣлъ увѣриться, не подслушиваетъ ли насъ кто нибудь, и сказалъ:

— Нельзя... начальство-съ.

— Какое начальство?

— Литературные генералы.... Маленькимъ людямъ надо это помнить.

— Что за пустяки! А со мной-то отчего же вы тамъ не говорите?

— При начальствѣ неловко-съ. Я мелкота.

— Полноте: развѣ вы не такой же литераторъ, да еще даровитѣе многихъ.

— Что тутъ даровитость! Я вѣдь кабальный.

Digitized by Google

— Съ чего вы это взяли?

— Вѣрно-съ.

— Зачѣмъ же вы туда ходите, если вамъ это непріятно?

— Нельзя не являться: къ непочтенію и строптивости нрава отнесутъ. Могутъ гнѣваться-съ.

И я не могъ добиться ничего больше.

Мало-по-малу Бутковъ пересталъ меня чуждаться, и однажды мнѣ удалось даже затащить его къ себѣ. Мы довольно долго говорили съ нимъ о литературныхъ новостяхъ, и послѣ того онъ изрѣдка сталъ заходить ко мнѣ, большею частью утромъ, но я никакъ не могъ заманить его въ тотъ день, когда по вечерамъ собирались у меня пріятели. Въ передней онъ обыкновенно спрашивалъ, нѣтъ ли у меня кого нибудь, и ежели въ это время я былъ не одинъ, то онъ совсѣмъ и не входилъ. Если же случалось, что при немъ кто нибудь приходилъ ко мнѣ, даже изъ людей ему извѣстныхъ—онъ тотчасъ же убѣгалъ, отговариваясь какими нибудь спѣшными дѣлами. Нѣсколько разъ при-

Digitized by Google

глашалъ я его обѣдать и къ себѣ, и въ ресторанъ, но чудакъ всегда отказывался. Когда мы съ Бутковымъ выходили вмѣстѣ изъ редакціи, онъ провожалъ меня по Невскому проспекту и всегда не далѣе Пассажа, куда исчезалъ, торопливо попрощавшись со мною. На вопросъ о его квартирѣ, онъ всегда отвѣчалъ какъ-то уклончиво и неопредѣленно. Мнѣ говорили, что онъ нанималъ маленькую комнату въ верхней галлереѣ Пассажа, но почему не говорилъ объ этомъ—не знаю. Въ желаніи скрыть свою бѣдность его нельзя было заподозрить.

Однажды, когда мы такимъ образомъ на пути изъ редакціи дошли до обычнаго мѣста нашего разставанья, я сказалъ, что хочу тоже пройтись по Пассажу. Бутковъ промолчалъ, но только что мы поднялись на ступени къ первой площадкѣ, онъ остановился и сказалъ:

— Вы часто звали меня къ хлѣбу-соли, такъ вотъ, если теперь не прочь посидѣть да потолковать — зайдемъ тутъ закусить чего нибудь.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ я, и хотѣлъ

Digitized by Google

уже подняться по лѣстницѣ къ ресторану, но Бутковъ остановилъ меня.

— Знаете, я въ эти кулинарные храмы не люблю ходить-съ, проговорилъ онъ:—тамъ литературные генералы устрицы глотаютъ да англійскій эль пьютъ, а вотъ тутъ есть маленькое заведеньице попроще, такъ ужъ мы лучше туда.

— Гдѣ же это?

— А внизу, въ катакомбахъ, православная пирожная лавочка открылась: чай китайскій и казалетовское пиво есть. Зайдемте, хорошо: большихъ комфортовъ нѣтъ, а очень любезно—и дешево, и привольно-съ!

Мы спустились въ длинный, полутемный и довольно душный подвалъ, гдѣ по обѣимъ сторонамъ тянулись какія-то кладовыя и между ними не запертыя еще лавченки. Въ одну изъ этихъ норъ и затащилъ меня Бутковъ. За буфетомъ, уставленнымъ графинами съ водкой и тарелками съ пирожками и буттербродами, стоялъ бородатый старикъ, съ привязаннымъ сверхъ поддевки полубѣлымъ фартукомъ. Въ самой лавкѣ

Digitized by Google

и въ примыкавшей къ ней небольшой комнатѣ разставлены были столики, накрытые цвѣтными ярославскими салфетками, и за двумя-тремя сидѣли передъ бутылками и стаканами какія-то неопредѣленныя личности. Съ перваго шага я замѣтилъ, что Бутковъ былъ здѣсь совершенно свой человѣкъ. Онъ оживился, повеселѣлъ, сталъ развязенъ и разговорчивъ. Какъ ни непріятно было сидѣть въ этомъ мрачномъ подвалѣ, похожемъ скорѣе на какую-нибудь харчевню, чѣмъ на городской трактиръ, но я не раскаявался, что зашелъ туда.

Въ первый разъ Бутковъ показался мнѣ здѣсь вполнѣ откровеннымъ и очень занимательнымъ. Онъ выпилъ рюмку водки, но не она оживила его, а кажется самое это мѣсто, гдѣ онъ очевидно чувствовалъ себя на родной почвѣ. Къ удивленію моему, онъ самъ заговорилъ о своихъ литературныхъ работахъ, чего прежде никогда не бывало и разговоръ о чемъ онъ обыкновенно отклонялъ съ первыхъ словъ. Теперь онъ, безъ всякаго запроса съ моей стороны, сообщилъ мнѣ, что кромѣ разныхъ мелочей для

Digitized by Google

журнала, занимается сочиненіемъ въ драматическомъ родѣ.

— Что же это такое, Яковъ Петровичъ? спросилъ я.

— Драму началъ-съ: «Взятіе Одессы».

— Какъ такъ! Да когда же Одесса была взята?

— Въ прошломъ году.

— Вы шутите: кто же ее бралъ?

— Жиды-съ. Торги были въ Сенатѣ на откупа: іудейская рать пришла съ превосходными силами, три раза городъ переходилъ изъ рукъ въ руки, на приступъ лѣзли; наши-то не удержались, золотого пороху не хватило, да говорятъ еще, тамъ какая-то Юдифь изъ француженокъ секретно дѣйствовала... Ну, и взяли-съ!

Я засмѣялся и замѣтилъ, что заглавіе пьесы оригинально и бойко, но я еще не совсѣмъ понимаю, какая въ этомъ можетъ быть драма. Бутковъ видимо оживился.

— Какъ не понимаете? Да развѣ вы не знаете, что̀ такое откупъ? Вѣдь это золотое руно, неистощимое золотое руно: въ Колхидѣ не было

Digitized by Google

такихъ сокровищъ, какія даютъ наши кабаки; страсти-то въ борьбѣ за нихъ и разыгрываются. А тутъ еще Юдифь-съ, или этакая Далила обстригаетъ подъ гребенку нашихъ денежныхъ Самсоновъ-силачей... Гдѣ въ этомъ драма, говорите вы? Мало что драма: трагедія высокая—ликованье откупщиковъ, народъ, плачущій хоромъ...

— И вы думаете, цензура пропуститъ такое взятіе Одессы?

— Да, пожалуй не пропустятъ... Я самъ объ этомъ думалъ, да дѣлать нечего: сюжетъ-то мнѣ пришелся по душѣ, хочется писать; пусть запрещаютъ, по крайности душу отведу... Вотъ только бы туда не позвали.

— Куда это?

— Да къ самому-съ.

— Къ кому-же?

— Будто не знаете? проговорилъ Бутковъ, нагибаясь ко мнѣ черезъ столъ, такимъ голосомъ, какъ иныя набожныя старушки произносятъ имя врага рода человѣческаго. Онъ назвалъ тогдашняго попечителя петербургскаго

Digitized by Google

округа и предсѣдателя цензурнаго комитета Мусина-Пушкина, который, какъ извѣстно, не отличался особенной деликатностью въ сношеніяхъ съ литераторами и третировалъ ихъ иногда какъ какой-нибудь директоръ департамента стараго закала своихъ мелкихъ канцелярскихъ чиновниковъ.

— Да что же вы его такъ боитесь? спросилъ я.

— А какъ же не бояться! Вѣдь я былъ у него на расправѣ, въ застѣнкѣ-то... Сохрани Господи и помилуй! Вотъ меня добрые люди отъ красной шапки избавили... да вѣдь, я думаю, никогда солдаты-то не терпѣли того отъ старыхъ бурбоновъ, что я вынесъ... Словно сквозь строй прогналъ-съ.

— Что вы говорите? Разскажите, изъ за чего и какъ это было.

Бутковъ осмотрѣлся по сторонамъ, всталъ и заглянулъ въ буфетную комнату, потомъ опять присѣлъ за столъ и началъ вполголоса.

— Въ прошломъ году небольшую повѣстушку я написалъ и принесъ въ одинъ журналъ. Взяли

Digitized by Google

безъ гримасъ. Книжка вышла въ срокъ, смотрю: моего разсказца нѣтъ. Прошелъ еще мѣсяцъ, и въ слѣдующей книжкѣ не напечатано. А деньжонки крѣпко были нужны: билеты кухмистерскіе всѣ вышли, давно ужъ на сухояденіи сидѣлъ, ну да тамъ и другіе нуждишки по гардеробу. Пошелъ справиться въ редакцію: почему моя повѣсть залежалась. Да, говорятъ, давно набрана, только цензоръ не возвращаетъ корректуръ; рекомендуютъ самому справиться. Крѣпко не хотѣлось мнѣ идти къ блюстителю: тоже вѣдь начальство-съ, а я робокъ съ власть имѣющими и противъ рожна прать не умѣю. Думалъ, думалъ, да нужда заставила—пошелъ. Допустили меня: принялъ. Спрашиваю насчетъ повѣстушки: да я, говоритъ, затрудняюсь пропустить ее безъ разрѣшенія комитета; въ слѣдующее засѣданіе непремѣнно доложу, приходите въ два часа, въ такой-то день, прямо въ комитетъ—тамъ и узнаете рѣшеніе. Хотѣлъ было я спросить насчетъ затрудненія-то въ одобреніи повѣсти и доложить при этомъ о моей благонамѣренности, да подумалъ какъ бы

Digitized by Google

не разсердить этимъ литературнаго надзирателя—и только почтительнѣйше раскланялся. Больно мнѣ не желалось идти въ ареопагъ-то, а дѣлать нечего-съ: нуждишки тѣснятъ со всѣхъ сторонъ, и тамъ, въ редакціи-то, ужъ формируютъ новую книжку журнала—пожалуй, думаю, и въ нее повѣстушка-то моя не попадетъ. Пошелъ я, перекрестясь, въ комитетъ. У самаго университета мнѣ одинъ знакомый биржевой заяцъ дорогу перебѣжалъ, только головой кивнулъ. Вотъ и не вѣрьте вы народнымъ примѣтамъ-съ! Прихожу, спрашиваю солдата о моемъ цензорѣ; здѣсь, говоритъ, засѣдаютъ, и самъ въ присутствіи, то есть ханъ-то цензурной орды. Жду я: то на стульчикъ осторожно присяду, то по передней-то на цыпочкахъ пройдусь, въ окошечко посмотрю на золотой куполъ Исаакія. А за дверями иной разъ какъ-будто разговоръ слышенъ, а то словно команда генеральская раздается. Прошло этакъ съ часъ. Вдругъ отворялись врата, выходитъ мой затрудняющійся цензоръ и говоритъ: «господинъ Бутковъ, пожалуйте сюда!» Маленькій ознобецъ

Digitized by Google

у меня, знаете, по спинѣ-то пробѣжалъ. Вхожусъ въ святилище цензуры: за столомъ, облаченнымъ зеленымъ покровомъ, на которомъ совершается таинство литературной кастраціи, сидятъ на креслахъ всѣ эти жрецы, а въ переднемъ мѣстѣ возсѣдаетъ самъ первосвященникъ. Я, разумѣется, отдалъ подобающее поклоненіе.

— Бутковъ? спрашиваетъ верховный судія.

— Яковъ Бутковъ, отвѣчалъ я.

— Ты какую повѣсть представилъ?

— «Людишки», говорю.

— Людишки! Да ты кого это въ ней людишками-то называешь? А? загремѣлъ онъ, словно передъ нимъ стоитъ цѣлая бригада, а не одинъ ускользнувшій отъ рекрутства ординарный литераторъ. Кого, я тебя спрашиваю? Людей въ тысячу разъ лучше тебя, не праздношатающихся какихъ нибудь, а занятыхъ государственной службой, людей дѣловыхъ, да еще чиновныхъ! И это у тебя людишки! Да какъ ты можешь такъ обзывать и позорить тѣхъ, кого правительство признаетъ полезными слугами? Откуда ты набрался такихъ дерзкихъ

Digitized by Google

мыслей? я тебя спрашиваю. И какъ ты рѣшился написать это, да еще въ цензуру представить? Вы что затѣяли? Публику хотите развращать, возбуждать неуваженіе къ чину, смѣяться надъ людьми, допущенными къ государственной службѣ! Вы что-ли своей болтовней служите отечеству? Либералы! Сами ни къ чему дѣльному не способны, такъ и другихъ хотите съ толку сбить? Зависть васъ мучаетъ? Развѣ литература для того дозволена правительствомъ, чтобы ваше вредное пустословіе распространять въ народѣ? Людишки! Ты на своего брата посмотри—вотъ тамъ людишекъ найдешь, да и тѣхъ зачѣмъ напоказъ выставлять. Я посмотрю, что ты будешь писать!

— Вышелъ я изъ цензурнаго святилища, точно изъ торговой бани, продолжалъ Бутковъ: лучше всякаго пара пробрало меня. Поняли теперь, отчего я робости-то передъ нимъ подверженъ? А вѣдь повѣстушка-то моя была не ахти какъ задорна: не ранги я осмѣивалъ въ ней, а натуришку мелко-чиновную изобразить хотѣлъ, низкопоклонство да раболѣпство. Вотъ и

Digitized by Google

весь либерализмъ! И знаете-ли, какъ генеральская головомойка-то озадачила меня: вѣдь я въ инквизиціонной комнатѣ, должно быть, съ четверть часа стоялъ,—прямо передъ самимъ верховнымъ жрецомъ и кажется въ лицо ему смотрѣлъ, а теперь не помню, какой онъ изъ себя—и встрѣчу гдѣ, такъ вѣрно не узнаю. Стараюсь иной разъ ликъ-то его представить—ничего не выходитъ опредѣленнаго, а вотъ сторожа въ комитетѣ, того и въ сумеркахъ узнаю. Что значитъ начальническое-то распеканье! Психологическая задача-съ.

Мы просидѣли въ подземной трущобѣ больше часу, и при выходѣ мой собесѣдникъ исчезъ какъ-то незамѣтно. Кажется, дѣйствительно, онъ жилъ въ это время въ Пассажѣ.

Иногда видалъ я Буткова довольно часто: то онъ ко мнѣ заходилъ, то встрѣчались мы въ редакціи. Но случалось, что онъ надолго пропадалъ, и никто изъ общихъ знакомыхъ не зналъ, что съ нимъ дѣлалось. Когда послѣ этого, бывало, встрѣтишь его и спросишь, не боленъ-ли онъ былъ—чудакъ обыкновенно съ улыбкой

Digitized by Google

говорилъ: мы люди не богатые, намъ болѣть не полагается-съ! И всегда избѣгалъ онъ положительнаго отвѣта какой нибудь шуткой. Такъ я не видалъ его цѣлую весну и только случайно встрѣтилъ лѣтомъ въ Парголовѣ. Оказалось, что онъ жилъ тамъ съ какимъ-то своимъ земляком на такъ-называемой дачѣ, которая на самомъ дѣлѣ была простая чухонская изба, построенная гдѣ-то на задворьѣ.

Мы прошли съ нимъ въ Шуваловскій садъ, и онъ выбиралъ особенно пустынные закоулки, гдѣ нельзя было встрѣтить гуляющихъ. Сперва Бутковъ показался мнѣ мрачнымъ и не сообщительнымъ, что бывало съ нимъ нерѣдко и къ чему я давно уже привыкъ. Но когда мы какими-то окольными аллеями вышли къ озеру, онъ видимо оживился.

— Давно мы не видались, замѣтилъ я.

— Давненько-съ. А вы не знаете, что со мной подѣлалось нынче весной-то? спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Что такое?

— Опять видѣлъ самого-съ.

Digitized by Google

— Предсѣдателя цензурнаго комитета?

— Лицомъ къ лицу.

— По какому же случаю? Разскажите, пожалуйста.

И вотъ что разсказалъ мнѣ Бутковъ. Написалъ онъ для журнала повую повѣсть, не помню теперь, подъ какимъ названіемъ. Въ ней описывалъ онъ, какъ двое пріятелей бѣдняковъ жили вмѣстѣ, въ одной комнатѣ, питаясь чѣмъ Богъ послалъ изо-дня-въ-день. Одинъ изъ нихъ перебивался перепискою бумагъ и работой папиросныхъ гильзъ, а другой служилъ въ какомъ-то казенномъ мѣстѣ на крайне нищенскомъ жалованьѣ. Департаментскій докторъ изъ милости, подъ предлогомъ болѣзни, иногда прописывалъ ему изъ казенной аптеки грудной чай и леденецъ отъ кашля. Въ такихъ случаяхъ пріятели пили цѣлый мѣсяцъ горячее, соблюдая, конечно, при этомъ должную экономію. У каждаго изъ нихъ было по единственной парѣ сапогъ; но среди осени оказалось, что, хотя одна изъ этихъ паръ была почти новая, зато другая пришла въ состояніе окон-

Digitized by Google

чательнаго разложенія. Владѣлецъ этой послѣдней въ одинъ холодный и дождливый день промочилъ ноги, схватилъ страшное воспаленіе и черезъ нѣсколько сутокъ покончилъ свое жизненное поприще. Когда покойника клали въ убогій гробъ, надѣли на него крѣпкіе сапоги, а осиротѣвшему пріятелю его осталась совсѣмъ истрепанная пара. И вотъ ночью бѣдняка взяло раздумье: ходитъ онъ мимо усопшаго сожителя по комнатѣ въ дырявой обуви, а тотъ лежитъ себѣ комфортабельно въ гробу въ крѣпкихъ, да еще на славу вычищенныхъ сапогахъ. И думаетъ пролетарій: «На что покойнику надѣли крѣпкіе сапоги, когда завтра опустятъ ихъ въ могилу и засыплютъ землей, а я долженъ буду пѣшкомъ провожать его въ этихъ безподошвенникахъ, потомъ идти съ кладбища въ должность съ мокрыми ногами — и послѣ-завтра то же, и опять все такъ же? Еслибъ покойный очнулся теперь на минуту, то, конечно, отдалъ бы мнѣ крѣпкіе сапоги: вѣдь онъ любилъ меня. Да и зачѣмъ ему эта пара: не щеголять въ могилѣ-то! Дай-ка я помѣняюсь съ нимъ, надѣну ему

Digitized by Google

старенькіе». И вотъ бѣднякъ принялся стаскивать сапогъ съ покойника и ужъ снялъ его до половины, какъ тутъ пришла ему новая мысль. «Не грѣхъ ли это будетъ,—думалъ онъ.— Вѣдь живой человѣкъ, какъ бы ни тяжело ему было, можетъ современемъ поправиться, нажить новые, крѣпкіе сапоги, даже, можетъ быть, калоши пріобрѣтетъ, а покойнику ужъ негдѣ взять, въ могилѣ не поправишься,— въ чемъ положатъ, въ томъ и лежи до скончанія праха. Какъ же это я пріятеля, съ кѣмъ дѣлился послѣдней копѣйкой, который любилъ меня и папиросами угощалъ, отпущу изъ міра сего отрепаннымъ, и явится онъ на послѣдній судъ безъ подметокъ?» При этой мысли сожитель покойнаго остановился въ нерѣшимости— помѣняться ли сапогами съ усопшимъ или нѣтъ? Что было дальше въ повѣсти Буткова, я не знаю, да и поводомъ къ новому свиданію его съ грознымъ предсѣдателемъ цензурнаго комитета было именно то, что я теперь разсказалъ.

— Когда я отдалъ эту повѣсть въ журналъ,

Digitized by Google

говорилъ Бутковъ, — меня вскорѣ послѣ того позвали не въ комитетъ уже, а прямо къ самому хану на домъ. Думалъ, что дѣлать? — Сказаться больнымъ? да вѣдь когда нибудь придется же выздоровѣть. Не пойти? пожалуй черезъ полицію разыщутъ, руки свяжутъ, да приведутъ на веревочкѣ. Убѣжать изъ Петербурга? найдутъ, поймаютъ и Богъ знаетъ, что будетъ. Ну, призвалъ я на помощь царя Давида и всю кротость его — и пошелъ, куда пригласили... Прихожу, какъ сказано, въ одиннадцать часовъ, вытеръ ноги на подъѣздѣ и жду въ передней. Тутъ еще лакей любознательный разспрашиваетъ: учитель я, что ли, или сочинитель? Жду, жду я, и вотъ отверзлись врата адовы, и меня позвали наверхъ. Вхожу въ залу, тамъ еще съ полчаса подождалъ—портреты по стѣнамъ осматривалъ, да глядѣлъ, какъ попугай въ клѣткѣ по мѣднымъ проволокамъ карабкался и на какомъ-то иностранномъ діалектѣ кричалъ на меня. Черезъ залу-то, въ кабинетъ должно быть, шныряли мимо меня, то чиновникъ съ бумагой, то проситель съ умиленной

Digitized by Google

физіономіей—иной выходилъ точно елеемъ помазанный, а другой будто випяткомъ ошпаренный. Шныряли да и шнырять перестали. Смотрю—отдернулась завѣса, да вдругъ и выходитъ самъ. Помните, я говорилъ вамъ, что послѣ побывки въ комитетѣ совсѣмъ забылъ его обликъ, а тутъ въ одинъ мигъ вотъ такъ вспомнилъ, словно онъ у меня въ мозгу-то отпечатался, и теперь ужъ я никогда не забуду: еслибъ рисовать умѣлъ, сейчасъ бы какъ живого вамъ представилъ. Ну, такъ вышелъ онъ; буттербродъ въ рукѣ, а самъ жуетъ.

— Бутковъ? промычалъ онъ.

— Яковъ Петровъ Бутковъ, отвѣчаю я.

— Ты это что,—говоритъ,—дѣлаешь? А?

— Ничего-съ, ничего.

— Какъ ничего! Опять какую-то гадость написалъ. Чѣмъ голова-то у тебя набита, я спрашиваю? Мертвыхъ обирать вздумалъ! изъ гробовъ покойниковъ вытаскивать! сапоги съ нихъ снимать! Это что такое? Гдѣ ты видалъ такія мерзости? Развѣ это было когда нибудь? А? Что это?

Digitized by Google

— Повѣсть... фантазія! прошепталъ я.

— Фантазія! да ты гдѣ видалъ такія дѣла? Развѣ фантазія должна на святотатство обращаться? А цѣль какая у тебя? Скажи мнѣ, какая можетъ быть нравственная цѣль въ твоихъ грязныхъ разсказахъ? Кому нужны такіе отвратительные вымыслы? Натуральную школу выдумали... да развѣ натура-то въ грязи? Тряпичники! только на заднихъ дворахъ сюжетовъ-то ищете. Такъ вы сами любуйтесь ими, а не публикѣ образованной показывайте. Что ты нашелъ интереснаго и нравственнаго въ томъ, что какой-то негодяй стаскиваетъ сапоги съ мертваго?

— Ужъ онъ пѣлъ, пѣлъ мнѣ на эту тему, да въ видѣ финала пригрозилъ еще не только цензурой, но и полицейскимъ надзоромъ. Право, можно было подумать, что я въ самомъ дѣлѣ пойманъ въ святотатствѣ, могилы разрывалъ да покойниковъ грабилъ. Слава Богу, однако-жъ: доѣлъ онъ буттербродъ и повернулся ко мнѣ спиной. А какъ уходилъ-то я изъ этой

Digitized by Google

инквизиціи, такъ лакей видно угадалъ, какого пріема я сподобился, и съ улыбочкой говоритъ мнѣ: «кажись, генералъ-то серчалъ? какъ это ваша братья сочинители не умѣютъ ему потрафить!»

Къ сожалѣнію, я не читалъ повѣсти Буткова, которая навлекла на него такую, и по тогдашнимъ нравамъ, суровую головомойку. Мнѣ говорили, будто она потомъ гдѣ-то была напечатана въ значительно измѣненномъ видѣ. Читать своихъ сочиненій пріятелямъ онъ не любилъ, да и вообще, какъ я уже замѣтилъ, говорилъ о своихъ литературныхъ работахъ очень неохотно.

Изъ Шуваловскаго сада мы зашли въ какой-то жалкій трактиръ, и потомъ горемыка проводилъ меня до дилижанса. Послѣ этой встрѣчи въ Парголовѣ я не видалъ больше Буткова, и, сколько помнится, его имя послѣ того рѣдко появлялось въ журналахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при другихъ обстоятельствахъ дарованіе этого человѣка развернулось бы съ большей самостоятельностью: въ немъ было много

Digitized by Google

задатковъ, обѣщавшихъ ему такую роль въ нашей литературѣ, которая не могла бы быть скоро забыта. Это одинъ изъ печально погибшихъ талантовъ, какими такъ обильны лѣтописи русской литературы.

Digitized by Google

Знакомство съ А. И. Герценомъ.

Я не былъ лично знакомъ съ Александромъ Ивановичемъ Герценомъ до поѣздки моей заграницу въ 1857 году. Оригинальный талантъ автора «Писемъ объ изученіи природы» давно уже пользовался громкою извѣстностью, и всѣ знали, кто скрывался подъ псевдонимомъ «Искандера». Я, какъ и многіе, былъ увлеченъ блестящими идеями смѣлаго публициста, хотя не раздѣлялъ нѣкоторыхъ его взглядовъ, но мнѣ не удалось встрѣтиться съ нимъ до выѣзда его изъ Россіи, меня же онъ зналъ только потому, что за годъ до путешествія я послалъ ему съ однимъ знакомымъ мой «Очеркъ исторіи русской поэзіи». Черезъ нѣсколько дней получилъ я отъ Герцена любезное письмо, въ которомъ

Digitized by Google

онъ благодарилъ за посылку и высказывалъ желаніе познакомиться со мною, если я буду когда нибудь заграницей. А этого мнѣ давно хотѣлось.

Въ Лондонъ пріѣхалъ я утромъ, 28-го мая, и остановился въ центральной части города, на Gerrard street, въ Versailles-Hôtel. Послѣ завтрака въ общей залѣ, въ кругу разноплеменныхъ туристовъ, жившихъ въ этой гостинницѣ, я взялъ кэбъ и отправился въ Сити, узнать въ книжномъ магазинѣ Трюбнера адресъ А. И. Герцена. Мнѣ сказали, что онъ живетъ не въ Лондонѣ, а въ Пётнеѣ, минутъ на двадцать ѣзды отъ города по сѣверо-западной желѣзной дорогѣ. Я тутъ же написалъ ему записку, въ которой спрашивалъ, когда могу застать его, причемъ сообщилъ и мой адресъ.

На другой день, когда, послѣ продолжительной прогулки по Лондону, я возвратился къ завтраку въ отель, мнѣ сказали, что меня спрашивалъ какой-то господинъ и обѣщалъ придти опять въ 5 часовъ. Въ назначенное время ко мнѣ постучались; это былъ Герценъ. Я узналъ

Digitized by Google

его по знакомому мнѣ еще въ Петербургѣ портрету. Хотя въ это время ему было уже слишкомъ сорокъ пять лѣтъ, но его невысокая, плотная фигура поражала энергіей и живостью, а красивая голова, съ откинутыми назадъ длинными темнорусыми волосами и умными, выразительными глазами, съ перваго взгляда привлекала вниманіе. Невзгоды, прожитыя имъ въ Россіи съ самаго выхода изъ московскаго университета, и почти десять лѣтъ, проведенныхъ въ самомъ вихрѣ бурныхъ волненій заграницей, не оставили слѣдовъ ни на его наружности, ни на характерѣ. Смотря на него, никто не подумалъ бы, сколько нравственныхъ потрясеній и горькихъ разочарованій испыталъ этотъ человѣкъ. Послѣ обмѣна немногими фразами, обычными при первомъ свиданіи, Герценъ пригласилъ меня обѣдать и, когда я замѣтилъ, что затрудняюсь поздно возвращаться въ городъ, совсѣмъ еще не знакомый мнѣ, онъ сказалъ: да вы и ночуйте у меня, а завтра можете ѣхать съ первымъ поѣздомъ, вмѣстѣ съ моимъ сыномъ. Разумѣется, я съ радостью согласился.

Digitized by Google

Александръ Ивановичъ занималъ въ Пётнеѣ отдѣльный двухъ-этажный домъ, расположенный въ глубинѣ небольшого двора и выходившій другой стороною на прекрасный планированный садъ, съ сочной, бархатной зеленью, какую можно видѣть только въ Англіи. Помѣщеніе отличалось тѣмъ комфортомъ и чистотою, которыми справедливо гордятся англичане. Въ нижнемъ этажѣ была пріемная зала, столовая и кабинетъ, въ верхнемъ—спальня и дѣтскія комнаты; вездѣ камины и ковры. Только что мы вошли въ залу, какъ изъ сада прибѣжали дѣти Герцена—Саша, мальчикъ лѣтъ шестнадцати, и двѣ дѣвочки, Наташа, годами двумя моложе брата, и Ольга, малютка лѣтъ семи, а черезъ нѣсколько минутъ пришелъ Николай Платоновичъ Огаревъ съ женою. Александръ Ивановичъ познакомилъ насъ. Въ наружности Огарева съ перваго взгляда я не нашелъ ничего особеннаго: его круглое лицо и небольшая полнота напоминали скорѣе коренного русскаго купца, чѣмъ поэта. Въ 7 часовъ пригласили насъ въ столовую. Обѣдъ съ шампанскимъ и

Digitized by Google

фруктами прошелъ очень оживленно и весело, и, когда затѣмъ перешли курить въ кабинетъ, можно было подумать, что мы знакомы уже давно. Герценъ обладалъ той сообщительностью, которая чрезвычайно облегчаетъ и ускоряетъ короткое сближеніе.

Мы просидѣли до глубокой ночи. Александръ Ивановичъ сообщилъ мнѣ, что въ Парижѣ у него часто бывали русскіе, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился въ Англіи, почти никто не навѣщалъ его, кромѣ итальянскихъ и польскихъ эмигрантовъ. Онъ съ горячимъ участіемъ разспрашивалъ меня о томъ, что дѣлается въ Россіи съ воцареніемъ новаго Государя, о настроеніи общества, объ административныхъ реформахъ, о слухахъ насчетъ освобожденія крестьянъ, о литературѣ и журналистикѣ. Всѣ эти вопросы сильно занимали его, и онъ съ живостью высказывалъ какъ свои надежды, такъ и опасенія. Огаревъ также этимъ интересовался, но не съ такой впечатлительностью. Они, какъ извѣстно, были близкими друзьями съ дѣтства, но замѣтно, что это натуры совсѣмъ не-

Digitized by Google

сходныя: одинъ кипучій, живой какъ ртуть, другой спокойный и сдержанный. Герценъ поражалъ своей бойкостью и остроуміемъ: рѣчь его сверкала неистощимымъ каскадомъ остротъ, шутокъ, каламбуровъ, блестящей игрою неожиданнаго сближенія мыслей и образовъ. Огаревъ говорилъ со строгой, какъ бы заранѣе обдуманной точностью, не чуждой вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то мечтательности. У обоихъ были одни и тѣ же политическіе, соціальные и литературные взгляды, но въ одномъ сказывался публицистъ и революціонеръ, въ другомъ поэтъ и мечтатель. Можетъ быть, я ошибаюсь, но мнѣ думается, что Огаревъ, безъ вліянія Герцена, не увлекся бы политической и соціальной пропагандою, а остался бы вѣренъ одному художественному призванію своей поэтической натуры.

На другой день утромъ я возвратился въ Лондонъ съ сыномъ Александра Ивановича, который учился тогда въ какой-то коллегіи и ежедневно ѣздилъ въ городъ на лекціи. Всю дорогу мы проговорили. Онъ съ участіемъ вспо-

Digitized by Google

миналъ о Россіи и въ особенности о Москвѣ, жалѣлъ, что принужденъ жить вдали отъ родины, и спрашивалъ меня: есть ли какая нибудь надежда, что отцу его будетъ позволено когда нибудь возвратиться въ отечество. Конечно, я не могъ сказать на это ничего опредѣленнаго.

Въ Англіи прожилъ я двѣ недѣли и во все это время почти каждый день видался съ Герценомъ: съ ранняго утра до седьмого часа обыкновенно я гулялъ по Лондону, осматривалъ его достопримѣчательности и ѣздилъ по окрестностямъ, въ Гринвичъ, Ричмондъ, Виндзоръ, а затѣмъ отправлялся обѣдать и ночевать въ Пётней. Послѣобѣденныя бесѣды въ кабинетѣ Герцена, за бутылкой шампанскаго, продолжались съ тѣмъ же одушевленіемъ и интересомъ. Александръ Ивановичъ любилъ разсказывать о своемъ ссыльномъ житьѣ-бытьѣ въ Вяткѣ, Владимірѣ и Новгородѣ и при этомъ приводилъ много анекдотовъ изъ провинціальныхъ нравовъ, которые, въ его своеобразномъ разсказѣ, получали особенный интересъ. Боль-

Digitized by Google

шая часть этого вошла въ его записки, изданныя потомъ подъ заглавіемъ «Былое и думы», но нѣкоторые изъ слышанныхъ мною отъ него комическихъ анекдотовъ, кажется, не появлялись въ печати.

Онъ разсказывалъ, между прочимъ, какъ, въ бытность его во Владимірѣ, губернатору нужно было почему-то сдѣлать визитъ пріѣхавшей въ городъ старухѣ-помѣщицѣ, и онъ сказалъ объ этомъ безъ всякой задней мысли полицеймейстеру, а тотъ, можетъ быть, уже съ задней мыслью насчетъ чистоты и трезвости улицъ, по которымъ долженъ прослѣдовать начальникъ губерніи, сообщилъ о предстоящемъ визитѣ частному приставу. Этотъ съ своей стороны передалъ слова полицеймейстера квартальному въ такой неясной или, можетъ быть, наставительной редакціи, что исполнительный полицейскій чиновникъ тотчасъ же отправился къ старухѣ и взялъ съ нея подписку о невыѣздѣ изъ города впредь до распоряженія господина губернатора.

Съ большимъ комизмомъ разсказывалъ также

Digitized by Google

Герценъ забавный анекдотъ, который слышалъ въ Новгородѣ отъ сослуживцевъ. Въ одномъ изъ мелкихъ уѣздныхъ городовъ этой губерніи начальникъ инвалидной команды проходилъ однажды черезъ пустырь, который изъ вѣжливости величался площадью. Тутъ, у дома городничаго, бродили индюшки, и передъ ними, распустивъ вѣеромъ хвосты и растопыря крылья, двигались строемъ съ полдюжины индѣйскихъ пѣтуховъ. Поровнявшись съ ними, офицеръ изъ шалости поднялъ руку подъ козырекъ фуражки и крикнулъ: «здорово, ребята!» Индюки, подобравъ мгновенно крылья и вытянувъ шеи, дружно откликнулись на привѣтствіе своимъ громкимъ бормотаньемъ. Городничій видѣлъ это и тотчасъ же послалъ въ Новгородъ рапортъ «о происшествіи», донося, что начальникъ инвалидной команды издѣвается надъ военной службою и дерзнулъ осмѣивать высочайшіе смотры и парады.

Насмѣшливое и даже враждебное отношеніе къ нѣкоторымъ сторонамъ нашей общественной жизни и рѣзкія нападки на грубость

Digitized by Google

и произволъ властей не мѣшали Герцену любить Россію и вспоминать съ горячимъ сочувствіемъ о многихъ подробностяхъ изъ своего прошлаго. Съ особенной любовью говорилъ онъ о московскомъ университетѣ и томъ литературномъ кружкѣ, въ которомъ сблизился съ Бѣлинскимъ и Грановскимъ. Къ славянофильской партіи онъ относился уже не съ той рѣзкостью, какою прежде отличались его нападки на людей этого направленія. Смѣясь надъ ихъ стремленьемъ возвратиться «къ допетровской лежанкѣ» и бесѣдовать оттуда съ народомъ, облачась въ охабень и мурмолку, онъ тѣмъ не менѣе отдавалъ справедливость патріотизму и талантливости Хомякова, Аксаковыхъ. Мнѣ показалось даже, что въ это время Герценъ, по нѣкоторымъ своимъ сужденіямъ, приближался къ той партіи, которую прежде такъ безпощадно осмѣивалъ. Въ его взглядахъ на русскій народный характеръ, на общину и круговую поруку было много общаго съ славянофильскими журналами; а отзывы его о европейскомъ обществѣ въ отношеніи къ явленіямъ,

Digitized by Google

возникшимъ послѣ событій 1848 и 1849 годовъ, невольно напоминали извѣстныя іереміады о гніющемъ Западѣ. Что касается вопроса объ освобожденіи крестьянъ, то во всѣхъ главныхъ основаніяхъ его онъ прямо примыкалъ къ славянофиламъ. Я думаю, что впослѣдствіи онъ могъ бы согласиться и съ другими принципами этой партіи, за исключеніемъ развѣ ея религіозныхъ убѣжденій.

Меня удивлялъ только взглядъ Герцена на польское дѣло. Въ этомъ вопросѣ онъ не хотѣлъ примириться съ историческимъ фактомъ паденія Польши, какъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ ея собственнаго анархическаго строя, и настаивалъ на возможности ея самостоятельнаго возрожденія. По его мнѣнію, народная и государственная совѣсть Россіи обязывала ее развязаться съ Польшею и дать ей полную независимость. Это убѣжденіе Герцена, которое впослѣдствіи отшатнуло отъ него не мало людей, уважавшихъ его талантъ и личность, казалось мнѣ тѣмъ непонятнѣе, что онъ самъ былъ невысокаго мнѣнія о полякахъ. Онъ прямо

Digitized by Google

говорилъ мнѣ, что изъ всей толпы польскихъ эмигрантовъ зналъ только двухъ истинно порядочныхъ людей—Ворцеля и Свентославскаго. Помню, какъ желчно смѣялся онъ надъ низкопоклонствомъ поляковъ передъ Мицкевичемъ, на какой-то агитаціонной сходкѣ, и надъ ихъ поклоненіемъ Наполеону, культъ котораго, по его выраженію, довели они до какого-то мистическаго фетишизма. Надобно видѣть, говорилъ онъ, съ какимъ комическимъ благоговѣніемъ подходитъ полякъ въ Hôtel des Invalides къ гранитной гробницѣ Наполеона и какъ набожно опускаетъ глаза передъ этою святая-святыхъ. А между тѣмъ это были люди, которые громко заявляли о своемъ отреченіи отъ всякихъ авторитетовъ.

Александръ Ивановичъ много разсказывалъ о своей жизни въ Италіи и Франціи во время революціи и наступившей затѣмъ реакціи, и однажды прочелъ мнѣ главу изъ своихъ записокъ, напечатанную впослѣдствіи въ одномъ изъ послѣднихъ томовъ «Былое и думы». Онъ хотѣлъ одно время написать обличительный

Digitized by Google

памфлетъ: Les refugiés peints par eux mêmes, но рѣшился ограничиться этой болѣе спокойной, но все же не лестной для многихъ статьей. Правда, онъ съ уваженіемъ относился къ нѣкоторымъ лицамъ, игравшимъ выдающуюся роль въ событіяхъ или публицистической борьбѣ той эпохи, какъ, напримѣръ, къ Маццини, Гарибальди, Прудону, но вообще разноплеменные революціонеры и эмигранты представлялись въ его разсказѣ далеко не въ привлекательномъ видѣ. Особенно смѣялся онъ надъ тѣми французскими и нѣмецкими скитальцами, которыхъ называлъ кофейными агитаторами и хористами революціи.

— Для этихъ революціоннаго дѣла подмастерьевъ, говорилъ онъ,—свобода и деспотизмъ безразличны: для нихъ баррикады, какъ искусство для искусства, нужны только для самаго процесса криковъ и стрѣльбы.

Герценъ съ отвращеніемъ вспоминалъ о грубости и угловатости нѣмцевъ-агитаторовъ и съ сожалѣніемъ отзывался о легкомысленной самонадѣянности эмигрантовъ-французовъ, которые и въ изгнаніи не переставали питаться не-

Digitized by Google

сбыточными иллюзіями. Къ итальянцамъ, напротивъ, онъ относился съ уваженіемъ. Лучшими днями заграничной жизни, по его словамъ, были тѣ, которые онъ провелъ въ Италіи, а самыми симпатичными людьми—итальянскіе борцы за свободу. Это, говорилъ онъ, не революціонные бурши и не бульварные клубисты, а люди, понимающіе, чего хотятъ и за что борятся.

Мнѣ пришлось видѣть одного изъ эмигрантовъ, котораго особенно любилъ Герценъ. Однажды послѣ обѣда Александръ Ивановичъ, особенно весело настроенный, вспомнилъ о своихъ московскихъ развлеченіяхъ и предложилъ спѣть хоромъ русскую пѣсню. Всѣ мы, не исключая дѣтей, усѣлись на коврѣ въ два ряда, лицомъ одни къ другимъ, изображая такимъ образомъ лодку, и затянули какъ умѣли: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ». Въ шумѣ этого патріотическаго упражненія мы не слыхали, что на дворъ въѣхали гости. Вдругъ отворились двери и въ залу вошелъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ выразительнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ задумчиво-кроткимъ лицомъ, въ темносѣромъ

Digitized by Google

фракѣ, а съ нимъ, закинувъ на руку тренъ синей амазонки, молодая, стройная женщина въ фетровой шляпкѣ, изъ-подъ которой опускались бѣлокурые локоны. Всѣ мы поднялись.

— Что это такое? спросилъ съ улыбкой гость.

— C'est un chant des pirates du Volga! отвѣтилъ Герценъ, смѣясь и протягивая руку пріѣзжимъ:—намъ хотѣлось спѣть ее на берегахъ Темзы.

Это былъ Саффи, одинъ изъ тріумвировъ, который во время недолгаго существованія римской республики, послѣ бѣгства Пія IX, стоялъ вмѣстѣ съ Маццини и Армелини въ главѣ временного правительства и организовалъ оборону Рима отъ французовъ въ 1849 году. Молодая дама, съ которою онъ пріѣхалъ, была его невѣста, шотландка. Гости просидѣли съ полчаса. Герценъ, сколько я замѣтилъ, очень любилъ Саффи и считалъ его самой симпатичной личностью изъ всѣхъ знакомыхъ итальянцевъ. Онъ съ одушевленіемъ разсказывалъ мнѣ, что этотъ человѣкъ вынесъ послѣ того, какъ принужденъ былъ вмѣстѣ съ Гарибальди покинуть Римъ.

Digitized by Google

Однажды Герценъ спросилъ меня, что я успѣлъ осмотрѣть въ Лондонѣ. Когда я сказалъ, между прочимъ, что не былъ еще въ Британскомъ Музеѣ, онъ предложилъ ѣхать туда вмѣстѣ. Britisch Museum—одно изъ учрежденій, которыми имѣютъ право гордиться англичане. Мы подъѣхали къ огромному двухъ-этажному зданію, окаймленному съ улицы красивой чугунною рѣшеткой. Входъ открытъ безъ всякихъ формальностей, за исключеніемъ читальной залы, куда допускаются только съ билетами или рекомендательными письмами отъ лицъ, извѣстныхъ главному библіотекарю. Посѣтителямъ не позволяется снимать шляпъ, чтобы они по неосторожности чего нибудь не попортили. Въ залахъ разставлены диваны для отдыха, и расхаживаютъ сторожа въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ галстухахъ. Мы поднялись въ верхній этажъ. Прежде всего открываются зоологическій и минералогическій кабинеты, удивительные по количеству и разнообразію собранныхъ коллекцій, а затѣмъ слѣдуетъ отдѣлъ допотопныхъ ископаемыхъ. Тутъ вы видите цѣльные

Digitized by Google

скелеты мастодонтовъ и мегатеріевъ, уцѣлѣвшіе отъ антиделювіальной эпохи, оттиски на каменныхъ глыбахъ чудовищныхъ формъ ихтіозавровъ и плезіозавровъ и наконецъ остовъ первобытнаго человѣка, рѣзко отпечатавшійся на большой плитѣ твердой известковой породы. Обзоръ этихъ галлерей съ такимъ знатокомъ естественныхъ наукъ, какъ авторъ «Писемъ объ изученіи природы», былъ для меня крайне интересенъ.

Въ другой половинѣ верхняго этажа входишь сперва въ отдѣлъ египетскихъ древностей, гдѣ особенно замѣчательно собраніе мумій во всѣхъ видахъ — то окутанныхъ въ погребальные покровы, то съ полуоткрытыми верхними пеленами и наконецъ совершенно обнаженныхъ. Потомъ идутъ залы этрусскихъ, греческихъ и римскихъ древностей, наполненныя множествомъ всевозможныхъ античныхъ вещей, наглядно переносящихъ васъ въ жизнь древняго міра. Но еще болѣе богата и любопытна слѣдующая, этнографическая галлерея. Здѣсь собраны предметы всѣхъ народностей земного шара, какъ

Digitized by Google

существующихъ, такъ и исчезнувшихъ: одежды, оружіе, лодки, музыкальные инструменты китайцевъ, индусовъ, полинезійцевъ, древнихъ мексиканцевъ и перуанцевъ.

Отсюда мы спустились въ нижній этажъ, гдѣ помѣщаются историко-художественныя коллекціи Музея. Въ трансептѣ расположены памятники ассирійскаго искусства, а влѣво и вправо идутъ съ одной стороны залы античной скульптуры, установленныя статуями, саркофагами, капителями и цѣлыми колоннами изъ древнихъ храмовъ, а съ другой—знаменитая галлерея лорда Эльджина съ сокровищами, похищенными имъ изъ аѳинскаго Акрополя. Этотъ отдѣлъ въ особенности интересовалъ Герцена. Но при видѣ собранныхъ тутъ вѣковѣчныхъ памятниковъ, чувство наслажденія смѣшивается съ негодованіемъ: изумляешься человѣческому генію и видишь человѣческое варварство. Предъ вами идеалы высокой красоты, но испорченные и обезображенные. Фризы и барельефы съ Парѳенона, каріатиды изъ храма Эрихтея, статуи съ Тразивулова монумента и другихъ аѳин-

Digitized by Google

скихъ памятниковъ всѣ пострадали такъ, что нѣтъ ни одной совершенно цѣльной фигуры. Однѣ изъ нихъ потерпѣли отъ фанатизма древнихъ христіанъ и нашествія варваровъ на Элладу, другія испорчены при снятіи съ Акрополя и при перевозкѣ въ Англію. Герценъ напомнилъ мнѣ чье-то замѣчаніе: quod non fecerunt Goti, hoc fecerunt Scoti, и то, съ какимъ негодованіемъ Байронъ, въ сатирѣ «The curse of Minerva», заклеймилъ Эльджина, а вмѣстѣ съ тѣмъ и англійское правительство, уплатившее ему тридцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ за похищенныя въ Греціи сокровища.

— Это стоитъ тридцати сребренниковъ Іуды! замѣтилъ Герценъ.

Странное дѣло, однако-жъ, какъ ни изуродованы всѣ эти статуи—онѣ обаятельно привлекаютъ васъ: смотришь на уцѣлѣвшій женскій торсъ съ туникой, охватывающей живописными складками грудь, и кажется, видишь самое лицо богини и даже его выраженіе. Тутъ, не будучи художникомъ, чувствуешь благоговѣніе передъ святыней красоты.

Digitized by Google

— Я нѣсколько разъ уже былъ въ Эльджинской галлереѣ, говорилъ мнѣ Герценъ,—и всегда выношу изъ нея новое наслажденіе и примиряющее чувство жизненнаго довольства.

Александръ Ивановичъ, между прочимъ, сказалъ, что еще не бывалъ въ Тоуэрѣ. Я предложилъ ему теперь же посмотрѣть знаменитую крѣпость, памятную въ англійской исторіи кровавыми драмами. Мы взяли кэбъ и черезъ полчаса уже были передъ этой массой безобразно нагроможденныхъ строеній разнаго стиля, надъ которыми возвышается такъ называемая Бѣлая Башня, построенная Вильгельмомъ Завоевателемъ. При входѣ взяли съ насъ по шиллингу, и проводникъ въ красномъ камзолѣ и беретѣ, съ вышитымъ золотомъ гербомъ на груди и на спинѣ, повелъ насъ по заламъ, галлереямъ и капелламъ и, наконецъ, въ ту историческую тюрьму, гдѣ простились съ жизнью столько государственныхъ людей доброй старой Англіи. Мы устали бродить по этому громадному лабиринту. Прославленныя Crown jewels, или государственныя драгоцѣнности, на мой взглядъ,

Digitized by Google

уступаютъ тому, что̀ хранится въ московской Оружейной Палатѣ. Зато тутъ много исторической старины. Нашъ красный проводникъ съ особымъ участіемъ обратилъ почему-то вниманіе на плаху, бывшую на эшафотѣ при казни Анны Болэнъ, и на топоръ, которымъ отрублена была голова графа Эссексъ. Въ заключеніе онъ указалъ на ружья и колокола, вывезенные во время крымской войны изъ Бомарзунда въ качествѣ русскихъ трофеевъ.

— Но это не русскіе колокола, сказалъ Герценъ.

— Какъ не русскіе? обидѣлся нашъ чичероне.

— Да очень просто: на нихъ шведскія надписи.

Въ самомъ дѣлѣ это было такъ, но англичанинъ нашъ не повѣрилъ и посмотрѣлъ на насъ съ неудовольствіемъ, какъ будто мы покушались отнять славную добычу.

Въ этотъ день я не поѣхалъ въ Пётней, а провелъ вечеръ въ Lyceum Theatre, гдѣ въ первый разъ видѣлъ извѣстную Ристори. На меня она не произвела особеннаго впечатлѣнія, и

Digitized by Google

когда я говорилъ потомъ о ней съ Герценомъ, онъ спросилъ:

— Да вы видали Рашель?

— Видѣлъ во всѣхъ почти пьесахъ ея репертуара.

— Такъ что же послѣ нея Ристори: та мраморный подлинникъ Фидія, а эта—только гипсовая копія съ него.

Меня интересовало мнѣніе Александра Ивановича объ Англіи, и мы много говорили объ этомъ, какъ на вечернихъ бесѣдахъ въ Пётнеѣ, такъ и во время нашихъ прогулокъ по Лондону. Онъ далеко не восхищался ея политическимъ и общественнымъ строемъ, но относился къ англичанамъ не съ такой желчью и насмѣшками, какъ къ нѣмцамъ и французамъ. Настоящее положеніе Англіи онъ сравнивалъ съ вулканомъ, который еще только дымится и далекъ отъ изверженія, хотя когда нибудь взрывъ его и превзойдетъ всѣ другія общественныя потрясенія. Опасность, говорилъ онъ, не въ отпаденіи нищей и безсильной Ирландіи, чего такъ боятся, и не въ отдѣленіи Индіи, что можетъ

Digitized by Google

случиться развѣ въ далекомъ будущемъ. Гроза подготовляется, какъ онъ выразился, не въ центростремительномъ, а въ центробѣжномъ направленіи.

— Мы вотъ видѣли съ вами у Сенъ-Джемскаго парка старуху, въ великолѣпномъ экипажѣ, съ лакеями и кучерами въ завитыхъ, напудренныхъ парикахъ. Это, если не ошибаюсь, герцогиня Аргайль. У нея въ Лондонѣ нѣсколько собственныхъ улицъ, а въ провинціяхъ десятокъ замковъ и сотня тысячъ акровъ земли. А вы мнѣ говорили, что въ людныхъ частяхъ города встрѣчали людей въ такихъ лохмотьяхъ, какими побрезгуетъ и ветошникъ. Вотъ въ этихъ-то двухъ крайностяхъ, болѣе рѣзкихъ здѣсь, чѣмъ въ какой нибудь другой странѣ, и скопляются элементы неминуемаго взрыва. Онъ давно бы уже и разразился, еслибы англичане не принимали мѣръ противъ грозящей катастрофы: нигдѣ въ мірѣ нѣтъ столько благотворительныхъ заведеній. Общество тратитъ на это громадныя суммы, но, несмотря на то, пролетаріатъ ростетъ, и голодная нищета съ нена-

Digitized by Google

вистью проходитъ мимо аристократическихъ дворцовъ и роскошныхъ магазиновъ и сурово посматриваетъ на людей, задыхающихся въ излишествахъ.

Хорошо помню я и то, что Герценъ говорилъ объ англійской конституціи. По его мнѣнію, несмотря на средневѣковыя формы этой государственной машины и монархическій подборъ ея колесъ, смазываемыхъ отъ времени до времени смягчающими биллями, въ англійскомъ правительствѣ болѣе республиканскихъ элементовъ, чѣмъ въ блаженной памяти французскихъ учредительныхъ собраніяхъ и конвентахъ.

— Французы по натурѣ монархисты, говорилъ онъ:—ихъ попытки основать республику всякій разъ напоминаютъ латинскую пословицу: parturiunt montes, nascitur mus. Послѣ первой революціи, несмотря на всю народную энергію, гора родила мышь, которая и попалась тотчасъ въ лапы корсиканскаго кота; а теперь вотъ новая республика задохлась въ ловушкѣ, въ которую заманила ее буржуазія. Такъ и всегда будетъ у французовъ, при ихъ покло-

Digitized by Google

неніи авторитетамъ и любви къ казарменнымъ порядкамъ. Англичанъ же не собьешь съ толку шаблонными эфектами и либерально-трескучимъ краснобайствомъ; у нихъ уваженіе къ личности создало больше республиканскихъ устоевъ и въ частномъ быту, и въ общественной жизни.

— Однако-жъ, у этихъ республиканцевъ есть королева, замѣтилъ я,—и кажется, она не дешево имъ стоитъ.

— Что же такое? отвѣчалъ онъ:—это только прихоть великой націи...

Герценъ сознавался, что ему многое не по душѣ въ Англіи, но въ ней, говорилъ онъ, свободномыслящему человѣку живется покойнѣе и безопаснѣе, чѣмъ гдѣ нибудь на континентѣ, не исключая и Швейцаріи. Наполеонъ III успѣлъ выжить изъ Женевы непріятныхъ ему людей, но здѣсь никакія его угрозы не заставятъ правительство предпринять какія нибудь насильственныя мѣры противъ французскихъ эмигрантовъ. Здѣсь не придетъ къ вамъ, какъ, напримѣръ, въ Парижѣ, полицейскій ком-

Digitized by Google

миссаръ освѣдомиться, съ какой цѣлью вы участвовали въ какомъ нибудь митингѣ. Англійскій законъ одинаково всѣхъ связываетъ, но и всѣхъ равно охраняетъ. Разумѣется, есть законы стѣснительные и даже нелѣпые, но подчиненіе имъ менѣе тягостно, когда знаешь, что они обязательны для всѣхъ. При этомъ Александръ Ивановичъ разсказалъ мнѣ любопытный случай, характеризующій англійскіе нравы.

Однажды принцъ Альбертъ катался въ кабріолетѣ по зарѣчной части города и хотѣлъ возвратиться въ Букингэмскій дворецъ по Ватерлоскому мосту. Мостъ этотъ построенъ былъ частной компаніей съ правомъ пользоваться, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, опредѣленнымъ сборомъ съ проходящихъ и проѣзжающихъ. Срокъ контракта еще не кончился. Когда принцъ подъѣхалъ къ барьеру, мостовой сборщикъ подошелъ получить обычный пенсъ, назначенный по таксѣ за проѣздъ въ экипажѣ. Оказалось, что у принца Альберта не случилось съ собою ни пенни. — Ты меня знаешь, сказалъ онъ сторожу: — пропусти, я пришлю

Digitized by Google

деньги. — Сэръ, отвѣчалъ тотъ, въ такомъ-то параграфѣ данной намъ инструкціи предписывается брать мостовую плату при самомъ проходѣ и проѣздѣ.—Такъ возьми вотъ это въ обезпеченіе, сказалъ принцъ, подавая ему свои часы.—Сэръ, возразилъ сборщикъ, въ такомъ-то параграфѣ нашей инструкціи запрещается принимать заклады. И супругъ королевы Викторіи долженъ былъ повернуть назадъ и переѣхать черезъ Темзу по другому мосту.

— Конечно, это мелочная ненужность, говорилъ Герценъ,—но она показываетъ, въ какой степени дорожатъ здѣсь законностью. Въ этомъ, разумѣется, не мало напускного педантизма, а все же вы тутъ больше, чѣмъ гдѣ нибудь, чувствуете уваженіе къ человѣческой личности.

Однимъ изъ пріятныхъ дней моего житья въ Англіи была поѣздка съ Герценомъ и Огаревыми въ Сиденгэмъ на большой музыкальный праздникъ въ Кристальномъ дворцѣ. Съ самаго пріѣзда въ Лондонъ я уже слышалъ, что общество Sacred harmonie устраиваетъ концертъ-монстръ изъ произведеній Генделя, котораго

Digitized by Google

англичане считаютъ своимъ величайшимъ композиторомъ, хотя онъ былъ родомъ нѣмецъ и только жилъ нѣсколько лѣтъ въ Англіи. Наконецъ явились афиши съ извѣщеніемъ, что 15 іюня н. с. въ Сиденгэмскомъ дворцѣ назначенъ Grand Handel festival, на которомъ исполнена будетъ знаменитая ораторія «Мессія». Мнѣ хотѣлось быть на этомъ праздникѣ, и я съ удовольствіемъ принялъ предложеніе Николая Платоновича Огарева ѣхать вмѣстѣ. Герценъ сначала отказывался отъ поѣздки, но по просьбѣ мадамъ Огаревой согласился быть нашимъ товарищемъ. Въ одиннадцать часовъ мы были уже на желѣзнодорожной станціи у Лондонскаго моста, откуда отправляются поѣзда въ Сиденгэмъ. Нигдѣ я не видалъ такого движенія, какъ на этомъ семимильномъ клочкѣ рельсоваго пути. Такъ какъ билеты на концертъ заранѣе продавались въ Лондонѣ и вмѣстѣ съ платой за входъ оплачивался и проѣздъ, то пассажиры шли прямо на платформу, моментально наполняли вагоны, и поѣздъ уходилъ; а за нимъ являлся другой, такъ же быстро за-

Digitized by Google

биралъ массу народа и мчался за первымъ, очищая мѣсто новому поѣзду съ десятками вагоновъ. Нѣсколько поѣздовъ шло въ близкомъ разстояніи, на виду одни у другихъ, такъ что это казалось какою-то непрерывною процессіею дымящихся локомотивовъ, влекущихъ за собой длинные хвосты безчисленныхъ экипажей.

— Посмотрите, какая прелесть! сказалъ Герценъ, указывая въ окно вагона.

Я выглянулъ. Сиденгэмскій Кристальный дворецъ, эта довольно безвкусная громада безчисленныхъ стеколъ въ чугунныхъ скрѣпленіяхъ и переплетахъ, при блескѣ лѣтняго солнца казался издали причудливымъ видѣніемъ изъ волшебныхъ сказокъ. Весь онъ, прозрачный и сіяющій, походилъ на какую-то исполинскую игрушку, изваянную изъ чистаго кристалла.

Несмотря на то, что на праздникъ съѣхалось, какъ потомъ писали въ газетахъ, болѣе двадцати пяти тысячъ человѣкъ, не было ни какой тѣсноты и нарушенія порядка ни при входахъ въ трансепты, ни при занятіи мѣстъ. Галлереи дворца до того обширны, что въ антрак-

Digitized by Google

тахъ между частями ораторіи половина публики прогуливалась здѣсь безъ всякаго стѣсненія. За нѣсколько минутъ до начала концерта пріѣхала королева Викторія съ принцемъ Альбертомъ. При входѣ ихъ всѣ поднялись, и многотысячная масса, болѣе съ усердіемъ, чѣмъ съ умѣньемъ и стройностью, запѣла God save the Queen. Мы занимали мѣсто недалеко отъ прохода, и я хорошо видѣлъ королеву. Несмотря на то, что въ это время ей было уже подъ сорокъ лѣтъ, она казалась стройной, изящной женщиной, въ полномъ цвѣтѣ красоты. Принцъ также очень красивый мужчина. Они вошли въ ложу и поклонились голосящей публикѣ.

Фестиваль исполнялся въ большомъ трансептѣ Кристальнаго дворца. Въ глубинѣ этой громадной залы устроенъ былъ амфитеатръ, на которомъ помѣщалось двѣ тысячи пѣвцовъ и пятьсотъ музыкантовъ. Передъ нижнимъ уступомъ стоялъ колоссальный органъ, въ 30 футовъ длиною, нарочно сдѣланный для этого музыкальнаго торжества. Ораторія началась, какъ было объявлено, ровно въ часъ. Оркестромъ и хо-

Digitized by Google

рами управлялъ Коста, а басовыя партіи пѣлъ знаменитый Формесъ, извѣстный петербургской публикѣ своимъ могучимъ голосомъ въ роляхъ Оровеза и Марселя. При такомъ грандіозномъ исполненіи знаменитая «Мессія» Генделя производитъ сильное впечатлѣніе, хотя по своей обширности утомляетъ не особенно увлекающихся духовной музыкой. Огаревы все время оставались въ залѣ, а Герценъ послѣ второй части ораторіи сказалъ, что усталъ. Мы пошли бродить по музеямъ Кристальнаго дворца, а оттуда спустились въ садъ съ фонтанами и цвѣтниками. Понятно, что у насъ зашла рѣчь о Генделѣ и его музыкѣ.

— Конечно, сказалъ Герценъ, это хорошо, грандіозно, но не въ моемъ вкусѣ: я промѣняю всѣ мессы и ораторіи на двѣ—три оперы Россини и Мейербера... А знаете, какая музыкальная вещь всего больше поразила меня? Это «Марсельеза», которую пѣли, двигаясь по парижскимъ бульварамъ, двадцать тысячъ блузниковъ! Никакая ораторія не произведетъ на меня такого потрясающаго впечатлѣнія...

Digitized by Google

Не разъ въ Пётнеѣ завязывался у насъ разговоръ и о поэзіи. Однажды я засталъ Герцена въ кабинетѣ съ книжкою Байрона въ рукахъ. Когда я замѣтилъ, что не ожидалъ встрѣтить его за чтеніемъ давно знакомаго поэта, онъ спросилъ: А знаете ли вы мою статью «Записки одного молодаго человѣка?» Я отвѣчалъ, что читалъ ее когда-то и помню, что онъ разсказалъ въ ней впечатлѣнія своей молодости.— Такъ не хотите ли, я прочту изъ нея страницу, которая будетъ моимъ отвѣтомъ на ваше замѣчаніе?—Я попросилъ его объ этомъ. Онъ досталъ изъ шкапа книгу и прочиталъ мнѣ выдержку изъ своей статьи. Впослѣдствіи я пріискалъ ее въ собраніи его сочиненій. Вотъ эта страница. «У меня страсть перечитывать поэмы великихъ maëstri: Гёте, Шекспира, Пушкина, Вальтеръ-Скотта. Казалось бы, зачѣмъ читать одно и то же, когда въ это время можно «украсить» свой умъ произведеніями гг. А. В. С.?—Да въ томъ-то и дѣло, что не одно и то же; въ промежутки какой-то духъ мѣняетъ очень много въ вѣчно-живыхъ произведеніяхъ

Digitized by Google

маэстровъ. Какъ Гамлетъ, Фаустъ прежде были шире меня, такъ и теперь шире, не смотря на то, что я убѣжденъ въ своемъ расширеніи. Нѣтъ, я не оставлю привычки перечитывать: по этому я наглядно измѣряю свое возростаніе, улучшеніе, паденіе, направленіе. Прошли годы первой юности, и надъ Моромъ, Позой выставилась мрачная задумчивая тѣнь Валленштейна и выше ихъ парила Дѣва Орлеанская; прошли еще годы — и Изабелла, дивная мать, стала рядомъ съ гордой дѣвственницей... Да, надобно перечитывать великихъ поэтовъ, чтобъ поймать свою душу, если она начнетъ сохнуть. Человѣчество своимъ образомъ перечитываетъ цѣлыя тысячелѣтія Гомера, и это у него оселокъ, на которомъ оно пробуетъ силу возраста. Лишь только Грецiя развилась, она Софокломъ, Праксителемъ, Зевксисомъ, Эврипидомъ, Эсхиломъ повторила образы, завѣщанные колыбельной пѣснею ея, Иліадой; потомъ Римъ попытался возсоздать ихъ по-своему, стоически, Сенекою; потомъ Франція напудрила ихъ и надѣла башмаки съ пряжками—Расиномъ; потомъ

Digitized by Google

падная Италія перечитала ихъ чернымъ Альфіери; потомъ Германія возсоздала своимъ Гёте Ифигенію, и на ней увидѣла всю мощь его»...

— Послѣ того, что я пережилъ въ недавніе годы, сказалъ Герценъ, бросивъ книгу,—необходимо перечитать Байрона. Въ немъ выступаютъ теперь стороны, которыя прежде заслонялись. Въ молодости увлекались мы разочарованнымъ Чайльдъ-Гарольдомъ да приключеніями Донъ-Жуана, потомъ изъ-за нихъ выдвинулся оскорбленный и мстящій Марино Фальеро, теперь за ними встаетъ Каинъ, во всей дерзости мучительнаго сомнѣнія и холоднаго отрицанія, и все завершается страшной картиной The Darkness. Перечитывая все это, повѣряешь свое сердце, свою любовь и злобу и понимаешь, что Байронъ послѣдній представитель нашей эпохи: послѣ него, безъ какого нибудь соціальнаго обновленія общества, невозможна уже никакая поэзія, кромѣ развѣ ироніи Гейне.

Это была моя послѣдняя бесѣда съ Герценомъ.

Давнишнее желаніе побывать въ Италіи и

Digitized by Google

Греціи не позволило мнѣ долго оставаться въ Англіи. Но двѣ недѣли, проведенныя въ Лондонѣ и его окрестностяхъ, и особенно знакомство съ Герценомъ и вечера въ Пётнеѣ—были самыми пріятными эпизодами моей заграничной поѣздки. Подробности этихъ дней живо остались въ моей памяти, тѣмъ болѣе, что во все время я велъ дневникъ и постоянно записывалъ свои впечатлѣнія. При послѣднемъ свиданіи Александръ Ивановичъ подарилъ мнѣ на память свои «Письма изъ Франціи и Италіи»,—по моему мнѣнію, лучшее и самое сердечное изъ его сочиненій, въ которомъ вполнѣ выразились его блестящій талантъ и характерная личность. Послѣ этого недолгаго знакомства мнѣ не пришлось уже болѣе видѣть Герцена.

Digitized by Google

Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій.

I.

Кончина Ѳ. М. Достоевскаго вызвала явленія, какихъ не бывало до сихъ поръ въ нашемъ обществѣ. Еще при слухахъ о внезапной болѣзни его, люди совсѣмъ незнакомые съ участіемъ освѣдомлялись о его здоровьѣ; а когда сдѣлалось извѣстнымъ, что его не стало, въ скромное помѣщеніе умершаго съ утра до поздней ночи сходились толпы поклониться его праху. Тутъ были государственные сановники, литераторы, артисты, учащаяся молодежь и женщины изъ разныхъ слоевъ столичнаго общества. Вѣсть о томъ, что Государь пожаловалъ пенсію вдовѣ и обезпечилъ воспитаніе

Digitized by Google

дѣтей покойнаго, вызвала общую признательность.

На выносъ тѣла Достоевскаго стеклись тысячи народа: его провожали съ вѣнками представители разныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеній, депутаціи отъ городскихъ обществъ обѣихъ столицъ. Еще больше выразилось сочувствіе къ покойному на другой день, при самомъ погребеніи, въ храмѣ и на могилѣ, въ Александро-Невской лаврѣ. Его хоронили не родные, не друзья — его хоронило русское общество. И эти овація не были придуманы какимъ нибудь кружкомъ, а сложились подъ вліяніемъ одного общаго чувства утраты, съ одной общей мыслью почтить любимаго писателя и гражданина. Ѳ. М. Достоевскій создалъ себѣ въ нашей литературѣ исключительное положеніе: онъ не стоялъ въ рядахъ какой нибудь партіи или школы; это былъ представитель всего русскаго общества, всецѣло проникнутый его интересами, одушевленный вѣрою въ молодыя русскія силы, полный сочувствія ко всему неправо униженному и оскорбленному

Digitized by Google

и никогда не терявшій надежды на будущую великую роль горячо любимаго имъ народа. Вотъ почему Достоевскій болѣе, чѣмъ кто другой изъ нашихъ талантливыхъ писателей, былъ дѣятель общественный и почему утрата его отозвалась во всей Россіи.

Въ большинствѣ нашей публики понятія о Достоевскомъ очень поверхностны: знаютъ, что онъ воспитывался въ Инженерномъ училищѣ, недолго былъ на службѣ, выступилъ на литературное поприще романомъ «Бѣдные Люди»; по дѣлу Петрашевскаго былъ сосланъ въ Сибирь, а по возвращеніи оттуда цѣлымъ рядомъ замѣчательныхъ сочиненій сталъ въ первомъ ряду лучшихъ современныхъ писателей.

Болѣе чѣмъ тридцатилѣтнее знакомство съ покойнымъ, прерванное только годами его ссылки, даетъ мнѣ возможность сообщить о немъ нѣкоторыя подробности, нелишнія для будущей полной біографіи его.

Познакомился я съ Ѳ. М. Достоевскимъ зимою 1848 года. Это было тяжелое время для тогдашней образованной молодежи. Съ первыхъ

Digitized by Google

дней парижской февральской революціи самыя неожиданныя событія смѣнялись въ Европѣ одни другими. Небывалыя реформы Пія IX отозвались возстаніями въ Миланѣ, Венеціи, Неаполѣ; взрывъ свободныхъ идей въ Германіи вызвалъ революціи въ Берлинѣ и Вѣнѣ. Казалось, готовится какое-то общее перерожденіе всего европейскаго міра. Гнилыя основы старой реакціи падали, и новая жизнь зачиналась во всей Европѣ. Но въ то же время въ Россіи господствовалъ тяжелый застой; наука и печать все болѣе и болѣе стѣснялись, и придавленная общественная жизнь ничѣмъ не проявляла своей дѣятельности. Изъ-за границы проникала контрабандным путемъ масса либеральныхъ сочиненій, какъ ученыхъ, такъ и чисто литературныхъ; во французскихъ и нѣмецкихъ газетахъ, не смотря на ихъ кастрированье, безпрестанно проходили возбудительныя статьи; а между тѣмъ у насъ, больше чѣмъ когда-нибудь, стѣснялась научная и литературная дѣятельность, и цензура заразилась самой острой книгобоязнью. Понятно, какъ все это дѣйствовало раздражительно на

Digitized by Google

молодыхъ людей, которые, съ одной стороны, изъ проникающихъ изъ-за границы книгъ знакомились не только съ либеральными идеями, но и съ самыми крайними программами соціализма, а съ другой — видѣли у насъ преслѣдованіе всякой мало-мальски свободной мысли; читали жгучія рѣчи, произносимыя во французской палатѣ, на франкфуртскомъ съѣздѣ, и въ то же время понимали, что легко можно пострадать за какое-нибудь недозволенное сочиненіе, даже за неосторожное слово. Чуть не каждая заграничная почта приносила извѣстіе о новыхъ правахъ, даруемыхъ, волей или неволей, народамъ, а между тѣмъ въ русскомъ обществѣ ходили только слухи о новыхъ ограниченіяхъ и стѣсненіяхъ. Кто помнитъ то время, тотъ знаетъ, какъ все это отзывалось на умахъ интеллигентной молодежи.

И вотъ въ Петербургѣ начали мало-по-малу образовываться небольшіе кружки близкихъ по образу мыслей молодыхъ людей, недавно покинувшихъ высшія учебныя заведенія, сначала съ единственной цѣлью сойтись въ пріятельскомъ

Digitized by Google

домѣ, подѣлиться новостями и слухами, обмѣняться идеями, поговорить свободно, не опасаясь посторонняго нескромнаго уха и языка. Въ такихъ пріятельскихъ кружкахъ завязывались новыя знакомства, закрѣплялись дружескія связи. Чаще всего бывалъ я на еженедѣльныхъ вечерахъ у тогдашняго моего сослуживца, Иринарха Ивановича Введенскаго, извѣстнаго переводчика Диккенса. Обычными посѣтителями тамъ были В. В. Дерикеръ—литераторъ и впослѣдствіи докторъ-гомеопатъ, Н. Г. Чернышевскій и Г. Е. Благосвѣтловъ, тогда еще студенты, и преподаватель русской словесности въ одной изъ столичныхъ гимназій, а потомъ помощникъ инспектора классовъ въ Смольномъ монастырѣ, А. М. Печкинъ. На вечерахъ говорили бо́льшею частію о литературѣ и европейскихъ событіяхъ. Тѣ же молодые люди бывали и у меня.

Однажды Печкинъ пришелъ ко мнѣ утромъ и между прочимъ спросилъ, не хочу-ли я познакомиться съ молодымъ начинающимъ поэтомъ, А. Н. Плещеевымъ. Передъ тѣмъ я

Digitized by Google

только-что прочелъ небольшую книжку его стихотвореній, и мнѣ понравились въ ней, съ одной стороны, неподдѣльное чувство и простодушіе, а съ другой—свѣжесть и юношеская пылкость мысли. Особенно обратили наше вниманіе небольшія пьесы: «Поэту» и «Впередъ». И могли ли, по тогдашнему настроенію молодежи, не увлекать такія строфы, какъ напримѣръ:

Впередъ! безъ страха и сомнѣнья
На подвигъ доблестный, друзья!
Зарю святаго искупленья
Ужъ въ небесахъ завидѣлъ я.
Смѣлѣй! дадимъ другъ другу руки
И вмѣстѣ двинемся впередъ,
И пусть подъ знаменемъ науки
Союза нашъ крѣпнетъ и растетъ!

Разумѣется, я отвѣтилъ Печкину, что очень радъ познакомиться съ молодымъ поэтомъ. И мы скоро сошлись. Плещеевъ сталъ ѣздить ко мнѣ, а черезъ нѣсколько времени пригласилъ къ себѣ на пріятельскій вечеръ, говоря, что я найду у него нѣсколько хорошихъ людей, съ которыми ему хочется меня познакомить.

Digitized by Google

И дѣйствительно, я сошелся на этомъ вечерѣ съ людьми, о которыхъ память навсегда останется для меня дорогою. Въ числѣ другихъ тутъ были: Порфирій Ивановичъ Ламанскій, Сергѣй Ѳедоровичъ Дуровъ, гвардейскіе офицеры, Николай Александровичъ Монбелли и Александръ Ивановичъ Пальмъ, и братья Достоевскіе, Михаилъ Михайловичъ и Ѳедоръ Михайловичъ. Вся эта молодежь была мнѣ очень симпатична. Особенно сошелся я съ Достоевскими и Монбелли. Послѣдній жилъ тогда въ Московскихъ казармахъ, и у него тоже сходился кружокъ молодыхъ людей. Тамъ я встрѣтилъ еще нѣсколько новыхъ лицъ и узналъ, что въ Петербургѣ есть-болѣе обширный кружокъ М. В. Буташевича-Петрашевскаго, гдѣ на довольно многолюдныхъ сходкахъ читаются рѣчи политическаго и соціальнаго характера. Не помню, кто именно предложилъ мнѣ познакомиться съ этимъ домомъ, но я отклонилъ это, не изъ опасенія или равнодушія, а оттого, что самъ Петрашевскій, съ которымъ я не задолго передъ тѣмъ встрѣтился, показался мнѣ не очень сим-

Digitized by Google

патичнымъ по рѣзкой парадоксальности его взглядовъ и холодности ко всему русскому.

Иначе отнесся я къ предложенію сблизиться съ небольшимъ кружкомъ С. Ѳ. Дурова, который состоялъ, какъ узналъ я, изъ людей, посѣщавшихъ Петрашевскаго, но не вполнѣ согласныхъ съ его мнѣніями. Это была кучка молодежи болѣе умѣренной. Дуровъ жилъ тогда вмѣстѣ съ Пальмомъ и Алексѣемъ Дмитріевичемъ Щелковымъ на Гороховой улицѣ, за Семеновскимъ мостомъ. Въ небольшой квартирѣ ихъ собирался уже нѣсколько времени организованный кружокъ молодыхъ военныхъ и статскихъ, и такъ какъ хозяева были люди небогатые, а между тѣмъ гости сходились каждую недѣлю и засиживались обыкновенно часовъ до трехъ ночи, то всѣми дѣлался ежемѣсячный взносъ на чай и ужинъ и на оплату взятаго на прокатъ рояля. Собирались обыкновенно по пятницамъ. Я вошелъ въ этотъ кружокъ среди зимы и посѣщалъ его регулярно до самаго прекращенія вечеровъ послѣ ареста Петрашевскаго и посѣщавшихъ его лицъ. Здѣсь, кромѣ тѣхъ,

Digitized by Google

съ кѣмъ я познакомился у Плещеева и Монбелли, постояно бывали Николай Александровичъ Спѣшневъ и Павелъ Николаевичъ Филиповъ, оба люди очень образованные и милые.

О собраніяхъ Петрашевскаго я знаю только по слухамъ. Что же касается кружка Дурова, который я посѣщалъ постоянно и считалъ какъ-бы своей дружеской семьей, то могу сказать положительно, что въ немъ не было чисто-революціонныхъ замысловъ, и сходки эти, не имѣвшія не только писаннаго устава, но и никакой опредѣленной программы, ни въ какомъ случаѣ нельзя было назвать тайнымъ обществомъ. Въ кружкѣ получались только и передавались другъ другу недозволенныя въ тогдашнее время книги революціоннаго и соціальнаго содержанія, да разговоры бо́льшею частію обращались на вопросы, которые не могли тогда обсуждаться открыто. Больше всего занималъ насъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, и на вечерахъ постоянно разсуждали о томъ, какими путями и когда можетъ онъ разрѣшиться. Иные высказывали мнѣніе, что въ виду ре-

Digitized by Google

акціи, вызванной у насъ революціями въ Европѣ, правительство едва-ли приступитъ къ рѣшенію этого дѣла, и скорѣе слѣдуетъ ожидать движенія снизу, чѣмъ сверху. Другіе, напротивъ, говорили, что народъ нашъ не пойдетъ по слѣдамъ европейскихъ революціонеровъ и, не вѣруя въ новую пугачевщину, будетъ терпѣливо ждать рѣшенія своей судьбы отъ верховной власти. Въ этомъ смыслѣ съ особенной настойчивостью высказывался Ѳ. М. Достоевскій. Я помню, какъ однажды, съ обычной своей энергіей, онъ читалъ стихотвореніе Пушкина «Уединеніе». Какъ теперь слышу восторженный голосъ, какимъ онъ прочелъ заключительный куплетъ:

Увижу-ль, о друзья, народъ не угнетенный
И рабство падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ-ли наконецъ прекрасная заря?

Когда при этомъ кто-то выразилъ сомнѣніе въ возможности освобожденія крестьянъ легальнымъ путемъ, Ѳ. М. Достоевскій рѣзко возразилъ, что ни въ какой иной путь онъ не вѣритъ.

Digitized by Google

Другой предметъ, на который также часто обращались бесѣды въ нашемъ кружкѣ—была тогдашняя цензура. Нужно вспомнить, до какихъ крайностей доходили въ то время цензурныя стѣсненія, какіе ходили въ обществѣ разсказы по этому предмету и какъ умудрялись тогда писатели провести какую-нибудь смѣлую мысль подъ вуалемъ цѣломудренной скромности,—чтобы представить, въ какомъ смыслѣ высказывалась въ нашемъ кружкѣ молодежь, горячо любившая литературу. Это тѣмъ понятнѣе, что между нами были не только начинавшіе литераторы, но и такіе, которые обратили уже на себя вниманіе публики, а романъ Ѳ. М. Достоевскаго «Бѣдные Люди» обѣщалъ уже въ авторѣ крупный талантъ. Разумѣется, вопросъ объ отмѣнѣ цензуры не находилъ у насъ ни одного противника.

Толки о литературѣ происходили большею частію по поводу какихъ нибудь замѣчательныхъ статей въ тогдашнихъ журналахъ, и особенно такихъ, которыя соотвѣтствовали направленію кружка. Но разговоръ обращался и на

Digitized by Google

старыхъ писателей, причемъ высказывались мнѣнія рѣзкія и иногда довольно односторонніе и несправедливыя. Однажды, я помню, рѣчь зашла о Державинѣ, и кто-то заявилъ, что видитъ въ немъ скорѣе напыщеннаго ритора и низкопоклоннаго панегириста, чѣмъ великаго поэта, какимъ величали его современники и школьные педанты. При этомъ Ѳ. М. Достоевскій вскочилъ, какъ ужаленный, и закричалъ:

— Какъ? да развѣ у Державина не было поэтическихъ, вдохновенныхъ порывовъ? Вотъ это развѣ не высокая поэзія?

И онъ прочелъ на память стихотвореніе «Властителямъ и Судіямъ» съ такою силою, съ такимъ восторженнымъ чувствомъ, что всѣхъ увлекъ своей декламаціей и безъ всякихъ комментарій поднялъ въ общемъ мнѣніи пѣвца Фелицы. Въ другой разъ читалъ онъ нѣсколько стихотвореній Пушкина и Виктора Гюго, сходныхъ по основной мысли или картинамъ, и при этомъ мастерски доказывалъ, насколько нашъ поэтъ выше, какъ художникъ.

Въ Дуровскомъ кружкѣ было нѣсколько жар-

Digitized by Google

кихъ соціалистовъ. Увлекаясь гуманными утопіями европейскихъ реформаторовъ, они видѣли въ ихъ ученіи начало новой религіи, долженствующей будто-бы пересоздать человѣчество и устроить общество на новыхъ соціальныхъ началахъ. Все, что являлось новаго по этому предмету во французской литературѣ, постоянно получалось, распространялось и обсуживалось на нашихъ сходкахъ. Толки о Нью-Ланаркѣ Роберта Оуэна и объ Икаріи Кабэ, а въ особенности о фаланстерѣ Фурье и теоріи прогрессивнаго налога Прудона занимали иногда значительную часть вечера. Всѣ мы изучали этихъ соціалистовъ, но далеко не всѣ вѣрили въ возможность практическаго осуществленія ихъ плановъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ Ѳ. М. Достоевскій. Онъ читалъ соціальныхъ писателей, но относился къ нимъ критически. Соглашаясь, что въ основѣ ихъ ученій была цѣль благородная, онъ однако-жъ считалъ ихъ только честными фантазерами. Въ особенности настаивалъ онъ на томъ, что всѣ эти теоріи для насъ не имѣютъ значенія, что мы должны искать

Digitized by Google

источниковъ для развитія русскаго общества не въ ученіяхъ западныхъ соціалистовъ, а въ жизни и вѣковомъ историческомъ строѣ нашего народа, гдѣ въ общинѣ, артели и круговой порукѣ давно уже существуютъ основы, болѣе прочныя и нормальныя, чѣмъ всѣ мечтанія Сенъ-Симона и его школы. Онъ говорилъ, что жизнь въ икарійской коммунѣ или фаланстерѣ представляется ему ужаснѣе и противнѣе всякой каторги. Конечно, наши упорные проповѣдники соціализма не соглашались съ нимъ.

Не меньше занимали насъ бесѣды о тогдашнихъ законодательныхъ и административныхъ новостяхъ, и понятно, что при этомъ высказывались рѣзкія сужденія, основанныя иногда на неточныхъ слухахъ или не вполнѣ достовѣрныхъ разсказахъ и анекдотахъ. И это въ то время было естественно въ молодежи, съ одной стороны, возмущаемой зрѣлищемъ произвола нашей администраціи, стѣсненіемъ науки и литературы, а съ другой—возбужденной грандіозными событіями, какія совершались въ Европѣ, порождая надежды на лучшую, болѣе

Digitized by Google

свободную и дѣятельную жизнь. Въ этомъ отношеніи Ѳ. М. Достоевскій высказывался съ неменьшей рѣзкостью и увлеченіемъ, чѣмъ и другіе члены нашего кружка. Не могу теперь привести съ точностью его рѣчей, но помню хорошо, что онъ всегда энергически говорилъ противъ мѣропріятій, способныхъ стѣснить чѣмъ-нибудь народъ, и въ особенности возмущали его злоупотребленія, отъ которыхъ страдали низшіе классы и учащаяся молодежь. Въ сужденіяхъ его постоянно слышался авторъ «Бѣдныхъ людей», горячо сочувствующій человѣку въ самомъ приниженномъ его состояніи. Когда, по предложенію одного изъ членовъ нашего кружка, рѣшено было писать статьи обличительнаго содержанія и читать ихъ на нашихъ вечерахъ, Ѳ. М. Достоевскій одобрилъ эту мысль и обѣщалъ съ своей стороны работать, но, сколько я знаю, не успѣлъ ничего приготовить въ этомъ родѣ. Къ первой же статьѣ, написанной однимъ изъ офицеровъ, гдѣ разсказывался извѣстный тогда въ городѣ анекдотъ, онъ отнесся неодобрительно и порицалъ какъ содержаніе ея, такъ

Digitized by Google

и слабость литературной формы. Я, съ своей стороны, прочелъ на одномъ изъ нашихъ вечеровъ переведенную мною на церковно-славянскій языкъ главу изъ «Paroles d'un croyant» Ламеннэ, и Ѳ. М. Достоевскій сказалъ мнѣ, что суровая библейская рѣчь этого сочиненія вышла въ моемъ переводѣ выразительнѣе, чѣмъ въ оригиналѣ. Конечно, онъ разумѣлъ при этомъ только самое свойство языка, но отзывъ его былъ для меня очень пріятенъ. Къ сожалѣнію, у меня не сохранилось рукописи. Въ послѣднія недѣли существованія Дуровскаго кружка возникло предположеніе литографировать и сколько можно болѣе распространять этимъ путемъ статьи, которыя будутъ одобрены по общему соглашенію, но мысль эта не была приведена въ исполненіе, такъ какъ вскорѣ большая часть нашихъ друзей, именно всѣ, кто посѣщалъ вечера Петрашевскаго, были арестованы.

Незадолго передъ закрытіемъ кружка одинъ изъ нашихъ членовъ ѣздилъ въ Москву и привезъ оттуда списокъ извѣстнаго письма Бѣлинскаго къ Гоголю, писаннаго по поводу его

Digitized by Google

«Переписки съ друзьями». Ѳ. М. Достоевскій прочелъ это письмо на вечерѣ и потомъ, какъ самъ онъ говорилъ, читалъ его въ разныхъ знакомыхъ домахъ и давалъ списывать съ него копіи. Впослѣдствіи это послужило однимъ изъ главныхъ мотивовъ къ его обвиненію и ссылкѣ. Письмо это, которое въ настоящее время едва ли увлечетъ кого нибудь своей односторонней парадоксальностью, произвело въ то время сильное впечатлѣніе. У многихъ изъ нашихъ знакомыхъ оно обращалось въ спискахъ, вмѣстѣ съ привезенной также изъ Москвы юмористической статьею А. Герцена, въ которой остроумно и зло сравнивались обѣ наши столицы. Вѣроятно, при арестѣ петрашевцевъ не мало экземпляровъ этихъ сочиненій отобрано и передано было въ третье отдѣленіе. Не рѣдко С. Ѳ. Дуровъ читалъ свои стихотворенія, и я помню, съ какимъ удовольствіемъ слушали мы его переводъ извѣстной пьесы Барбье «Кіайя», въ которой цензура уничтожила нѣсколько стиховъ. Кромѣ бесѣдъ и чтенія, у насъ бывала по вечерамъ и музыка. Послѣдній вечеръ нашъ за-

Digitized by Google

ключился тѣмъ, что одинъ даровитый пьянистъ, Кашевскій, сыгралъ на роялѣ увертюру изъ «Вильгельма Теля» Россини.

II.

Двадцать третьяго апрѣля 1849 г., возвратясь домой съ лекціи, я засталъ у себя М. М. Достоевскаго, который давно ожидалъ меня. Съ перваго взгляда я замѣтилъ, что онъ былъ очень встревоженъ.

— Что съ вами? спросилъ я.

— Да развѣ вы не знаете! сказалъ онъ.

— Что такое?

— Братъ Ѳедоръ арестованъ.

— Что вы говорите! когда?

— Нынче ночью... обыскъ былъ... его увезли... квартира опечатана...

— А другіе что?

— Петрашевскій, Спѣшневъ взяты... кто еще—не знаю... меня тоже не сегодня, такъ завтра увезутъ.

— Отчего вы это думаете?

Digitized by Google

— Брата Андрея арестовали... онъ ничего не знаетъ, никогда не бывалъ съ нами... его взяли по ошибкѣ вмѣсто меня.

Мы уговорились идти сейчасъ же, разузнать, кто еще изъ нашихъ друзей арестованъ, а вечеромъ опять повидаться. Прежде всего я отправился къ квартирѣ С. Ѳ. Дурова: она была заперта и на дверяхъ виднѣлись казенныя печати. То же самое нашелъ я у Н. А. Монбелли, въ Московскихъ казармахъ, и на Васильевскомъ островѣ—у П. Н. Филипова. На вопросы мои деньщику и дворникамъ, мнѣ отвѣчали: «господъ увезли ночью». Деньщикъ Монбелли, который зналъ меня, говорилъ это со слезами на глазахъ. Вечеромъ я зашелъ къ М. М. Достоевскому, и мы обмѣнялись собранными свѣдѣніями. Онъ былъ у другихъ нашихъ общихъ знакомыхъ и узналъ, что большая часть изъ нихъ арестованы въ прошлую ночь. По тому, что мы узнали, можно было заключить, что задержаны тѣ только, кто бывалъ на сходкахъ у Петрашевскаго, а принадлежавшіе къ одному Дуровскому кружку остались пока на свободѣ.

Digitized by Google

Ясно было, что объ этомъ кружкѣ еще не знали, и, если Дуровъ, Пальмъ и Щелковъ арестованы, то не по поводу ихъ вечеровъ, а только по знакомству съ Петрашевскимъ. М. М. Достоевскій тоже бывалъ у него и, очевидно, не взятъ былъ только потому, что вмѣсто его по ошибкѣ задержали его брата, Андрея Михайловича. Такимъ образомъ и надъ нимъ повисъ Дамокловъ мечъ, и онъ цѣлый двѣ недѣли ждалъ каждую ночь неизбѣжныхъ гостей. Все это время мы видались ежедневно и обмѣнивались новостями, хотя существеннаго ничего не могли развѣдать. Кромѣ слуховъ, которые ходили въ городѣ и представляли дѣло Петрашевскаго съ обычными въ такихъ случаяхъ прибавленіями, мы узнали только, что арестовано около тридцати человѣкъ и всѣ они сначала привезены были въ третье отдѣленіе, а оттуда препровождены въ Петропавловскую крѣпость и сидятъ въ одиночныхъ казематахъ. За кружкомъ Петрашевскаго, какъ теперь оказалось, слѣдили давно уже и на вечера къ нему введенъ былъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ одинъ мо-

Digitized by Google

лодой человѣкъ, который прикинулся сочувствующимъ идеямъ либиральной молодежи, аккуратно бывалъ на сходкахъ, самъ подстрекалъ другихъ на радикальные разговоры и потомъ записывалъ все, что говорилось на вечерахъ, и передавалъ куда слѣдуетъ. М. М. Достоевскій говорилъ мнѣ, что онъ давно казался ему подозрительнымъ. Скоро сдѣлалось извѣстно, что для изслѣдованія дѣла Петрашевскаго назначается особенная слѣдственная комиссія, подъ предсѣдательствомъ коменданта крѣпости, генерала Набокова, изъ князя Долгорукова, Л. В. Дуббельта, князя П. П. Гагарина и Я. И. Ростовцева.

Прошло двѣ недѣли, и вотъ однажды рано утромъ прислали мнѣ сказать, что и М. М. Достоевскій въ прошлую ночь арестованъ. Жена и дѣти его остались безъ всякихъ средствъ, такъ какъ онъ нигдѣ не служилъ, не имѣлъ никакого состоянія и жилъ однѣми литературными работами для «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ велъ ежемѣсячно «Внутреннее Обозрѣніе» и помѣщалъ небольшія повѣсти. Съ арестомъ

Digitized by Google

его, семейство очутилось въ крайне тяжеломъ положеніи, и только А. А. Краевскій помогъ ему пережить это несчастное время. Я не боялся особенно за М. М. Достоевскаго, зная его скромность и сдержанность; хотя онъ и бывалъ у Петрашевскаго, но не симпатизировалъ большинству его гостей и нерѣдко высказывалъ мнѣ свое несочувствіе къ тѣмъ рѣзкостямъ, которыя позволяли себѣ тамъ болѣе крайніе и неосторожные люди. Сколько я зналъ, на него не могло быть сдѣлано никакихъ серьезно опасныхъ показаній, да притомъ въ послѣднее время онъ почти совсѣмъ отсталъ отъ кружка. Поэтому я надѣялся, что арестъ его не будетъ продолжителенъ, въ чемъ и не ошибся.

Въ концѣ мая мѣсяца (1849 г.) я нанялъ небольшую лѣтнюю квартиру въ Колтовской, поблизости отъ Крестовскаго острова, и взялъ погостить къ себѣ старшаго сына М. М. Достоевскаго, которому тогда было, если не ошибаюсь, лѣтъ семь. Мать навѣщала его каждую недѣлю. Однажды, кажется въ серединѣ іюля, я сидѣлъ въ нашемъ садикѣ, и вдругъ малень-

Digitized by Google

кій Ѳедя бѣжитъ ко мнѣ съ крикомъ: папа, папа пріѣхалъ! Въ самомъ дѣлѣ, въ это утро моего пріятеля освободили, и онъ поспѣшилъ видѣть сына и повидаться со мною. Понятно, съ какой радостью обнялись мы послѣ двухъмѣсячной разлуки. Вечеромъ пошли мы на острова, и онъ разсказалъ мнѣ подробности о своемъ арестѣ и содержаніи въ казематѣ, о допросахъ въ слѣдственной комиссіи и данныхъ имъ показаніяхъ. Онъ сообщилъ мнѣ и то, что именно изъ данныхъ ему вопросныхъ пунктовъ относилось къ Ѳедору Михайловичу. Мы заключили, что хотя онъ обвиняется только въ либеральныхъ разговорахъ, порицаніи нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ и распространеніи запрещенныхъ сочиненій и роковаго письма Бѣлинскаго, но, если дѣлу захотятъ придать серьезное значеніе, что по тогдашнему времени было очень вѣроятно, то развязка можетъ быть печальная. Правда, нѣсколько человѣкъ изъ арестованныхъ въ апрѣлѣ постепенно были освобождены, зато о другихъ ходили неутѣшитель-

Digitized by Google

ные слухи. Говорили, что многимъ не миновать ссылки.

Лѣто тянулось печально. Одни изъ близкихъ моихъ знакомыхъ были въ крѣпости, другіе жили на дачахъ, кто въ Парголовѣ, кто въ Царскомъ Селѣ. Я изрѣдка видался съ И. И. Введенскимъ и каждую недѣлю съ М. М. Достоевскимъ. Въ концѣ августа переѣхалъ я опять въ городъ, и мы стали бывать другъ у друга еще чаще. Извѣстія о нашихъ друзьяхъ были очень неопредѣленныя: мы знали только, что они здоровы, но едва ли кто нибудь изъ нихъ выйдетъ на свободу. Слѣдственная комиссія закончила свои засѣданія, и надобно было ожидать окончательнаго рѣшенія дѣла. Но до этого было однако еще далеко. Прошла осень, потянулась зима, и только передъ святками рѣшена была участь осужденныхъ. Къ крайнему удивленію и ужасу нашему, всѣ приговорены были къ смертной казни разстрѣляніемъ. Но, какъ извѣстно, приговоръ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Въ день казни на Семеновскомъ плацу, на самомъ эшафотѣ, куда введены были

Digitized by Google

всѣ приговоренные, прочитали имъ новое рѣшеніе, по которому имъ дарована жизнь, съ замѣною смертной казни другими наказаніями. По этому приговору Ѳ. М. Достоевскому назначалась ссылка въ каторжныя работы на четыре года, съ зачисленіемъ его, по окончаніи этого срока, рядовымъ въ одинъ изъ сибирскихъ линейныхъ ботальоновъ. Все это случилось такъ быстро и неожиданно, что ни я, ни братъ его не были на Семеновскомъ плацу и узнали о судьбѣ нашихъ друзей, когда все уже было кончено и ихъ снова перевезли въ Петропавловскую крѣпость, кромѣ М. В. Петрашевскаго, который прямо съ эшафота отправленъ былъ въ Сибирь.

Осужденныхъ отвозили изъ крѣпости въ ссылку партіями по два и по три человѣка. Если не ошибаюсь, на третій день послѣ экзекуціи на Семеновской площади М. М. Достоевскій пріѣхалъ ко мнѣ и сказалъ, что брата его отправляютъ въ тотъ же вечеръ и онъ ѣдетъ проститься съ нимъ. Мнѣ тоже хотѣлось попрощаться съ тѣмъ, кого долго, а можетъ быть и никогда, не придется видѣть. Мы поѣхали въ

Digitized by Google

крѣпость, прямо къ извѣстному уже намъ плацъ-маіору М—ю, черезъ котораго надѣялись получить разрѣшеніе на свиданіе. Это былъ человѣкъ въ высокой степени доброжелательный. Онъ подтвердилъ, что дѣйствительно въ этотъ вечеръ отправляютъ въ Омскъ Достоевскаго и Дурова, но видѣться съ уѣзжающими, кромѣ близкихъ родственниковъ, нельзя безъ разрѣшенія коменданта. Это сначала меня очень огорчило, но, зная доброе сердце и снисходительность генерала Набокова, я рѣшился обратиться къ нему лично за позволеніемъ проститься съ друзьями. И я не ошибся въ своей надеждѣ: комендантъ разрѣшилъ и мнѣ видѣться съ Ѳ. М. Достоевскимъ и Дуровымъ.

Насъ провели въ какую-то большую комнату, въ нижнемъ этажѣ комендантскаго дома. Давно уже былъ вечеръ, и она освѣщалась одною лампою. Мы ждали довольно долго, такъ что крѣпостные куранты раза два успѣли проиграть четверть на своихъ разнотонныхъ колокольчикахъ. Но вотъ дверь отворилась, за нею бряknули приклады ружей, и въ сопровожденіи офи-

Digitized by Google

цера вошли Ѳ. М. Достоевскій и С. Ѳ. Дуровъ. Горячо пожали мы другъ другу руки. Не смотря на восьмимѣсячное заключеніе въ казематахъ, они почти не перемѣнились: то же серьезное спокойствіе на лицѣ одного, та же привѣтливая улыбка у другого. Оба уже одѣты были въ дорожное арестантское платье—въ полушубкахъ и валенкахъ. Крѣпостной офицеръ скромно помѣстился на стулѣ, недалеко отъ входа, и нисколько не стѣснялъ насъ. Ѳедоръ Михайловичъ прежде всего высказалъ свою радость брату, что онъ не пострадалъ вмѣстѣ съ другими, и съ теплой заботливостью разспрашивалъ его о семействѣ, о дѣтяхъ, входилъ въ самыя мелкія подробности о ихъ здоровьѣ и занятіяхъ. Во время нашего свиданія онъ обращался къ этому нѣсколько разъ. На вопросы о томъ, каково было содержаніе въ крѣпости, Достоевскій и Дуровъ съ особенной теплотою отозвались о комендантѣ, который постоянно заботился о нихъ и облегчалъ, чѣмъ только могъ, ихъ положеніе. Ни малѣйшей жалобы не высказали ни тотъ, ни другой на строгость суда

Digitized by Google

или суровость приговора. Перспектива каторжной жизни не страшила ихъ, и конечно въ это время они не предчувствовали, какъ она отзовется на ихъ здоровьѣ.

Когда Ѳедоръ Михайловичъ началъ говорить съ братомъ о семейныхъ дѣлахъ, Дуровъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ мало-по-малу свыкся съ казематомъ, особенно съ того времени, когда имъ стали присылать книги и журналы. При этомъ онъ высказалъ свои замѣчанія о сочиненіяхъ, которыя особенно по чему нибудь обратили его вниманіе. Еслибы кто прислушался къ нашему разговору, то подумалъ бы, что мы видѣлись еще на дняхъ, и у моего собесѣдника нѣтъ другихъ интересовъ, кромѣ политическихъ новостей и литературы. Передавая мнѣ небольшой листокъ почтовой бумаги, онъ сказалъ: «это мои послѣдніе стихи... на дняхъ написалъ въ казематѣ... возьмите на память... можетъ, когда-нибудь напечатаете». Вотъ это прекрасное стихотвореніе:

Когда пустынникъ Іоаннъ,
Окрѣпнувъ сердцемъ въ жизни строгой,

Digitized by Google

Пришелъ крестить на Іорданъ
Во имя истиннаго Бога,
Народъ толпой со всѣхъ сторонъ
Бѣжалъ, ища съ пророкомъ встрѣчи,
И былъ глубоко пораженъ
Святою жизнію Предтечи.
Онъ тяжкій поясъ надѣвалъ,
Во власяницу облекался,
Подъ изголовье камень клалъ,
Одной акридою питался...
И фарисеи, для того,
Чтобъ потушить восторгъ народный,
Твердили всюду про него
Съ усмѣшкой дерзкой и холодной:
„Не вѣрьте! видано-ль во вѣкъ,
Чтобъ кто нибудь какъ онъ постился?
Нѣтъ, это лживый человѣкъ,
Въ немъ бѣсъ лукавый поселился!“
Но вотъ, Крестителю во слѣдъ,
Явился къ людямъ самъ Мессія,
Обѣтованный много лѣтъ
Черезъ пророчества святыя.
Сойдя съ небесъ спасти людей,
Къ завѣтной цѣли шелъ онъ прямо,
Во лжи корилъ учителей
И выгналъ торжниковъ изъ храма.
Онъ словомъ вѣру зажигалъ
Въ сердцахъ униженныхъ и черствыхъ,
Слѣпорожденныхъ исцѣлялъ
И воскрешалъ изъ гроба мертвыхъ;
Незримыхъ язвъ духовный врачъ,
Онъ не былъ глухъ къ мольбамъ злодѣя,
Услышанъ имъ Маріи плачъ
И вопль раскаянья Закхея,..

Digitized by Google

И что-жъ? На площади опять
Учители и фарисеи
Пришли израиля смущать
И зашипѣли словно змѣи:
„Бѣгите ложнаго Христа!
Пусть онъ слова теряетъ праздно:
Его крамольныя уста
Полны раздора и соблазна.
И какъ, взгляните, онъ живетъ?
Мірскимъ весь преданный заботамъ,
Онъ ѣстъ, онъ бражничаетъ, пьетъ
И исцѣляетъ по субботамъ.
Онъ кинулъ камень въ Божество,
Законъ отвергнулъ Моисеевъ,
И кто межъ насъ друзья его,
Окромѣ блудницъ и злодѣевъ!“

Смотря на прощанье братьевъ Достоевскихъ, всякій замѣтилъ бы, что изъ нихъ страдаетъ болѣе тотъ, который остается на свободѣ въ Петербургѣ, а не тотъ, кому сейчасъ предстоитъ ѣхать въ Сибирь на каторгу. Въ глазахъ старшаго брата стояли слезы, губы его дрожали, а Ѳедоръ Михайловичъ былъ спокоенъ и утѣшалъ его.

— Перестань же, братъ, говорилъ онъ:—ты знаешь меня, не въ гробъ же я уйду, не въ могилу провожаешь,—и въ каторгѣ не звѣри, а люди, можетъ, еще и лучше меня, можетъ, до-

Digitized by Google

стойнѣе меня... Да мы еще увидимся, я надѣюсь на это,—я даже не сомнѣваюсь, что увидимся... А вы пишите, да, когда обживусь—книгъ присылайте, я напишу какихъ; вѣдь читать можно будетъ... А выйду изъ каторги — писать начну. Въ эти мѣсяцы я много пережилъ, въ себѣ-то самомъ много пережилъ, а тамъ впереди-то что увижу и переживу,—будетъ о чемъ писать...

Можно было подумать, что этотъ человѣкъ смотрѣлъ на свою будущую каторгу, точно на какую нибудь поѣздку за границу, гдѣ ему предстоитъ любоваться красотами природы и памятниками искусства и знакомиться съ новыми, привлекательными людьми, при полной свободѣ и со всѣми средствами и удобствами путешественника. Онъ какъ будто не думалъ о томъ, что долженъ провести четыре года въ «Мертвомъ домѣ», въ цѣпяхъ, вмѣстѣ съ людьми, выброшенными изъ общества за страшныя преступленія; а можетъ быть, его именно занимала какъ бы врожденная и всегда присущая ему мысль найти въ самыхъ низко-падшихъ пре-

Digitized by Google

ступникахъ тѣ человѣческія черты, ту глубоко подъ пепломъ затаившуюся, но не погасшую искру огня Божія, которая живетъ, какъ онъ вѣрилъ, въ самомъ закоренѣломъ злодѣѣ и послѣднемъ отверженцѣ.

Болѣе получаса продолжалось наше свиданіе, но оно показалось намъ очень короткимъ, хотя мы много-много переговорили. Печально перезванивали колокольчики на крѣпостныхъ часахъ, когда вошелъ плацъ-маіоръ и сказалъ, что намъ время разстаться. Въ послѣдній разъ обнялись мы и пожали другъ другу руки. Я не предчувствовалъ тогда, что съ Дуровымъ никогда уже болѣе не встрѣчусь, а Ѳ. М. Достоевскаго увижу только черезъ восемь лѣтъ. Мы поблагодарили М—я за его снисхожденіе, а онъ сказалъ намъ, что друзей нашихъ повезутъ черезъ часъ или даже раньше. Ихъ повели черезъ дворъ съ офицеромъ и двумя конвойными солдатами. Нѣсколько времени мы помедлили въ крѣпости, потомъ вышли и остановились у тѣхъ воротъ, откуда должны были выѣхать осужденные. Ночь была не холодная

Digitized by Google

и свѣтлая. На крѣпостной колокольнѣ куранты проиграли девять часовъ, когда выѣхали двое ямскихъ саней, и на каждыхъ сидѣлъ арестантъ съ жандармомъ.

— Прощайте! крикнули мы.

— До свиданія! до свиданія! отвѣчали намъ.

III.

Теперь приведу собственный разсказъ Ѳ. М. Достоевскаго о его арестѣ. Онъ написалъ его уже по возвращеніи изъ ссылки въ альбомѣ моей дочери, въ 1860 году. Вотъ этотъ разсказъ, слово въ слово, въ томъ видѣ, какъ написанъ:

«Двадцать второго или, лучше сказать, двадцать третьяго апрѣля (1849 года) я воротился домой часу въ четвертомъ отъ Григорьева, легъ спать и тотчасъ же заснулъ. Не болѣе какъ черезъ часъ я, сквозь сонъ, замѣтилъ, что въ мою комнату вошли какіе-то подозрительные и необыкновенные люди. Брякнула сабля, нечаянно за что-то задѣвшая. Что за

Digitized by Google

странность? Съ усиліемъ открываю глаза и слышу мягкій, симпатическій голосъ: «Вставайте!»

«Смотрю: квартальный или частный приставъ, съ красивыми бакенбардами. Но говорилъ не онъ; говорилъ господинъ, одѣтый въ голубое, съ подполковничьими эполетами.

— Что случилось? спросилъ я, привставая съ кровати.

«— По повелѣнію...

«Смотрю: дѣйствительно «по повелѣнію». Въ дверяхъ стоялъ солдатъ, тоже голубой. У него-то и звякнула сабля...

«— Эге? Да это вотъ что! подумалъ я.— Позвольте же мнѣ... началъ было я.

«— Ничего, ничего! одѣвайтесь. Мы подождемъ-съ, прибавилъ подполковникъ еще болѣе симпатическимъ голосомъ.

«Пока я одѣвался, они потребовали всѣ книги и стали рыться; — немного нашли, но все перерыли. Бумаги и письма мои аккуратно связали веревочкой. Приставъ обнаружилъ при этомъ много предусмотрительности: онъ полѣзъ въ печку и пошарилъ моимъ чубукомъ въ ста-

Digitized by Google

рой золѣ. Жандармскій унтеръ-офицеръ, по его приглашенію, сталъ на стулъ и полѣзъ на печь, но оборвался съ карниза и громко упалъ на стулъ, а потомъ со стуломъ на полъ. Тогда прозорливые господа убѣдились, что на печи ничего не было.

«На столѣ лежалъ пятіалтынный, старый и согнутый. Приставъ внимательно разглядывалъ его и наконецъ кивнулъ подполковнику.

«— Ужъ не фальшивый ли? спросилъ я.

«— Гм... Это, однако же, надо изслѣдовать... бормоталъ приставъ и кончилъ тѣмъ, что присоединилъ и его къ дѣлу.

«Мы вышли. Насъ провожала испуганная хозяйка и человѣкъ ея, Иванъ, хотя и очень испуганный, но глядѣвшій съ какою-то тупою торжественностью, приличною событію, впрочемъ, торжественностью не праздничною. У подъѣзда стояла карета; въ карету сѣлъ солдатъ, я, приставъ и подполковникъ; мы отправились на Фонтанку, къ Цѣпному мосту у Лѣтняго сада.

«Тамъ было много ходьбы и народу. Я встрѣ-

Digitized by Google

тилъ многихъ знакомыхъ. Всѣ были заспанные и молчаливые. Какой-то господинъ статскій, но въ большомъ чинѣ, принималъ... безпрерывно входили голубые господа съ разными жертвами.

«— Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день! сказалъ мнѣ кто-то на ухо.

«23-го апрѣля былъ дѣйствительно Юрьевъ день.

«Мы мало-по-малу окружили статскаго господина со спискомъ въ рукахъ. Въ спискѣ передъ именемъ г. Антонелли написано было карандашомъ: «агентъ по найденному дѣлу».

«— Такъ это Антонелли! подумали мы.

«Насъ размѣстили по разнымъ угламъ, въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія, куда кого дѣвать. Въ такъ называемой бѣлой залѣ насъ собралось человѣкъ семнадцать...

«Вошелъ Леонтій Васильевичъ... (Дубельтъ).

«Но здѣсь я прерываю мой разсказъ. Долго разсказывать. Но увѣряю, что Леонтій Васильевичъ былъ препріятный человѣкъ».

«Ѳ. Достоевскій».

„24-го мая, 1860 г.“

Digitized by Google

IV.

Извѣстно, что въ ряду милостей, какими ознаменовано начало царствованія императора Александра Николаевича, было прощеніе всѣхъ пострадавшихъ по дѣлу М. В. Буташевича-Петрашевскаго. Царская милость застала однихъ въ каторжныхъ работахъ въ разныхъ мѣстахъ Сибири, другихъ на поселеніи или въ военной службѣ въ сибирскихъ батальонахъ и на Кавказѣ. Всѣ поспѣшили воспользоваться дарованной свободой и мало-по-малу возвратились изъ ссылки, кромѣ П. Н. Филиппова, тяжело раненаго при штурмѣ Карса и умершаго въ александропольскомъ госпиталѣ, и Петрашевскаго, который отказался отъ помилованія, требуя пересмотра своего дѣла, и остался въ восточной Сибири. Но не для всѣхъ освобожденныхъ каторжная жизнь прошла безслѣдно: нѣкоторые поплатились за нее здоровьемъ. Больше другихъ пострадалъ С. Ѳ. Дуровъ, сосланный, какъ я уже говорилъ, вмѣстѣ съ Ѳ. М. Достоев-

Digitized by Google

скимъ въ Омскъ. Кто читалъ «Записки изъ Мертваго Дома», тотъ знаетъ, при какихъ условіяхъ должны были провести четыре года молодые люди, незнакомые до тѣхъ поръ ни съ нуждой, ни съ принудительной работой. Какое нужно было здоровье и запасъ нравственныхъ силъ, чтобы вынести переходъ отъ жизни въ развитомъ кружкѣ столичнаго общества къ страшному быту каторжнаго острога! Люди, посвятившіе себя литературѣ, страстные любители театра и музыки, одинъ даровитый поэтъ, другой высоко-талантливый романистъ—вдругъ брошены были въ смрадную арестантскую казарму, въ толпу представителей всевозможныхъ пороковъ и преступленій, оторванные отъ всего, что было дорого для нихъ въ божьемъ мірѣ, и лишенные всякой умственной пищи. Какъ мучительна была для нихъ одна мысль о томъ, что придется надолго оставить литературныя занятія, видно изъ письма Достоевскаго къ брату изъ Петропавловской крѣпости, писаннаго 22 декабря, по возвращеніи съ эшафота. Говоря о предстоящей каторгѣ, онъ пишетъ:

Digitized by Google

«Лучше пятнадцать лѣтъ въ казематѣ съ перомъ въ рукѣ», и при этомъ прибавляетъ: «та голова, которая создавала, жила высшею жизнію искусства, которая свыклась съ возвышенными потребностями духа, та голова уже срѣзана съ плечъ моихъ».

Дуровъ не выдержалъ тяжести арестантской жизни. «Онъ гасъ въ острогѣ какъ свѣчка, говоритъ Ѳ. М. Достоевскій въ «Запискахъ изъ Мертваго Дома»; вошелъ онъ въ него вмѣстѣ со мною, еще молодой, красивый, добрый, а вышелъ полуразрушенный, сѣдой, безъ ногъ, съ одышкой». По возвращеніи изъ Сибири, онъ послѣдніе годы жизни провелъ у А. И. Пальма больнымъ и разслабленнымъ калѣкой. При извѣстіи о томъ, что онъ ѣдетъ въ южную Россію, А. Н. Плещеевъ писалъ ему:

Уѣдешь ты на теплый югъ,
И гдѣ лазурью блещетъ море;—
Тебя покинетъ злой недугъ,
Покинетъ сердце злое горе.

Тамъ отдохнетъ въ семьѣ друзей
Душа, извѣдавшая муки,
И пѣсенъ, выстраданныхъ ей,
Къ намъ долетятъ святые звуки,

Digitized by Google

Господь тебя благослови
За годы долгіе несчастья,
И тихой радостью любви,
И дружбы ласковымъ участьемъ.

Но тёплое участіе и постоянная заботливость А. И. Пальма не могли уже сохранить разбитой жизни несчастнаго.

Ѳ. М. Достоевскій, благодаря своей энергіи и никогда не покидавшей его вѣрѣ въ лучшую судьбу, счастливѣе перенесъ тяжкое испытаніе каторжной жизни, хотя она отразилась и на его здоровьѣ. Если до ссылки у него были, какъ говорятъ, припадки падучей болѣзни, то, безъ сомнѣнія, слабые и рѣдкіе. По крайней мѣрѣ, до возвращенія его изъ Сибири я не подозрѣвалъ этого; но, когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, болѣзнь его не была уже тайною ни для кого изъ близкихъ къ нему людей. Онъ говорилъ однажды, что здоровье Дурова особенно пошатнулось съ тѣхъ поръ, когда осенью посылали ихъ разбирать на рѣкѣ старую барку, причемъ иные арестанты стояли по колѣна въ водѣ. Можетъ быть, это подѣйствовало и на его здоровье и ускорило развитіе болѣзни до той

Digitized by Google

степени, въ какой она обнаружилась впослѣдствіи.

Въ первое время послѣ помилованія, Достоевскому разрѣшено было жить только въ провинціи, и онъ поселился въ Твери, чтобы быть ближе къ роднымъ, изъ которыхъ одни жили въ Петербургѣ, а другіе въ Москвѣ. Братъ получилъ отъ него письмо и тотчасъ же поѣхалъ повидаться съ нимъ. Въ это время Ѳедоръ Михайловичъ былъ уже человѣкомъ семейнымъ: онъ женился въ Сибири, на вдовѣ, Маріѣ Дмитріевнѣ Исаевой, которая умерла отъ чахотки, если не ошибаюсь, въ 1863 году. Дѣтей отъ этого брака у него не было, но на его попеченіи остался пасынокъ. Въ Твери Достоевскій прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ готовился возобновить свою литературную дѣятельность, прерванную каторгой, и много читалъ. Мы посылали ему журналы и книги. Между прочимъ, по просьбѣ его, я отправилъ къ нему «Псалтырь» на славянскомъ языкѣ, «Коранъ» во французскомъ переводѣ Казимирскаго и «Les romans de Voltaire». Онъ гово-

Digitized by Google

рилъ потомъ, что задумывалъ какое-то философское сочиненіе, но послѣ внимательнаго обсужденія отказался отъ этой мысли.

Въ это время у М. М. Достоевскаго была собственная табачная фабрика, и дѣло шло не дурно: его папиросы съ сюрпризами расходились по всей Россіи. Но занятія по фабрикѣ не отвлекали его однако же отъ литературы. Между прочимъ, по моей просьбѣ, онъ перевелъ романъ Виктора Гюго «Le dernier jour d'un condamné» для журнала «Свѣточъ», который я тогда редактировалъ вмѣстѣ съ издателемъ, Д. И. Калиновскимъ. Однажды Михаилъ Михайловичъ пришелъ ко мнѣ утромъ съ радостной вѣстью, что брату его разрѣшено жить въ Петербургѣ, и онъ долженъ пріѣхать въ тотъ же день. Мы поспѣшили въ вокзалъ Николаевской желѣзной дороги, и тамъ наконецъ я обнялъ нашего изгнанника послѣ десятилѣтней почти разлуки. Вечеръ провели мы вмѣстѣ. Ѳедоръ Михайловичъ, какъ мнѣ показалось, не измѣнился физически: онъ даже какъ будто смотрѣлъ бодрѣе прежняго и не утратилъ нисколько своей

Digitized by Google

обычной энергіи. Не помню, кто изъ общихъ знакомыхъ былъ на этомъ вечерѣ, но у меня осталось въ памяти, что при этомъ первомъ свиданіи мы обмѣнивались только новостями и впечатлѣніями, вспоминали старые годы и нашихъ общихъ друзей. Послѣ того видались мы почти каждую недѣлю. Бесѣды наши въ новомъ небольшомъ кружкѣ пріятелей во многомъ уже не походили на тѣ, какія бывали въ Дуровскомъ обществѣ. И могло ли быть иначе? Западная Европа и Россія въ эти десять лѣтъ какъ будто помѣнялись ролями: тамъ разлетѣлись въ прахъ увлекавшія насъ прежде гуманныя утопіи, и реакція во всемъ торжествовала, а здѣсь начинало осуществляться многое, о чемъ мы мечтали, и готовились реформы, обновлявшія русскую жизнь и порождавшія новыя надежды. Понятно, что въ бесѣдахъ нашихъ не было уже прежняго пессимизма.

Мало-по-малу Ѳедоръ Михайловичъ началъ разсказывать подробности о своей жизни въ Сибири и нравахъ тѣхъ отверженцевъ, съ которыми пришлось ему прожить четыре года въ

Digitized by Google

каторжномъ острогѣ. Большая часть этихъ разсказовъ вошла потомъ въ его «Записки изъ Мертваго Дома». Сочиненіе это выходило при обстоятельствахъ довольно благопріятныхъ: въ цензурѣ вѣялъ уже въ то время духъ терпимости, и въ литературѣ появились произведенія, какія недавно еще были немыслимы въ печати. Хотя новость книги, посвященной исключительно быту каторжныхъ, мрачная канва всѣхъ этихъ разсказовъ о страшныхъ злодѣяхъ и наконецъ то, что самъ авторъ былъ только что возвращенный политическій преступникъ, смущали нѣсколько цензуру; но это однако-жъ не заставило Достоевскаго уклониться въ чемъ нибудь отъ правды. И «Записки изъ Мертваго Дома» производили потрясающее впечатлѣніе: въ авторѣ ихъ видѣли какъ бы новаго Данта, который спускался въ адъ тѣмъ болѣе ужасный, что онъ существовалъ не въ воображеніи поэта, а въ дѣйствительности. По условіямъ тогдашней цензуры, Ѳедоръ Михайловичъ принужденъ только былъ выбросить изъ своего сочиненія эпизодъ о ссыльныхъ поляхъ и политическихъ

Digitized by Google

арестантахъ. Онъ передавалъ намъ по этому предмету не мало интересныхъ подробностей. Кромѣ того, я помню еще одинъ разсказъ его, который тоже не вошелъ въ «Записки», вѣроятно по тѣмъ же цензурнымъ соображеніямъ, такъ какъ затрогивалъ щекотливый въ то время вопросъ о злоупотребленіяхъ крѣпостного права. Какъ теперь помню, что однажды на вечерѣ у брата, вспоминая свою острожную жизнь, Достоевскій разсказалъ этотъ эпизодъ съ такой страшной правдою и энергіей, какія никогда не забываются. Надобно было слышать при этомъ выразительный голосъ разсказчика, видѣть его живую мимику, чтобы понять, какое онъ произвелъ на насъ впечатлѣніе. Постараюсь передать этотъ разсказъ, какъ помню и умѣю.

«Въ казармѣ нашей, говорилъ Ѳедоръ Михайловичъ,—былъ одинъ молодой арестантъ, смирный, молчаливый и несообщительный. Долго я не сходился съ нимъ, не зналъ, давно ли онъ въ каторгѣ и за что попалъ въ особый разрядъ, гдѣ числились осужденные за самыя тяжкія преступленія. У острожнаго начальства

Digitized by Google

былъ онъ по поведенію на хорошемъ счету и сами арестанты любили его за кротость и услужливость. Мало-по-малу мы сблизились съ нимъ, и однажды по возвращеніи съ работы онъ разсказалъ мнѣ исторію своей ссылки. Онъ былъ крѣпостной крестьянинъ одной изъ подмосковныхъ губерній, и вотъ какъ попалъ въ Сибирь.

— Село наше, Ѳедоръ Михайловичъ, разсказывалъ онъ, не маленькое и зажиточное. Баринъ у насъ былъ вдовецъ, не старый еще, не то чтобы очень злой, а безтолковый и на счетъ женскаго пола распутный. Не любили его у насъ. Ну, вотъ надумалъ я жениться: хозяйка была нужна, да и дѣвка одна полюбилась. Поладили мы съ ней, дозволеніе барское вышло и повѣнчали насъ. А какъ отъ вѣнца-то вышли мы съ невѣстой, да идучи домой поровнялись съ господской усадьбой, выбѣжало дворовыхъ никакъ человѣкъ шесть или семь, подхватили мою молодую жену подъ руки да на барскій дворъ и потащили. Я рванулся было за ней, а на меня набросились людишки-то;

Digitized by Google

кричу, бьюсь, а мнѣ руки кушаками вяжутъ. Не подъ силу было вырваться. Ну, жену-то уволокли, а меня къ избѣ нашей потащили, да связаннаго какъ есть на лавку бросили и двоихъ караульныхъ поставили. Всю ночь я прометался, а позднимъ утромъ привели молодую и меня развязали. Поднялся я, а баба-то припала къ столу — плачетъ, тоскуетъ. — Что, говорю, убиваться-то: не сама себя потеряла! И вотъ съ самаго этого дня задумалъ я, какъ мнѣ барина за ласку къ женѣ отблагодарить. Отточилъ это я въ сараѣ топоръ, такъ что хоть хлѣбы рѣжь, и приладилъ носить его, чтобы не въ примѣту было. Можетъ, иные мужики, видя какъ я шатался около усадьбы, и подумали, что замышляю что нибудь, да кому дѣло: больно не любили у насъ барина-то. Только долго не удавалось мнѣ подстеречь его: то съ гостями бывало онъ хороводится, то лакеишки около него... все несподручно было. А у меня словно камень на сердцѣ, что не могу я ему отплатить за надругательство: пуще всего горько мнѣ было смотрѣть, какъ жена-то то-

Digitized by Google

скуетъ. Ну, вотъ иду я какъ-то подъ вечеръ позади господскаго сада, смотрю—а баринъ по дорожкѣ одинъ прохаживается, меня не примѣчаетъ. Заборъ садовый былъ невысокій, рѣшетчатый изъ балясинъ. Далъ я барину-то немного пройти, да тихимъ манеромъ и махнулъ черезъ загородку. Вынулъ топоръ я, да съ дорожки на траву, чтобы загодя не услыхалъ, и по травѣ-то крадучись, пошелъ за нимъ шагать. Совсѣмъ ужъ близко подошелъ я, и забралъ топоръ-то въ обѣ руки. А хотѣлось мнѣ, чтобъ баринъ увидалъ, кто къ нему за кровью пришелъ, ну, я нарочно и кашлянулъ. Онъ повернулся, призналъ меня, а я прыгнулъ къ нему да топоромъ его прямо по самой головѣ... трахъ! Вотъ молъ тебѣ за любовь... Такъ это мозги-то съ кровью и прыснули... упалъ и не вздохнулъ. А я пошелъ въ контору и объявился, что такъ и такъ молъ. Ну, взяли меня, отшлепали, да на двѣнадцать лѣтъ сюда и порѣшили.

— Но вѣдь вы въ особомъ разрядѣ, безъ срока?

— А это, Ѳедоръ Михайловичъ, по другому

Digitized by Google

ужъ дѣлу въ безсрочную-то каторгу меня сослали.

— По какому же дѣлу?

— Капитана я порѣшилъ.

— Какого капитана?

— Этапнаго смотрителя. Видно ему такъ на роду было написано. Шелъ я въ партіи, на другое лѣто послѣ того, какъ съ бариномъ-то покончилъ. Было это въ Пермской губерніи. Партія угонялась большая. День выдался жаркій-прежаркій, а переходъ отъ этапа до этапа большой былъ. Смаяло насъ на солнопекѣ, до смерти всѣ устали: солдаты-то конвойные чуть ноги двигали, а намъ съ непривычки въ цѣпяхъ страсть было жутко. Народъ же не весь крѣпкій былъ, иные почитай старики. У другихъ весь день корки хлѣба во рту не было: переходъ такой вышелъ, что подаянія-то дорогой ни ломтя не подали, только мы раза два воды попили. Ужъ какъ добрались, Господь знаетъ. Ну, вошли мы на этапный дворъ, да иные такъ и полегли. Я, нельзя сказать, чтобъ обезсилѣлъ, а только очень ѣсть хотѣлось. Въ эту пору

Digitized by Google

на этапахъ, какъ партія подойдетъ, обѣдать даютъ арестантамъ; а тутъ смотримъ—никакого еще распоряженія нѣтъ. И начали арестантики-то говорить: что же молъ это насъ не покормятъ, мочи нѣтъ отощали, кто сидитъ, кто лежитъ, а намъ куска не бросятъ. Обидно мнѣ это показалось: самъ я голоденъ, а стариковъ-то слабосильныхъ еще больше жаль.—Скоро ли, спрашиваемъ этапныхъ солдатъ, пообѣдать-то дадутъ?—Ждите, говорятъ, еще приказа отъ начальства не вышло.—Ну, разсудите, Ѳедоръ Михайловичъ, каково это было слышать: справедливо что ли? Идетъ по двору писарь, я ему и говорю: для чего же намъ обѣдать не велятъ? — Дожидайся, говоритъ, не помрешь. — Да какъ же, говорю я: видите, люди измучились, чай знаете какой переходъ-то былъ на этакомъ жару... покормите скорѣе.—Нельзя, говоритъ: у капитана гости, завтракаетъ, вотъ встанетъ отъ стола и отдастъ приказъ.—Да скоро ли это будетъ?—А досыта покушаетъ, въ зубахъ поковыряетъ, такъ и выйдетъ.—Что же это, говорю, за порядки: самъ прохлаждается, а мы

Digitized by Google

съ голоду околѣвай!—Да ты, говоритъ писарь-то, что кричишь?—Я молъ не кричу, а насчетъ того сказываю, что немочные у насъ есть, чуть ноги двигаютъ.—Да ты, говоритъ, буянишь и другихъ бунтуешь; вотъ пойду капитану скажу.—Я, говорю, не буяню, а капитану какъ хочешь рапортуй.—Тутъ, слыша разговоръ нашъ, иные изъ арестантовъ тоже стали ворчать, да кто-то ругнулъ и начальство. Писарь-то и обозлился.—Ты, говоритъ мнѣ, бунтовщикъ; вотъ капитанъ съ тобой справится. И пошелъ. Зло меня такое взяло, что и сказать не могу; чуялъ я, что дѣло не обойдется безъ грѣха. Былъ у меня въ ту пору ножъ складной, подъ Нижнимъ у арестанта на рубашку вымѣнялъ. И не помню теперь, какъ я досталъ его изъ-за пазухи и сунулъ въ рукавъ. Смотримъ—выходитъ изъ казармы офицеръ, красный такой съ рожи-то, глаза словно выскочить хотятъ, надо быть выпилъ. А писаришкото за нимъ.—Гдѣ бунтовщикъ? крикнулъ капитанъ, да прямо ко мнѣ. Ты что бунтуешь? А?—Я, говорю, не бунтую, ваше благородіе,

Digitized by Google

а только о людяхъ печалюсь, для того морить голодомъ не отъ Бога, ни отъ царя не показано.—Какъ зарычитъ онъ: ахъ, ты такой-сякой! я тебѣ покажу, какъ показано съ разбойниками управляться. Позвать солдать!—А я это ножъ-то въ рукавѣ прилаживаю да изноравливаюсь.—Я тебя, говоритъ научу!—Нечего молъ, ваше благородіе ученаго учить; я и безъ науки себя понимаю.—Это ужъ я ему на зло сказалъ, чтобъ онъ пуще обозлился да поближе ко мнѣ подошелъ... не стерпитъ, думаю. Ну, и не стерпѣлъ онъ: сжалъ кулаки и ко мнѣ, а я этакъ подался, да какъ сигну впередъ и ножемъ-то ему снизу животъ почитай до самой глотки такъ и пропоролъ. Повалился словно колода. Что дѣлать? неправда-то его къ арестантамъ больно ужъ меня обозлила. Вотъ за этого самаго капитана и попалъ я, Ѳедоръ Михайловичъ, въ особый разрядъ, въ вѣчные.

Все это, по словамъ Достоевскаго, арестантъ разсказывалъ съ такой простотой и спокойствіемъ, какъ будто рѣчь шла о какомъ-нибудь срубленномъ въ лѣсу гниломъ деревѣ. Онъ не

Digitized by Google

фанфаронилъ своимъ преступленіемъ, не оправдывался въ немъ, а передавалъ это точно какой-нибудь обыденный случай. Между тѣмъ это былъ одинъ изъ самыхъ смирныхъ арестантовъ во всемъ острогѣ. Въ «Запискахъ изъ Мертваго Дома» есть нѣсколько похожій на это эпизодъ объ убійствѣ этапнаго маіора; но разсказъ, приведенный мною, я слышалъ отъ Ѳедора Михайловича лично и передаю, если не совсѣмъ его словами, то во всякомъ случаѣ близко, потому что онъ тогда сильно поразилъ меня и живо остался въ моей памяти. Можетъ быть, кто нибудь изъ нашихъ общихъ знакомыхъ помнитъ его.

Изъ всѣхъ разсказовъ Достоевскаго о его житьѣ въ каторгѣ можно было видѣть, какое онъ вынесъ оттуда впечатлѣніе. Если прежде своей ссылки онъ особенно любилъ подмѣчать теплое чувство и симпатичныя черты въ бѣдной и приниженной средѣ, то теперь, кажется, еще внимательнѣе всматривался въ людей, отверженныхъ обществомъ, и старался отыскать въ нихъ ту искру божію, о которой говорилъ

Digitized by Google

въ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ. Вспоминая о преступникахъ, какихъ ему пришлось видѣть въ каторжномъ острогѣ, онъ не относился къ нимъ съ брезгливостью и презрѣніемъ человѣка, который по образованію стоялъ неизмѣримо выше ихъ, а старался найти какую нибудь человѣческую черту въ самомъ ожесточенномъ сердцѣ. Съ другой стороны, онъ не жаловался никогда на свою собственную судьбу, ни на суровость суда и приговора, ни на загубленные цвѣтущіе годы своей молодости. Правда, и отъ другихъ возвратившихся изъ каторги «петрашевцевъ» мнѣ не случалось слышать рѣзкихъ жалобъ, но у нихъ это, кажется, происходило отъ присущаго русскому человѣку свойства не помнить зла; у Достоевскаго же соединялось еще какъ будто съ чувствомъ благодарности къ судьбѣ, которая дала ему возможность въ ссылкѣ не только хорошо узнать русскаго человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и лучше понять самого себя. О долгихъ лишеніяхъ въ острогѣ говорилъ онъ неохотно и только съ горечью вспоминалъ о своемъ отчужденіи отъ ли-

Digitized by Google

тературы, но и тутъ прибавлялъ, что, читая по необходимости одну библію, онъ яснѣе и глубже могъ понять смыслъ христіанства.

V.

Съ начала шестидесятыхъ годовъ возобновляется литературная дѣятельность Ѳ. М. Достоевскаго, прерванная болѣе чѣмъ на десять лѣтъ его ссылкою. Еще въ сентябрѣ 1860 г., извѣщая меня о готовности быть крестнымъ отцомъ моего сына, онъ пишетъ между прочимъ: «приступаю къ писанію и не знаю, что еще будетъ, но рѣшаюсь работать, не разгибая шеи». И дѣйствительно, онъ принялся за литературную работу съ усиленной энергіей. Кромѣ того, что онъ принялъ дѣятельное участіе въ журналѣ «Время», который вскорѣ послѣ того былъ основанъ его братомъ, явились одинъ за другимъ романы его: «Дядюшкинъ сонъ», «Село Степанчиково», «Униженные и Оскорбленные», задуманные еще въ Сибири или въ Твери. Читающая публика вспомнила автора «Бѣдныхъ

Digitized by Google

Людей», а «Записки изъ Мертваго Дома» приковали къ нему вниманіе всего образованнаго общества. Между тѣмъ съ самаго пріѣзда въ Петербургъ онъ началъ мечтать о поѣздкѣ за границу, но это было затруднительно, такъ какъ онъ состоялъ подъ надзоромъ полиціи и Третье Отдѣленіе не разрѣшало выдачи ему паспорта. Цѣлые два года онъ напрасно хлопоталъ, что бы сняли съ него это тяжелое veto. Наконецъ, благодаря участію нашего добраго знакомаго Н. И. Г—о Г—о, у котораго были вліятельныя связи, вожделѣнное дозволеніе было получено, и въ 1862 году Ѳедоръ Михайловичъ уѣхалъ за границу. Поѣздка эта, какъ потомъ оказалось, не столько поправила его здоровье, сколько оживила нравственно и повліяла на его убѣжденія. При личномъ знакомствѣ съ европейскимъ бытомъ, послѣднія симпатіи его къ такъ называемому западному направленію ослабѣли, вѣра въ необходимость самобытнаго развитія русской жизни укрѣпилась, и онъ воротился почти славянофиломъ. Его ждали новыя невзгоды.

Digitized by Google

Журналъ «Время» былъ неожиданно запрещенъ за нѣсколько невинныхъ и неправильно истолкованныхъ страницъ о польскомъ вопросѣ. Это такъ поразило М. М. Достоевскаго, который употребилъ на изданіе всѣ свои средства, что здоровье его сильно пошатнулось. Хотя ему скоро и разрѣшено было возобновить журналъ подъ новымъ названіемъ «Эпоха», но катастрофа съ первымъ изданіемъ и сомнительная надежда на успѣхъ второго постоянно мучали его, и онъ умеръ лѣтомъ 1864 г., въ Павловскѣ. Смерть брата поставила Ѳедора Михайловича въ затруднительное положеніе. Рѣшась продолжать журналъ подъ своей редакціей, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, принялъ на себя и всѣ долги, какіе были на изданіи. Дѣло не пошло: громкое литературное имя редактора не могло уже поддержать журнала, который, при всей своей благонамѣренности, подвергался усиленному надзору и, кромѣ того, по самостоятельности своего направленія, встрѣтилъ недоброжелательное противодѣйствіе въ особенно авторитетныхъ тогда литературныхъ органахъ. Достоевскій не могъ долго

Digitized by Google

бороться съ враждебной кликой и принужденъ былъ прекратить изданіе. Уплативъ часть своихъ и братниныхъ долговъ изъ небольшого наслѣдства, полученнаго послѣ одной близкой родственницы, онъ, въ началѣ 1865 года, снова уѣхалъ за границу отдохнуть отъ пережитыхъ имъ тревогъ.

Средства его на этотъ разъ были такъ ограниченны, что онъ могъ взять съ собой только сорокъ два полуимперіала, да обѣщаніе редакціи «Библіотеки для чтенія» высылать ему по пятидесяти рублей въ мѣсяцъ въ счетъ гонорара за повѣсть или другую литературную работу, которую онъ обязывался прислать осенью. Но денегъ этихъ ему не высылали, и въ началѣ сентября Ѳедоръ Михайловичъ очутился въ Висбаденѣ безъ всякихъ средствъ. «Сижу въ отелѣ, писалъ онъ мнѣ, кругомъ долженъ и мнѣ грозятъ; денегъ ни гроша». При этомъ онъ сообщаетъ, что сюжетъ задуманной имъ литературной работы «расширился и разбогатѣлъ», и проситъ «запродать повѣсть хоть куда бы ни было, но только съ условіемъ выслать немед-

Digitized by Google

ленно 300 рублей». О содержаніи повѣсти онъ не говоритъ, но замѣчаетъ только: «вѣдь на нее вниманіе обратятъ, заговорятъ... въ этомъ родѣ ничего у насъ никогда не было; за оригинальность ручаюсь, да и за занимательность тоже». Я не могу теперь сказать утвердительно, надъ какимъ именно работалъ онъ тогда сочиненіемъ но, кажется, это былъ его знаменитый романъ «Преступленіе и Наказаніе».

Я тотчасъ же отправился съ его письмомъ въ редакцію «Библіотеки для Чтенія», куда прежде всего просилъ онъ адресоваться. Тамъ мнѣ сказали, что дѣла журнала идутъ весьма дурно, почему и прежде не могли высылать Достоевскому денегъ и теперь не могутъ исполнить его просьбы, не зная навѣрное, будетъ ли продолжаться изданіе въ будущемъ году. Послѣ того былъ я въ редакціи «Современника», куда Ѳедоръ Михайловичъ просилъ меня обратиться, если встрѣчу неудачу въ «Библіотекѣ». Но тутъ съ первыхъ словъ меня отразили замѣчаніемъ, что не желаютъ вовсе принимать сочиненій того, кто бросалъ камушки въ Чернышевскаго.

Digitized by Google

Подъ этими камушками, конечно, разумѣлись полемическія замѣтки, которыя печатались въ «Эпохѣ», когда ею завѣдывалъ Ѳедоръ Михайловичъ. Оставалась послѣдняя надежда на «Отечественныя Записки», съ редакціей которыхъ я былъ давно уже знакомъ. И здѣсь однако не удалось мнѣ ничего сдѣлать. На другой день послѣ моего визита, мнѣ написали отъ имени Дудышкина: «во-первыхъ, у насъ есть запасъ беллетристики до новаго года, и во-вторыхъ, денежныя обстоятельства не такъ блестящи, чтобъ можно было давать деньги впередъ, когда предстоитъ еще три съ половиною мѣсяца платить взадъ». Такимъ образомъ, всѣ попытки получить триста рублей за повѣсть, которая, разумѣется, стоила несравненно больше, оказались неудачными. Тогда Достоевскій написалъ М. Н. Каткову, съ которымъ сначала, по какимъ-то соображеніямъ, не хотѣлъ вступать въ переговоры, и ему немедленно выслали пятьсотъ рублей. Онъ расплатился съ долгами въ Висбаденѣ, воротился въ Петербургъ, и вслѣдъ затѣмъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», вмѣ-

Digitized by Google

сто повѣсти, началъ печататься романъ «Преступленіе и Наказаніе», который произвелъ сильное впечатлѣніе на все общество и придалъ новый блескъ имени талантливаго автора. Конечно, никто не будетъ оспаривать, что у насъ не было ничего подобнаго въ этомъ родѣ, и романистъ не напрасно ручался за оригинальность и занимательность своего лучшаго произведенія.

Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Ѳедору Михайловичу платили хорошо, нерѣдко высылали значительныя суммы впередъ, и если у него бывали иногда недоразумѣнія съ редакціею, то въ одномъ только литературномъ отношеніи, при разницѣ въ понятіяхъ о приличіи и нравственности, въ чемъ, мнѣ кажется, онъ не всегда былъ правъ. Впрочемъ, до самой кончины своей онъ, какъ извѣстно, былъ въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ съ московской редакціей. Если Достоевскій часто нуждался въ деньгахъ, то не отъ недостатка работы или утомленія, а потому, что принужденъ былъ уплачивать и свои собственные долги, и тѣ, которые оста-

Digitized by Google

лись послѣ брата по журналу и даже по табачной фабрикѣ. Это въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ не давало ему покоя и не разъ грозило долговымъ отдѣленіемъ. Чтобы погашать въ сроки векселя, онъ долженъ былъ входить иногда въ сдѣлки, чрезвычайно невыгодныя, можно сказать, безразсудныя, еслибы онѣ не оправдывались крайней необходимостью и непремѣннымъ желаніемъ честно покончить дѣла и не оставить пятна на добромъ имени брата. Поэтому онъ продавалъ право на отдѣльныя изданія своихъ сочиненій на условіяхъ очень отяготительныхъ, лишь бы получить впередъ деньги, чѣмъ ловкіе люди обыкновенно и пользовались.

Особенно тягостна была для него сдѣлка съ книгопродавцемъ-издателемъ Стелловскимъ, который въ 1866 году пріобрѣлъ у него право на полное изданіе его сочиненій. Передъ отъѣздомъ въ Москву Ѳедоръ Михайловичъ какъ-то вскользь сказалъ мнѣ, что лѣтомъ долженъ написать для этого изданія новый романъ. Въ іюлѣ онъ писалъ мнѣ изъ села Люблина, ку-

Digitized by Google

да, по его словамъ, бѣжалъ изъ гостинницы Дюсо, потому что номеръ его въ жаркіе дни «походилъ на русскую печку, когда начнутъ въ нее сажать хлѣбы» и, слѣдовательно, работать тамъ не было никакой возможности. Въ этомъ письмѣ, говоря о своемъ образѣ жизни, занятіяхъ и сношеніяхъ съ редакціею «Русскаго Вѣстника», онъ въ заключеніе прибавляетъ: «За романъ Стелловскому я еще не принимался, но примусь. Составилъ планъ весьма удовлетворительнаго романчика, такъ что будутъ даже признаки характеровъ. Стелловскій безпокоитъ меня до мученія, даже вижу во снѣ». Въ это время я не зналъ, въ чемъ дѣло, но впослѣдствіи оказалось, что въ контрактѣ съ книгопродавцемъ было, между прочимъ, одно условіе, которое, въ случаѣ невыполненія обязательства, должно было отдать Достоевскаго въ безвыходную кабалу его предусмотрительному издателю. Только по возвращеніи Ѳедора Михайловича въ Петербургъ, узналъ я, отчего этотъ издатель порождалъ въ немъ мучительные сны. Между тѣмъ этотъ «романчикъ», о

Digitized by Google

которомъ онъ писалъ, имѣлъ рѣшительное вліяніе на всю его послѣдующую жизнь. Вотъ въ чемъ дѣло.

Въ праздникъ Покрова Богородицы, то есть 1-го октября, зашелъ я къ Достоевскому, который незадолго пріѣхалъ изъ Москвы. Онъ быстро ходилъ по комнатѣ съ папиросой и, видимо, былъ чѣмъ-то очень встревоженъ.

— Что вы такой мрачный? спросилъ я.

— Будешь мраченъ, когда совсѣмъ пропадаешь! отвѣчалъ онъ, не переставая шагать взадъ и впередъ.

— Какъ! что такое?

— Да знаете вы мой контрактъ съ Стелловскимъ?

— О контрактѣ вы мнѣ говорили, но подробностей не знаю.

— Такъ вотъ посмотрите.

Онъ подошелъ къ письменному столу, вынулъ изъ него бумагу и подалъ мнѣ, а самъ опять зашагалъ по комнатѣ. Я былъ озадаченъ. Не говоря уже о незначительности суммы, за которую было запродано изданіе, въ условіи

Digitized by Google

заключалась статья, по которой Ѳедоръ Михайловичъ обязывался доставить къ ноябрю того же года новый, нигдѣ еще не напечатанный романъ въ объемѣ не менѣе десяти печатныхъ листовъ большого формата, а если не выполнитъ этого, то Стелловскій имѣетъ право перепечатывать всѣ будущія его сочиненія безъ всякаго вознагражденія.

— Много у васъ написано новаго романа? спросилъ я.

Достоевскій остановился передо мною, рѣзко развелъ руками и сказалъ:

— Ни одной строки!

Это меня поразило.

— Понимаете теперь, отчего я пропадаю? сказалъ онъ желчно.

— Но какъ же быть? вѣдь надобно что нибудь дѣлать! замѣтилъ я.

— А что же дѣлать, когда остается одинъ мѣсяцъ до срока. Лѣтомъ для «Русскаго Вѣстника» писалъ, да написанное долженъ былъ передѣлывать, а теперь ужъ поздно: въ четыре недѣли десяти большихъ листовъ не одолѣешь.

Digitized by Google

Мы замолчали. Я присѣлъ къ столу, а онъ заходилъ опять по комнатѣ.

— Послушайте, сказалъ я,—нельзя же вамъ себя навсегда закабалить; надобно найти какой нибудь выходъ изъ этого положенія.

— Какой тутъ выходъ! я никакого не вижу.

— Знаете что, продолжалъ я:—вы, кажется, писали мнѣ изъ Москвы, что у васъ есть уже готовый планъ романа?

— Ну, есть, да вѣдь я вамъ говорю, что до сихъ поръ не написано ни строчки.

— А не хотите ли вотъ что сдѣлать: соберемте теперь же нѣсколькихъ нашихъ пріятелей; вы разскажете намъ сюжетъ романа, мы намѣтимъ его отдѣлы, раздѣлимъ по главамъ и напишемъ общими силами. Я увѣренъ, что никто не откажется. Потомъ вы просмотрите и сгладите неровности или какія при этомъ выйдутъ противорѣчія. Въ сотрудничествѣ можно будетъ успѣть къ сроку:—вы отдадите романъ Стелловскому и вырветесь изъ неволи. Если же вамъ своего сюжета жаль на такую жертву, придумаемъ что нибудь новое.

Digitized by Google

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ рѣшительно:—я никогда не подпишу своего имени подъ чужой работой.

— Ну, такъ возьмите стенографа и сами продиктуйте весь романъ: я думаю, въ мѣсяцъ успѣете кончить.

Достоевскій задумался, прошелся опять по комнатѣ и сказалъ:

— Это другое дѣло... Я никогда еще не диктовалъ своихъ сочиненій, но попробовать можно... Да, другого средства нѣтъ, не удастся—такъ пропалъ... Спасибо вамъ: необходимо это сдѣлать, хоть и не знаю, съумѣю ли... Но гдѣ стенографа взять? Есть у васъ знакомый?

— Нѣтъ, но найти не трудно.

— Найдите, найдите, только скорѣе.

— Завтра же похлопочу.

Ѳедоръ Михайловичъ былъ въ возбужденномъ состояніи: онъ, очевидно, началъ надѣяться на возможность выйти изъ своего тяжелаго положенія, но въ то же время не совсѣмъ еще былъ увѣренъ въ успѣхѣ новой для него работы. На другой день я обратился къ

Digitized by Google

одному изъ моихъ сослуживцевъ, Е. Ѳ. В—ру, съ вопросомъ: нѣтъ ли у него знакомаго стенографа, и объяснилъ ему при этомъ, въ чемъ дѣло. Онъ обѣщалъ съѣздить къ своему знакомому, П. М. Ольхину, который за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ открылъ курсы стенографіи, преимущественно для женщинъ. Я просилъ сдѣлать это не мѣшкая—и вотъ на другой же день къ Достоевскому явилась по рекомендаціи Ольхина, въ качествѣ стенографки, одна изъ лучшихъ его ученицъ, Анна Григорьевна Сниткина. Послѣ объясненія относительно подробностей работы и условій, съ слѣдующаго же утра, 4-го октября, началось стенографированіе романа «Игрокъ». Я изрѣдка заходилъ къ Ѳедору Михайловичу въ такіе часы, когда не могъ помѣшать работѣ, и видѣлъ, что онъ мало-по-малу становился покойнѣе и веселѣе, и надежда на успѣхъ дѣла превращалась у него уже въ положительную увѣренность. Наконецъ, романъ былъ оконченъ и переписанъ ровно къ 30-му октября. Несмотря на возбужденное состояніе автора и новый для

Digitized by Google

него способъ работы, сочиненіе вышло замѣчательнымъ въ литературномъ отношеніи: нравы городка Рулетенбурга очерчены въ оригинальной картинѣ, и при этомъ раскрылись не только «признаки характеровъ», какъ выразился Достоевскій, но цѣльныя, бойко и смѣло написанныя лица, какъ, напримѣръ, типичная старуха-самодурка Тарасевичева, которая въ пухъ проигрывается въ рулетку.

Но романъ этотъ, какъ я уже замѣтилъ, не только освободилъ Достоевскаго отъ эксплуатаціи издателя, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на всю остальную жизнь автора. Во время ежедневной работы надъ сочиненіемъ, Ѳедоръ Михайловичъ и его сотрудница хорошо узнали и оцѣнили другъ друга; онъ сдѣлалъ ей предложеніе, не умолчавъ конечно ни о своихъ денежныхъ нуждахъ, ни о роковой болѣзни,—и 15-го февраля 1868 г. мы были уже на ихъ вѣнчаніи въ Троицкомъ Измайловскомъ соборѣ. Я позволю себѣ прибавить, что этотъ второй бракъ Достоевскаго былъ вполнѣ счастливъ, и онъ пріобрѣлъ въ Аннѣ

Digitized by Google

Григорьевнѣ и любящую жену, и практическую хозяйку дома, и умную цѣнительницу своего таланта. Если Ѳедоръ Михайловичъ, при своей житейской непрактичности, успѣлъ выплатить болѣе двадцати-пяти тысячъ своихъ и братниныхъ долговъ, то это могло сдѣлаться только при распорядительности и энергіи его жены, которая умѣла и вести дѣло съ кредиторами, и поддерживать мужа въ тяжелые дни. На слѣдующее лѣто послѣ свадьбы Достоевскіе уѣхали за границу и прожили до 1871 года, большею частію въ Германіи и Италіи. Тамъ были задуманы романы «Бѣсы» и «Идіотъ».

VI.

Прибавлю нѣсколько подробностей, которыя могутъ пояснить и личный характеръ Ѳ. М. Достоевскаго, и отношенія его къ литературѣ и къ нашему обществу.

По возвращеніи изъ ссылки въ Петербургъ, Ѳедоръ Михайловичъ горячо интересовался всѣми сколько нибудь замѣчательными явленіями въ

Digitized by Google

нашей литературѣ. Съ особеннымъ участіемъ всматривался онъ въ молодыхъ начинающихъ писателей и видимо радовался, когда подмѣчалъ въ комъ нибудь изъ нихъ дарованіе и любовь къ искусству. Когда я завѣдывалъ редакціей журнала «Свѣточъ», у меня каждую недѣлю собирались по вечерамъ сотрудники, большею частію молодежь. Между прочимъ, постояннымъ моимъ посѣтителемъ былъ извѣстный романистъ Всеволодъ Владиміровичъ Крестовскій, тогда только что оставившій университетъ и начинавшій свою дѣятельность лирическими стихотвореніями, замѣчательными по свѣжести мысли и изяществу формы. Однажды онъ въ присутствіи Достоевскаго прочелъ небольшую пьесу «Солимская Гетера», сходную по сюжету съ извѣстной картиною Семирадскаго «Грѣшница». Ѳедоръ Михайловичъ, выслушавъ это стихотвореніе, отнесся къ автору съ самымъ теплымъ сочувствіемъ и послѣ того не разъ просилъ Крестовскаго повторять его. Еще съ бо́льшимъ участіемъ любилъ онъ слушать его поэтическіе эскизы, связанные въ одну небольшую лириче-

Digitized by Google

скую поэму, подъ общимъ названіемъ «Весеннія Ночи». Стихотворенія эти такъ нравились ему, что нѣкоторые эпизоды онъ удержалъ въ памяти. Однажды, когда В. В. Крестовскій почему-то не былъ на моемъ обычномъ вечерѣ, Достоевскій за ужиномъ самъ продекламировалъ отрывокъ изъ его «Ночей»:

Здѣсь-то, Боже, сколько ягодъ,
Сколько спѣлой земляники.
Помнишь, какъ мы ровно за годъ
Тутъ сходились безъ улики?
Только разъ, кажись, попался
Намъ въ кустахъ твой старый дядя,
И потомъ, когда встрѣчался,
Все лукаво улыбался,
На меня съ тобою глядя...

Я могъ бы разсказать еще нѣсколько случаевъ, какъ съ одной стороны его радовалъ всякій новый талантъ, а съ другой—возмущало проявленіе въ молодыхъ людяхъ испорченности вкуса или равнодушія къ литературѣ. Онъ скорѣе извинялъ легкомысленное увлеченіе какой-нибудь ложной идеей, чѣмъ индиферентизмъ въ искусствѣ или неуваженіе къ таланту. Въ сужденіяхъ Достоевскаго о капитальныхъ произ-

Digitized by Google

веденіяхъ литературы выражалась та же тонкая наблюдательность, какую мы находимъ и въ типахъ, созданныхъ имъ въ собственныхъ романахъ. Это отчасти видно и въ его рѣчи на московскихъ празднествахъ, при открытіи памятника Пушкину; но еще ярче обнаруживалась эта своеобразность, когда дѣло шло объ иностранныхъ авторитетахъ, утвержденныхъ на мнѣніяхъ присяжныхъ критиковъ: тутъ онъ былъ оригинально смѣлъ и, если не во всемъ справедливъ, то всегда самобытенъ и чуждъ обыденной рутины. Въ его критическихъ и публицистическихъ отзывахъ, не смотря на ихъ парадоксальность, часто выражался психологическій анализъ и виднѣлись такія же неуловимо-тонкія черты, какъ и въ оригинальныхъ лицахъ лучшихъ его произведеній.

Позднѣйшія отношенія Ѳедора Михайловича къ обществу и нашему молодому поколѣнію извѣстны изъ его «Дневника». Онъ всегда готовъ былъ выслушать молодого человѣка, ободрить его и помочь добрымъ совѣтомъ, хотя никогда не заискивалъ передъ «новыми людьми»

Digitized by Google

для пріобрѣтенія популярности. Я знаю, какъ однажды пришелъ къ нему незнакомый студентъ, не въ видахъ полученія какого нибудь покровительства, а только съ желаніемъ открыть свои религіозныя и нравственныя сомнѣнія симпатичному человѣку, и послѣ довольно продолжительной бесѣды съ нимъ, вышелъ въ слезахъ, ободренный и обновленный душевно. И кажется, это не единственный случай въ такомъ родѣ. Можно ли было такъ дѣйствовать на молодежь безъ горячей любви къ ней?

Съ особенной симпатіей относился Ѳ. М. Достоевскій къ дѣтямъ, не только въ знакомыхъ ему семействахъ, но и совершенно посторонним. Нерѣдко видалъ я, съ какимъ участіемъ слѣдилъ онъ за дѣтскими играми, входилъ въ ихъ интересы и вслушивался въ ихъ наивные разговоры. Неудивительно, что въ сочиненіяхъ его мы находимъ нѣсколько дѣтскихъ фигуръ, прелестныхъ, какъ головки Грёза. У меня остался въ памяти одинъ случай, который даетъ наглядное понятіе о томъ, какъ ему близко было все, что касалось интереса дѣтей. Однажды я раз-

Digitized by Google

сказалъ ему, что былъ свидѣтелемъ маленькой сцены на нашей улицѣ. Какъ-то лѣтомъ сидѣлъ я вечеромъ у открытаго окна. Пастухъ гналъ нѣсколько коровъ и, остановясь передъ нашимъ домомъ, пустилъ рѣзкую трель изъ своей двухъ-аршинной трубы, хорошо извѣстной всѣмъ петербургскимъ жителямъ, не уѣзжающимъ на лѣто за городъ. И вотъ какой-то мальчикъ мастеровой, въ пестрядевомъ халатишкѣ и безъ сапогъ, подошелъ къ пастуху и предложилъ ему грошъ за то, чтобъ онъ позволилъ ему поиграть немного на своемъ мусикійскомъ орудіи. Пастухъ согласился, передалъ ему трубу и началъ объяснять, какъ за нее приняться. Ребенокъ едва держалъ этотъ уродливый и не по силамъ его тяжелый инструментъ. Сначала щеки его надулись, какъ пузырь, но ничего не выходило, потомъ мало-по-малу начали слышаться хотя слабые, однако довольно рѣзкіе отрывистые звуки. Мальчикъ видимо былъ очень доволенъ. Но въ самомъ жару этого музыкальнаго упражненія, когда у него вырвалась такая звонкая трель, что коровы дружно замычали,

Digitized by Google

откуда-то явился городовой, взялъ ребенка за ухо и крикнулъ: «что ты, пострѣленокъ, балуешь! вотъ я тебя!» Мальчикъ оторопѣлъ, бросилъ трубу и побѣжалъ, опустя печально голову.

Когда я разсказалъ это Ѳедору Михайловичу, онъ быстро заходилъ по комнатѣ и заговорилъ съ жаромъ:

— «Неужели вамъ этотъ случай кажется только забавнымъ? Да вѣдь это драма, серьезная драма! Бѣдный мальчишка этотъ родился въ какой нибудь деревнѣ, по цѣлымъ днямъ былъ на свѣжемъ воздухѣ, бѣгалъ въ полѣ, ходилъ съ ребятишками въ лѣсъ по грибы или за ягодами, видѣлъ какъ овцы пасутся, слышалъ какъ птицы поютъ. Можетъ быть, тятька или тамъ дядя какой нибудь на телѣгу съ сѣнокоса посадитъ его, или даже верхомъ на кобылкѣ дастъ проѣхаться. Тамъ у ребенка была какая-нибудь свистулька, а можетъ и дудка, и онъ насвистывалъ на ней во всю силу своей дѣтской груди. И вотъ привезли этого ребенка въ Петербургъ и отдали на года въ ученье, или, лучше сказать, на мученье, къ какому нибудь

Digitized by Google

слесарю или мѣднику, и сидитъ онъ съ ранняго утра до ночи въ подвалѣ душной мастерской, въ непроглядномъ дыму и копоти, и не слышитъ ничего, кромѣ стука молотковъ по мѣди и желѣзу, да ругани подмастерьевъ. Вѣдь это маленькій Мертвый Домъ, гдѣ суждено ему вести каторжную жизнь много лѣтъ, а вѣрнѣе безсрочно, какъ тамъ, въ сибирскомъ особомъ разрядѣ. Все развлеченіе его въ томъ только, что хозяинъ пошлетъ его сбѣгать въ кабакъ за водкой, да въ Свѣтлый праздникъ онъ съ другими малолѣтними каторжниками-ремесленниками пошатается на вонючемъ дворѣ, да можетъ постоять у воротъ, если не прогонитъ дворникъ. И вотъ теперь у этого мальчишки завелся грошъ, и онъ не проѣлъ его на пряникѣ, не пропилъ на грушевомъ квасу, а видитъ — гонятъ коровушекъ и у пастуха какая-то большая дудка. Онъ ужъ слыхалъ ее. Захотѣлось ему удовлетворить высшей, эстетической потребности, такъ или иначе присущей всякому человѣку, и отдаетъ онъ свой послѣдній грошъ пастуху, чтобы далъ ему минуту, одну только

Digitized by Google

минуту, поиграть, хоть нѣсколько звуковъ выжать изъ этой, придавленной въ душной мастерской, дѣтской груди. Какое удовольствіе! какое наслажденіе! труба его звучитъ, онъ самъ на ней наигрываетъ, и корова-то замычала,—откликается ему по-деревенски. Вдругъ полицейскій блюститель городского порядка и тишины хватаетъ бѣднаго ребенка за вихоръ, отнимаетъ у него трубу, грозитъ ему... Да поймите же, сколько въ этомъ трогательнаго, какая это драма! Славный ребенокъ, бѣдный ребенокъ!»

Въ послѣдніе годы мнѣ случалось слышать, что Достоевскаго обвиняли въ гордости и пренебрежительномъ обращеніи не только съ людьми, мало ему извѣстными, но даже и съ тѣми, кого онъ давно и хорошо зналъ. Говорили, будто, проходя по улицѣ, онъ умышленно не узнавалъ знакомыхъ и даже, встрѣчаясь съ ними гдѣ нибудь въ домѣ, не отвѣчалъ на поклоны и иногда про человѣка давно ему извѣстнаго спрашивалъ: кто это такой? Можетъ быть, подобные случаи и дѣйствительно были, но мнѣ кажется, это происходило не отъ надмѣнности или само-

Digitized by Google

мнѣнія, а только вслѣдствіе несчастной болѣзни и большею частію вскорѣ послѣ припадковъ. Кто былъ свидѣтелемъ жестокости этихъ часто повторявшихся припадковъ, видѣлъ и какіе слѣды оставляли они на нѣсколько дней, тотъ пойметъ, отчего онъ не узналъ иногда людей довольно близкихъ. Я помню вотъ какой случай. Когда я жилъ въ Павловскѣ, Ѳедоръ Михайловичъ пришелъ ко мнѣ какъ-то вечеромъ. Мы пили чай. Только-что дочь моя подала ему стаканъ, онъ вдругъ вскочилъ, поблѣднѣлъ, зашатался, и я съ трудомъ дотащилъ его до дивана, на который онъ упалъ въ судорогахъ, съ искаженнымъ лицемъ. Его сильно било. Когда черезъ четверть часа онъ очнулся, то ничего не помнилъ и только проговорилъ глухимъ голосомъ: «что это было со мною?» Я старался успокоить его и просилъ остаться у меня ночевать, но онъ рѣшительно отказался, говоря, что долженъ непремѣнно воротиться въ Петербургъ. Зачѣмъ воротиться—онъ не помнилъ, но зналъ только, что нужно. Я хотѣлъ послать за извозчикомъ, но онъ и это отклонилъ.—Лучше пройдемъ пѣш-

Digitized by Google

комъ до вокзала; это меня освѣжитъ, говорилъ онъ. Мы вышли, когда уже было довольно темно. Квартира моя была у самаго выѣзда на Колпинскую дорогу, такъ что намъ предстояло пройти черезъ весь паркъ, въ эти часы почти безлюдный. Не доходя еще до такъ называемой Сѣтки, Достоевскій вдругъ остановился и прошепталъ: «со мной сейчасъ будетъ припадокъ!» Кругомъ не было ни души. Я посадилъ его на траву у самой дорожки. Онъ посидѣлъ минутъ пять, но припадка, къ счастію, не было. Мы пошли дальше, но у самой лѣстницы, которая недалеко отъ дворца спускается къ мостикамъ черезъ Славянку, онъ снова остановился, и смотря на меня помутившимися глазами, сказалъ: «припадокъ! сейчасъ припадокъ!»—Однако-жъ и теперь обошлось тѣмъ, что мы минутъ десять просидѣли на скамейкѣ. И это повторялось еще раза два, прежде чѣмъ мы дошли до вокзала. Оттуда послалъ я сторожа на дачу за его родственникомъ, который тотчасъ же пріѣхалъ и проводилъ его въ Петербургъ. Когда, на другой день, я поѣхалъ навѣстить его, онъ былъ

Digitized by Google

слабъ, какъ будто послѣ болѣзни и въ первую минуту не узналъ меня. Я думаю, онъ самъ догадывался, что его напрасно подозрѣваютъ въ гордости.

По разсказамъ старшаго брата, Ѳедоръ Михайловичъ еще въ дѣтствѣ былъ мальчикъ крайне впечатлительный и нервный, но впослѣдствіи припадки должны были еще больше развить въ немъ чувствительность и раздражительность. Мнѣ кажется, они имѣли даже большое вліяніе на самый характеръ его творчества. Если, при жизненной правдѣ и психической вѣрности большей части созданныхъ имъ лицъ, особенно въ послѣднихъ сочиненіяхъ, на нихъ лежитъ печать какой-то болѣзненной фантазіи, если они представляются намъ точно сквозь какое-то цвѣтное стекло, въ странномъ колоритѣ, придающемъ имъ призрачный видъ,—то на все это, какъ и на его личный характеръ, дѣйствовала, безъ сомнѣнія, его несчастная болѣзнь, особенно развившаяся по возвращеніи изъ Сибири. Я увѣренъ, что близкіе друзья покойнаго Достоевскаго, которые знали его хо-

Digitized by Google

рошо и долго, согласятся со мною, что замѣтная въ немъ иногда несообщительность и рѣзкость вовсе не были слѣдствіемъ гордости или слишкомъ высокаго мнѣнія его о себѣ. Если теперь неловкіе почитатели сдѣлали изъ него какого-то обличительнаго пророка, то въ этомъ онъ вовсе не виноватъ. Для критической оцѣнки его воззрѣній и таланта факты готовы въ его произведеніяхъ, но собраніе матеріаловъ для его біографіи и подробностей къ опредѣленію его личнаго характера лежитъ на обязанности людей, которые знали его и сохранили о немъ память. Мнѣ кажется, изъ воспоминаній о немъ выступитъ такая же высокая личность человѣка, какъ и образъ высоко-талантливаго писателя.

Digitized by Google

Ап. Григорьевъ и Л. А. Мей.

I.

Въ 1860 году Д. И. Калиновскій началъ изданіе ежемѣсячнаго литературнаго журнала «Свѣточъ» и пригласилъ меня завѣдывать его редакціей. Съ этого времени я особенно сблизился съ Аполлономъ Александровичемъ Григорьевымъ, котораго прежде изрѣдка встрѣчалъ въ литературныхъ кружкахъ и зналъ по его переводамъ изъ Шекспира и Байрона и особенно по критическимъ статьямъ въ московскихъ и петербургскихъ журналахъ. У него было не мало литературныхъ противниковъ, которые въ то время не умѣли или не хотѣли оцѣнить его самобытнаго критическаго таланта. Онъ не при-

Digitized by Google

надлежалъ ни къ эстетическимъ критикамъ, опиравшимся на одни только законы изящнаго, ни къ школѣ критики исторической, считавшей искусство прямымъ результатомъ жизни, а выработалъ свое собственное воззрѣніе, которое назвалъ органической критикой и основалъ на сліяніи жизни и искусства, подчиненномъ высшему идеалу. Съ обширнымъ, многостороннимъ образованіемъ у Григорьева соединялось чувство красоты и сила глубокаго убѣжденія: читая статьи его, нельзя было не видѣть, что авторъ влагалъ въ нихъ всю свою душу, что его мысли и воззрѣнія, говоря его собственными словами, были его плотью и кровью. Съ перваго взгляда нѣкоторыя мнѣнія его казались парадоксальными, но при внимательномъ изученіи вы невольно сознавали ихъ правдивость. И время вполнѣ оправдало это. Не говоря о высказанныхъ имъ сужденіяхъ о Пушкинѣ, Тургеневѣ и другихъ русскихъ и иностранныхъ поэтахъ, довольно вспомнить, что онъ первый разгадалъ и оцѣнилъ значеніе Островскаго въ то время, когда одни изъ нашихъ критиковъ видѣли въ

Digitized by Google

немъ драматурга славянофильской школы, а другіе—послѣдователя обличительнаго натурализма Гоголя. Григорьевъ съ необыкновенной критической чуткостью понялъ истинный характеръ этого представителя русской драмы въ то время, когда тотъ еще не высказался во всей полнотѣ.

Личность Аполлона Александровича Григорьева съ перваго взгляда располагала въ его пользу. Его умное, чисто-русское лицо, открытый взглядъ, смѣлость въ сужденіяхъ и какая-то во всемъ искренность и непринужденность были очень симпатичны.

Желая пригласить его къ сотрудничеству въ порученномъ мнѣ журналѣ, я въ первый разъ поѣхалъ къ Григорьеву. Онъ жилъ въ небольшой квартирѣ, недалеко отъ Знаменской церкви. Я засталъ у него нѣсколько до тѣхъ поръ незнакомыхъ мнѣ лицъ и въ томъ числѣ А. А. Фета. Гости пили чай, а хозяинъ въ красной шелковой рубашкѣ русскаго покроя, съ гитарой въ рукахъ, пѣлъ русскія пѣсни. Голосъ у Аполлона Александровича былъ гибкій и мягкій,

Digitized by Google

и ему придавали особую красоту какая-то задушевность въ чувствѣ и тонкое пониманіе характера нашей народной поэзіи. На гитарѣ игралъ онъ мастерски. Этотъ, почти совсѣмъ уже забытый въ наше время инструментъ, въ его рукахъ прекрасно гармонировалъ съ русскими мотивами. Мы много говорили о Москвѣ, которую оба любили, и гдѣ прошли годы первой нашей молодости. Это послужило, между прочимъ, къ сближенію между нами. Григорьевъ охотно согласился участвовать въ «Свѣточѣ» и на другой же день привезъ мнѣ переведенное имъ стихотвореніе Байрона. Послѣ того мы видались часто.

Въ жизни Аполлонъ Григорьевъ былъ совершенный поэтъ романтической эпохи, т. е. не умѣлъ основательно позаботиться о своемъ матеріальномъ обезпеченіи. Еще въ то время, когда состоялъ на службѣ въ Москвѣ съ опредѣленнымъ содержаніемъ, онъ, по собственному сознанію, постоянно нуждался, а живя теперь въ Петербургѣ безъ мѣста, однимъ литературнымъ трудомъ, еще больше терпѣлъ недостатковъ и

Digitized by Google

подъ-часъ даже сильно бѣдствовалъ. Изрѣдка только выпадали счастливыя полосы, когда, напримѣръ, онъ былъ однимъ изъ редакторовъ при журналѣ графа Кушелева-Безбородко «Русское Слово». Но и въ такіе періоды сравнительной обезпеченности онъ не выходилъ изъ долговъ, и не разъ по этому поводу переселялся на болѣе или менѣе продолжительное житье въ долговое отдѣленіе, или такъ называемую тарасовскую кутузку. Тамъ поневолѣ онъ долженъ былъ отказываться отъ нѣкоторыхъ удовольствій, на какія обыкновенно тратилъ деньги. На свободѣ онъ не въ состояніи былъ работать регулярно, лѣнился по цѣлымъ недѣлямъ, не доставлялъ обѣщанныхъ статей къ условленному сроку и не любилъ писать по заказу, какъ бы ни были настоятельны его нужды. Но въ тарасовскомъ домѣ, за недостаткомъ развлеченій, онъ занимался усидчиво и высылалъ статьи въ редакціи съ необычайной для него въ другое время аккуратностью. Помню, однажды, М. М. Достоевскій, не получая долго отъ Григорьева какой-то обѣщанной работы для журнала «Вре-

Digitized by Google

мя», сказалъ ему шутя: «Знаете, Аполлонъ Александровичъ, что я придумалъ? Вамъ нужны деньги: я дамъ вамъ подъ краткосрочный вексель, посажу васъ за неплатежъ въ долговое отдѣленіе, и вы будете тамъ писать мнѣ славныя статьи. Неправда ли, хорошая мысль!»

Одинъ изъ такихъ финансовыхъ кризисовъ былъ у Григорьева въ концѣ перваго года изданія «Свѣточа». Часто бралъ онъ изъ редакціи деньги впередъ, по приблизительному разсчету, за обѣщанныя имъ или доставленныя, но еще не напечатанныя статьи. Наканунѣ новаго 1861 года получилъ я отъ него письмо, въ которомъ онъ писалъ: «Я кончаю два довольно большихъ стихотворенія Байрона и зайду къ Вамъ съ ними сегодня въ семь часовъ. Ради Бога (если они вамъ, разумѣется, понравятся), дайте мнѣ за нихъ нынче же, т. е. когда я къ вамъ пріѣду и прочту, денегъ по четвертаку за стихъ. Отъ этого зависитъ — посадятъ ли меня завтра, т. е. въ новый годъ, въ долговое или нѣтъ!» Вмѣсто двухъ стихотвореній, онъ привезъ однако же только одно; это былъ пре-

Digitized by Google

врасный переводъ «Прометея» Байрона, изъ котораго потомъ почти половина была отрѣзана цензоромъ. Гонораръ за эти стихи позволилъ Григорьеву встрѣтить новый годъ на свободѣ, но не спасъ его совсѣмъ отъ переселенія въ долговое отдѣленіе. 11-го января вечеромъ, я получилъ отъ него лаконическую записку слѣдующаго содержанія: «Я сажусь... Навѣстите меня какъ нибудь въ тарасовскомъ домѣ».

Въ долговомъ отдѣленіи Аполлонъ Григорьевъ былъ въ какомъ-то привилегированномъ положеніи и даже пользовался нѣкоторымъ почетомъ, напоминавшимъ положеніе мистера Доррить въ лондонской тюрьмѣ, въ извѣстномъ романѣ Диккенса «Крошка Доррить». Это зависѣло частію отъ того, что онъ уже былъ тамъ знакомъ и поселялся не въ первый разъ, а частію и отъ личности самого блюстителя несостоятельныхъ узниковъ. Это былъ добрый старичекъ, большой почитатель пишущей литературной братіи. Онъ смотрѣлъ на своего талантливаго заключенника съ нескрываемымъ уваженіемъ, оказывалъ ему возможное снисхо-

Digitized by Google

жденіе и давалъ разныя льготы, даже отпускалъ иногда въ городъ, на честное слово воротиться ночевать. Если нашего узника навѣщалъ кто нибудь изъ литераторовъ, то старикъ позволялъ видѣться съ нимъ вмѣсто общей залы въ своей собственной квартирѣ и только просилъ позволенія самому присутствовать, какъ онъ выражался, «при умной бесѣдѣ господъ сочинителей». Когда мы съ М. М. Достоевскимъ пришли въ первый разъ навѣстить Аполлона Александровича въ заточеніи, его вызвали въ пріемную, гдѣ было въ то время нѣсколько другихъ узниковъ съ своими гостями: грузинская царевна въ золотой повязкѣ съ камнями, купецъ въ длиннополомъ сюртукѣ и высокихъ сапогахъ, франтъ съ предлинными усами въ бархатномъ пиджакѣ и еще кое-какія долговыя личности съ сосредоточенными физіономіями. Мы едва успѣли оглядѣться, какъ смотритель, узнавъ наши фамиліи, немедленно разрѣшилъ намъ идти въ номеръ нашего пріятеля, а потомъ пригласилъ всѣхъ на чай въ свою квартиру. Старикъ видимо старался угодить намъ.

Digitized by Google

За чайнымъ столомъ Григорьевъ былъ очень веселъ, шутилъ, смѣялся, читалъ на память стихи Майкова, Полонскаго, Фета, и между прочимъ сказалъ, что намѣренъ воспользоваться временемъ настоящаго сидѣнья въ тарасовкѣ и заняться литературной работой. Онъ обѣщалъ мнѣ приготовить нѣсколько статей для ближайшихъ книжекъ «Свѣточа». И въ самомъ дѣлѣ, 25-го февраля я получилъ отъ него слѣдующее письмо: «Обѣщанная статья «Объ идеализмѣ и реализмѣ по поводу изданій сочиненій Тургенева и Писемскаго» благополучно начата, благополучно продолжается и, вѣроятно, благополучно кончится къ средѣ. Ежели вамъ угодно получить ее, то прошу васъ прибыть ко мнѣ въ среду вечеромъ или въ четвергъ утромъ. Я ее вамъ прочту, а вы, если найдете ее соотвѣтствующею вашему журналу, вручите мнѣ впередъ, до окончательнаго разсчета по напечатаніи, пятьдесятъ рублей, такъ какъ она выходитъ болѣе одного листа съ четвертью. Четвертью придется доплатить за то, что мать наша цензура не пропустила въ «Прометеѣ».

Digitized by Google

Статья дѣйствительно была кончена къ назначенному дню, что рѣдко случалось внѣ поощряющаго къ труду тарасовскаго дома.

По выходѣ изъ своего Патмоса, Аполлонъ Григорьевъ, стѣсняясь необезпеченною жизнью и постоянными лишеніями, вздумалъ поступить опять на службу и, при помощи нѣкоторыхъ знакомыхъ, успѣлъ получить мѣсто преподавателя словесности въ оренбургскомъ кадетскомъ корпусѣ. Пріятели, хорошо знавшіе его свычаи и обычаи, тогда же предсказывали, что онъ недолго проживетъ на этомъ казенномъ мѣстѣ. Прежнее его кратковременное учительство въ Москвѣ, въ Сиротскомъ домѣ и въ Первой гимназіи, показывало несовмѣстимость педагогическихъ занятій съ его характеромъ и образомъ жизни. Это не оттого, чтобы онъ былъ не подготовленъ къ нимъ: его знанія и умѣнье объясняться могли бы, конечно, вполнѣ удовлетворить такому назначенію, но разсѣянность, неспособность подчиниться аккуратности и дисциплинѣ, необходимымъ при классныхъ занятіяхъ, дѣлали его совершенно неудобнымъ для

Digitized by Google

исполненія усидчивыхъ и регулярныхъ занятій преподавателя. Онъ слишкомъ дорожилъ независимостью, слишкомъ чуждался всякаго подчиненія и ограниченія своей свободы. И дѣйствительно, предсказанія его друзей сбылись: онъ и года не пробылъ въ Оренбургѣ. Самъ онъ потомъ говорилъ, что готовъ лучше просидѣть въ тюрьмѣ, чѣмъ каждый день ходить по барабану. Особенно не могъ онъ приучить себя вставать и одѣваться къ опредѣленному часу и нерѣдко вовсе пропускалъ утреннія лекціи. По возвращеніи въ Петербургъ, Григорьевъ нѣкоторое время былъ редакторомъ еженедѣльной газеты «Якорь» и участвовалъ въ критическомъ отдѣлѣ «Эпохи», которую, послѣ запрещенія журнала «Время», издавалъ М. М. Достоевскій, а потомъ братъ его, Ѳедоръ Михайловичъ. Это были послѣдніе литературные труды Аполлона Григорьева; осенью 1864 года онъ скончался, выйдя незадолго передъ смертью изъ долгового отдѣленія, куда посаженъ былъ кредиторами за какую-то ничтожную сумму. Говорили, что на этотъ разъ его выкупила одна

Digitized by Google

дама-писательница, на условіи, чтобъ онъ исправилъ ея сочиненія.

Разсѣянность Аполлона Александровича Григорьева нерѣдко доводила его до весьма неловкихъ, а иногда и комическихъ положеній. Во время своего редакторства въ «Русскомъ Словѣ», онъ послалъ однажды въ типографію для набора, вмѣсто приготовленной статьи, какой-то случайно попавшій къ нему пасквиль на самого себя и продержалъ корректуру. Статью остановили уже другіе. Онъ самъ разсказывалъ случай, бывшій съ нимъ за границей, во время поѣздки съ семействомъ князя Трубецкого, при дѣтяхъ котораго онъ былъ гувернеромъ. Когда они пріѣхали въ Венецію и остановились въ отелѣ на Canal Grande, онъ вечеромъ вздумалъ прогуляться. Забывъ, что въ этомъ своеобразномъ городѣ мѣсто улицъ замѣняютъ каналы, и выходы изъ домовъ прямо опускаются въ воду, Григорьевъ отворилъ наружную дверь, шагнулъ, не осматриваясь, впередъ и попалъ на неожиданное купанье. Къ счастью, ему удалось схватиться за сваю, къ

Digitized by Google

которой у подъѣздовъ привязываютъ гондолы, и прибѣжавшіе на крикъ люди успѣли вытащить его изъ канала. «Это было мое первое плаваніе по лагунѣ!» говорилъ онъ.

Главной причиной бѣдственнаго положенія, въ которомъ постоянно находился Аполлонъ Григорьевъ, служила несчастная слабость, нерѣдко присущая очень даровитымъ русскимъ людямъ. Она, безъ сомнѣнія, значительно сократила и жизнь его. Тяжело было видѣть этого образованнаго и талантливаго человѣка въ такомъ ненормальномъ состояніи, что нужно было понимать и уважать его прекрасное дарованіе, чтобы помириться съ нимъ. Мнѣ случалось заставать его въ такія минуты, но и тутъ онъ не терялъ своей обычной веселости и свойственнаго ему добродушія. Однажды, когда я былъ у Мея и слушалъ его художественный переводъ «Еврейскихъ пѣсенъ», Аполлонъ Григорьевъ вошелъ противъ обыкновенія какъ-то тихо и незамѣтно. Онъ остановился въ дверяхъ, прислушался къ стихамъ, которые зналъ уже на память, и подойдя неровными ша-

Digitized by Google

гами къ Мею, прочелъ своимъ звучнымъ голосомъ:

„Милый мой, возлюбленный, желанный,
Гдѣ, скажи, твой одръ благоуханный?“

И, проговоривъ эти прекрасные стихи изъ библейской пѣсни, онъ осмотрѣлся, подошелъ къ мягкому дивану, служившему хозяину постелью, повалился на него и тотчасъ же заснулъ. Мы невольно расхохотались.

У Григорьева было много общаго съ Меемъ. Ихъ сближала и родственность художественнаго таланта, и горячая любовь къ искусству, и, наконецъ, одна и та же слабость и необезпеченность въ жизни. Нерѣдко они занимали другъ у друга деньги, если кошелекъ не былъ одинаково пустъ у того и другого. Однажды произошла вотъ какая сцена. Мей, въ минуту одного изъ своихъ денежныхъ кризисовъ, вышелъ изъ дому съ намѣреніемъ перехватить рубль-другой у Григорьева, но оказалось, что и Григорьевъ въ это самое время былъ въ такомъ же точно печальномъ положеніи и от-

Digitized by Google

правился съ такою же цѣлью къ Мею. Они встрѣтились на Невскомъ проспектѣ.

— Я къ тебѣ, дружище.

— А я къ тебѣ.

— За грошами.

— И я за тѣмъ же.

— Значитъ, на мели?

— Да, и ты?

— Совсѣмъ.

— Скверно! Ну, пойдемъ... не встрѣтимъ ли на Невскомъ какого капиталиста!

II.

Съ Львомъ Александровичемъ Меемъ познакомился я также во время завѣдыванія редакціей «Свѣточа». Онъ жилъ тогда на углу Николаевской улицы и Колокольнаго переулка, недалеко отъ типографіи журнала и квартиры Д. И. Калиновскаго. Съ первой встрѣчи онъ привлекъ меня своими мѣткими сужденіями о тогдашнихъ корифеяхъ нашей литературы и скромными отзывами о собственныхъ сочине-

Digitized by Google

ніяхъ, съ которыми я былъ уже давно знакомъ. Подобно Аполлону Григорьеву, онъ высоко цѣнилъ нашу старую народную поэзію и древніе памятники языка и литературы; въ нихъ видѣлъ онъ лучшую школу для русскихъ писателей. Однажды, когда мы говорили о нашей народной поэзіи, онъ прочелъ на память то стихотвореніе Хомякова, въ которомъ поэтъ, вглядываясь въ ночное звѣздное небо, видитъ, какъ за ближайшими свѣтилами, въ необъятной глубинѣ его, открываются однѣ за другими тьмы другихъ звѣздъ, незамѣтныхъ съ перваго взгляда.—«Вотъ такъ и въ нашей старой поэзіи,—замѣтилъ Мей,—чѣмъ внимательнѣе всматриваешься въ нее, тѣмъ больше находишь поразительныхъ сокровищъ русской мысли и слова!» И его сочиненія доказываютъ вѣрность этого поэтическаго сравненія.

Въ «Свѣточѣ» Левъ Александровичъ напечаталъ нѣсколько своихъ стихотвореній и одну прекрасную повѣсть «Батя», которая, впрочемъ, значительно измѣнена цензурой. Съ этой повѣстью, помимо хлопотъ у цензора, вышелъ

Digitized by Google

еще забавный случай. Какъ-то вечеромъ, когда я сидѣлъ у Д. И. Калиновскаго, прибѣжалъ изъ типографіи наборщикъ съ испуганнымъ лицомъ и заявилъ, что факторъ напился пьянъ и бросилъ въ печь рукопись Мея, которая была въ наборѣ для ближайшей книжки журнала. Мы бросились въ типографію. Къ счастью, бѣда оказалась не такъ велика, какъ мы думали: повѣсть почти вся была уже набрана, и факторъ сжегъ нужныхъ только листа два изъ авторской рукописи. Но во всякомъ случаѣ дѣло вышло непріятное, и приходилось, не мѣшкая, обратиться къ самому Мею. Было уже часовъ девять, и я тотчасъ же къ нему отправился.

Я засталъ Льва Александровича въ кабинетѣ. Онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, на которомъ, кромѣ книгъ и бумагъ, стояла бутылка краснаго вина и сладкій кондитерскій пирогъ. Онъ лакомился имъ и, запивая виномъ, писалъ какое-то стихотвореніе на библейскую тему. Я объяснилъ ему непріятный случай съ его повѣстью, передалъ взятую мною изъ типографіи корректуру всего набора и просилъ,

Digitized by Google

если нѣтъ у него черновой рукописи, написать вновь окончаніе статьи, и притомъ не откладывая до другого дня, чтобы не задержать выхода книжки журнала.

— Три страницы, разбойникъ, истребилъ! сказалъ Мей, просмотрѣвъ корректуры и уцѣлѣвшую часть оригинала.—Я теперь весь ушелъ въ еврейскій мотивъ,—не знаю, наладится ли повѣсть.

— Что дѣлать! Перейдите какъ нибудь съ сіонскихъ высотъ въ русскую деревню.

— Попробую... Только вотъ устрицъ бы да бутылку шампанскаго...

— Что же русскаго въ шампанскомъ и устрицахъ?

— На всѣ мотивы вдохновляютъ.

— Если такъ, сейчасъ же пошлемъ.

— Отлично, батенька... Мы выпьемъ, а я сейчасъ и «Батю» закончу.

Черезъ полчаса принесли устрицы и шампанское. Мы выпили по стакану. Левъ Александровичъ просилъ, чтобы я остался у него, но мнѣ не хотѣлось мѣшать ему, и я ушелъ

Digitized by Google

опять къ Калиновскому. Въ одиннадцать часовъ Мей самъ пришелъ къ намъ и принесъ вновь написанное окончаніе повѣсти. Сколько помню, оно вышло нѣсколько короче, чѣмъ въ сожженной рукописи. Разумѣется, мы были очень довольны, что непріятное приключеніе благополучно кончилось.

Мей, какъ я уже сказалъ, жилъ въ то время, когда я съ нимъ познакомился, на Николаевской улицѣ, въ угловомъ домѣ. Очень приличная квартира его въ бельэтажѣ состояла изъ нѣсколькихъ высокихъ, свѣтлыхъ комнатъ. Большой, выходившій на двѣ улицы кабинетъ его былъ довольно порядочно меблированъ. По серединѣ стоялъ массивный письменный столъ, по стѣнамъ широкіе диваны, этажерки съ книгами. Но самой цѣнной вещью въ кабинетѣ былъ, по моему, шкафъ, не потому, чтобы онъ самъ по себѣ составлялъ изящную и дорогую мебель, или чтобы въ немъ хранились какія нибудь рѣдкости и замѣчательныя книги. Напротивъ, это былъ очень невзрачный крашеный ящикъ изъ простого дерева, который могъ

Digitized by Google

быть куплень на Щукиномъ дворѣ за какіе нибудь пять рублей. Въ немъ и не хранилось ничего, кромѣ графина съ стаканомъ да кое-какихъ бумагъ. Но шкафъ этотъ былъ замѣчателенъ тѣмъ, что Мей сдѣлалъ изъ него свой литературный альбомъ. Дѣло въ томъ, что вся некрашенная внутренность его, между верхними полками, противъ дверцы и съ боковъ, исписана была прозой и стихами. Тутъ, по просьбѣ хозяина, всѣ знакомые литераторы посвятили ему на память по нѣсколько строкъ, и подъ этими автографами видны были имена многихъ представителей нашей литературы сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Повидимому, владѣлецъ этого оригинальнаго альбома очень дорожилъ имъ, потому что все написанное хорошо сохранилось: карандашъ бережно покрытъ былъ лакомъ, и я не видѣлъ ни одной стертой или полуизглаженной строки. Жалѣю, что я не догадался списать нѣкоторыхъ, особенно любопытныхъ посвященій.

Въ жизни Л. А. Мей былъ очень непрактиченъ. Деньги, получаемыя за сочиненія, тра-

Digitized by Google

тилъ онъ безъ всякаго разсчета: у него водились иногда изысканныя гастрономическія лакомства и въ то же время не доставало самаго необходимаго въ хозяйствѣ. Однажды, напримѣръ, захотѣлось ему устрицъ, а въ наличности было всего три рубля. Не задумываясь нисколько, онъ взялъ извозчика, поѣхалъ въ Милютины лавки, купилъ устрицъ, вина и возвратился буквально безъ гроша, между тѣмъ какъ въ домѣ не оказалось ни куска хлѣба. Квартиру нанималъ онъ на своихъ дровахъ, а потому, при частомъ безденежьи, она не топилась иногда по нѣсколько дней. Какъ-то зимой зашелъ я ко Льву Александровичу во время сильнаго мороза. Меня еще въ передней предупредили, чтобы я не снималъ шубы, такъ какъ въ квартирѣ не очень тепло. Несмотря на это, я раздѣлся, но, войдя въ залу, почувствовалъ, что дѣйствительно не было возможности оставаться безъ верхняго платья. Въ кабинетѣ стоялъ такой холодъ, что отъ дыханья паръ подымался столбомъ. Мей ходилъ взадъ и впередъ, окутанный сверхъ пальто черной турецкой шалью.

Digitized by Google

— Холодненько? спросилъ онъ меня.

— Не жарко, отвѣчалъ я.

— Надѣньте-ка шубу, а я сейчасъ распоряжусь.

Онъ предложилъ мнѣ стаканъ вина, потомъ позвалъ дѣвушку и приказалъ ей сходить за дворникомъ. Черезъ нѣсколько минутъ мужикъ въ нагольномъ тулупѣ, шагая мокрыми сапогами по паркету, вошелъ прямо въ кабинетъ.

— Холодно нынче? спросилъ его Мей.

— Морозно, Левъ Александровичъ! отвѣчалъ дворникъ, потирая руки.

— Топоръ принесъ?

— Какой топоръ!

— Ну, чѣмъ дрова рубишь.

— Да на что-жъ онъ вамъ?

— А вотъ изрубить этотъ шкапъ! сказалъ Мей, показывая на свой интересный альбомъ.

— Для чего-жъ его рубить?

— Для того, чтобы затопить каминъ.

— Что вы, Левъ Александровичъ! Какъ же можно на это хорошій шкапъ порѣшить. Я

Digitized by Google

ужъ лучше вамъ дровецъ принесу, отъ другихъ жильцовъ возьму. Мы вашей милостью довольны. А то этакую вещь портить!

— Ну, такъ орудуй живѣе.

Не знаю, серьезно ли думалъ Мей уничтожить свой интересный шкафъ, отъ чего, конечно, я отговорилъ бы его, или это былъ только фальшивый меневръ, чтобы добыть какъ нибудь топлива для камина. Послѣднее, кажется, вѣрнѣе. Дворникъ скоро принесъ порядочную охапку дровъ, и хозяинъ налилъ ему стаканъ вина.

— Водочки бы лучше, Левъ Александровичъ, сказалъ мужикъ.

— Самъ выпилъ бы, да нѣтъ. Бери, что даютъ.

Подобнаго рода сцены случалось мнѣ видѣть нерѣдко. Разъ я засталъ его въ потьмахъ, потому что не было свѣчи, и комната освѣщалась только слабымъ отблескомъ уличныхъ фонарей. А между тѣмъ на столѣ было вино и дорогія дюшессы.

Въ шестидесятыхъ годахъ въ Петербургѣ

Digitized by Google

были въ большомъ ходу литературно-музыкальные вечера и утреннія чтенія, которыя устраивались обыкновенно съ какой нибудь благотворительной цѣлью. Мнѣ не разъ случалось участвовать въ нихъ. Публика очень усердно посѣщала эти чтенія-концерты, и часто большія залы въ Благородномъ собраніи, въ домѣ Бенардаки и въ нѣкоторыхъ клубахъ были биткомъ набиты посѣтителями. Особенно много сходилось въ тѣ дни, когда на афишѣ стояли имена Тургенева, Некрасова, Майкова, Ѳ. Достоевскаго. Послѣдній, возвратясь изъ ссылки, пользовался тогда большимъ сочувствіемъ и возбуждалъ любопытство и участіе. Эпизоды изъ «Мертваго дома», въ которыхъ онъ описывалъ каторжный острогъ, при его выразительномъ чтеніи, производили сильное впечатлѣніе. И кто не желалъ выслушать разсказа о темномъ и страшномъ бытѣ каторги изъ устъ даровитаго литератора, который самъ провелъ четыре года въ ссылкѣ, среди всякаго рода преступниковъ и несчастныхъ? Самая фигура Достоевскаго, съ кроткимъ и мрачнымъ

Digitized by Google

выраженіемъ на страдальческомъ лицѣ, и его нѣсколько глухой, но трогающій голосъ сильно дѣйствовали на публику. Невольно приходило на умъ сравненіе его съ Дантомъ: онъ казался выходцемъ изъ того сибирскаго ада, который знали только по неяснымъ слухамъ. Обыкновенно на чтеніяхъ его встрѣчали и провожали сочувственными рукоплесканіями. Помню также, что на одномъ изъ такихъ литературныхъ вечеровъ, въ залѣ второй гимназіи, въ числѣ участниковъ былъ П. Л. Лавровъ. Онъ читалъ довольно длинную статью объ Амвросіи Медіоланскомъ, которая замѣтно всѣмъ наскучила своими утомительными подробностями. Смотря тогда на этого скромнаго артиллерійскаго офицера съ розовымъ, улыбающимся лицомъ и мягкимъ пѣвучимъ голосомъ, едва ли кто могъ подумать, что черезъ нѣсколько лѣтъ изъ него выйдетъ безпокойный агитаторъ, политическій фанатикъ и неисправимый коммунаръ. Въ музыкальной части литературныхъ вечеровъ участвовали многіе извѣстные артисты — Никольскій, Леонова, Пуни, Зейфертъ, Цабель и др.

Digitized by Google

Аполлонъ Григорьевъ и Мей не любили публичныхъ литературныхъ чтеній. Первый, сколько я знаю, вовсе въ нихъ не участвовалъ, а послѣдній, кажется, разъ только и былъ на подобномъ вечерѣ, и то потому, что его успѣли уговорить близкіе его друзья. Это было, если не ошибаюсь, въ залѣ первой гимназіи, и чтеніе не обошлось безъ забавнаго скандала. На афишѣ, въ послѣднемъ отдѣленіи, между прочимъ значилось, что Л. А. Мей прочтетъ стихотвореніе собственнаго сочиненія, но не показано было — какое именно. На предварительномъ соглашеніи, онъ самъ еще не рѣшилъ, что предполагаетъ прочесть. Публики собралось довольно много, и вечеръ шелъ какъ слѣдуетъ: играли, пѣли, читали. Наконецъ дошла очередь до Мея. Онъ долго не выходилъ въ залу, потому что, какъ узнали мы послѣ, забрелъ въ какую-то отдаленную комнату, гдѣ и нашли его за бутылкой вина съ другимъ литераторомъ, который уже кончилъ свое чтеніе въ первомъ отдѣленіи. Взойдя

Digitized by Google

на каѳедру, Мей обвелъ глазами слушателей и остановился, какъ будто что припоминая.

— «Давиду Іереміемъ»,— проговорилъ онъ медленно и началъ читать:

На рѣкахъ вавилонскихъ
Мы сидѣли и плакали, бѣдные,
Вспоминая въ тоскѣ и слезахъ
О вершинахъ сіонскихъ...

Онъ проговорилъ еще стиховъ пять, остановился, провелъ рукою по бровямъ, и откинувъ назадъ свои густые волосы, сказалъ:

— Не взыщите, господа! Я это стихотвореніе забылъ, а книжки съ собой не взялъ... Все равно: прочту что нибудь другое.

Съ минуту стоялъ онъ въ раздумьи, потомъ сдѣлалъ выразительное движеніе рукой и сталъ декламировать съ видимымъ одушевленіемъ:

Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская,
Благовѣстная, побѣдная, раздольная,
Подгородная, посельная, попольная,
Непогодою, невзгодою повитая...
Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская!..

Мей снова остановился и, ни мало не смущаясь, сказалъ:

Digitized by Google

— Дальше не помню! Позвольте... что бы такое взять?

Въ рядахъ слушателей раздался смѣхъ, но повидимому никто не претендовалъ на забывчиваго поэта. Онъ самъ добродушно улыбнулся и продолжалъ:

— Кажется, теперь прочитаю: недавно писалъ... вѣроятно, не забылъ... вотъ что:

Какъ наладили: „дуракъ,
Брось ходить въ царевъ кабакъ!“
Такъ и ладятъ все одно:
„Пей ты воду, не вино;
Вотъ хоть рѣчкѣ поклонись,
Хоть у быстрой поучись“.
Ужъ я къ рѣченькѣ пойду...

— Нѣтъ, господа, и этого не припомню... Извините!

Онъ сошелъ съ каѳедры и направился къ выходу изъ залы. Раздались рукоплесканія, хохотъ, крики «браво!», вызовы; онъ остановился въ дверяхъ, улыбнулся и махнулъ рукой. Публика была очень довольна этимъ забавнымъ происшествіемъ. Его проводили дружными аплодисментами.

Отношенія Л. А. Мея къ литературнымъ со-

Digitized by Google

братіямъ были всегда пріязненныя: онъ радовался всякому успѣху начинающаго писателя и не любилъ обличительной критики въ журналахъ даже на людей не сочувственнаго ему направленія. Въ литературныхъ спорахъ онъ рѣдко принималъ участіе и при этомъ обыкновенно старался найти хорошую сторону въ томъ, противъ кого высказывались рѣзкія обвиненія. Для него дороже всего было искусство, и въ воззрѣніи на него онъ близко сходился съ покойнымъ Дружининымъ. Современные общественные вопросы мало занимали его, а политическими событіями онъ интересовался еще меньше. Когда заходилъ, бывало, разговоръ на подобную тему, онъ или уклонялся отъ него, или старался свести его на литературу. Въ послѣднее время матеріальное положеніе его значительно улучшилось, и онъ могъ посвятить себя поэзіи, не прибѣгая къ обязательной работѣ въ журналы. Но, къ сожалѣнію, ему не долго пришлось этимъ пользоваться. Мей умеръ въ пору полнаго развитія таланта, и нѣтъ сомнѣнія, еслибы ему суждено

Digitized by Google

было жить дольше, онъ обогатилъ бы еще русскую литературу не однимъ самобытнымъ произведеніемъ и не однимъ художественнымъ переводомъ классическихъ поэтовъ. Онъ думалъ, между прочимъ, перевести весь «Потерянный рай» Мильтона. Судя по напечатаннымъ отрывкамъ, это былъ такой капитальный трудъ, который слѣдовало бы поставить на ряду съ переводами гомеровскихъ поэмъ Гнѣдича и Жуковскаго.

Digitized by Google

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
Воспоминаніе о Ѳ. Ѳ. Кокошкинѣ	1
Д. И. Языковъ	25
Встрѣча съ Н. В. Гоголемъ	52
Иринархъ Ивановичъ Введенскій	62
Знакомство съ О. И. Сенковскимъ	82
Я. П. Бутковъ	105
Знакомство съ А. И. Герценомъ	132
Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій	167
Ап. Григорьевъ и Л. А. Мей	250

Digitized by Google

Digitized by Google

ИЗДАНІЯ А. С. СУВОРИНА

въ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ" А. С. Суворина: въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Въ Сибири—въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина въ Томскѣ.

АВЕРКІЕВЪ, Д. В. Лихо. Историческая повѣсть. Ц. 1 р.

— **Хмѣлевая ночь.** Историческій романъ. Ц. 1 р.

— **Драмы.** Томъ I. Слобода Неволя.—Фролъ Скобѣевъ. — Каширская старина.—Темный и Шемяка. Ц. 3 р.

АЛАРКОНЪ, Н. Повѣсти и разсказы. Пер. съ исп. Ц. 75 к.

АНДРЕЕВСКІЙ, С. А. Стихотворенія. 1878 — 1885. Ц. 2 р.

АНТОНОВЪ, А. Врачъ. Общедоступная гигіена. Ц. 75 к.

АРСЕНЬЕВЪ, А. В. Карта для наглядного обозрѣнія исторіи и хронологіи русской литературы, для класснаго употребленія. Къ картѣ прилагается особою книгою «Словарь писателей древняго періода русской литературы» (862—1700 г.). Изданъ подъ ред. О. Ѳ. Миллера, проф. Спб. унив. Ц. 2 р.

АХШАРУМОВЪ, Н. Д. Во что бы то ни стало. Романъ. Ц. 2 р. 25 к.

БАРАНЕЦКІЙ, П. В. Лѣсоохраненіе. Книга для лѣсовладѣльцевъ, лѣсничихъ и слушателей учеб. лѣсн. зав. Ц. 2 р. 50 к.

ВАШИЛОВЪ, А. Русское торговое право. Практическій курсъ по наброскамъ лекцій, читанныхъ въ Имп. Училищѣ Правовѣдѣнія. Вып. I. Введеніе. Торговыя правоотношенія. Ихъ субъекты (до товариществъ). Ц. 2 р.

ВЕККЕРЪ, К. Древняя исторія, вновь обработанная В. Мюллеромъ профессоромъ Тюбингенскаго университета. Часть I. Съ 165 рис. и 2 раскраш. картами. Ц. 1 р.

ВИВИКОВЪ, В. Маруся.—Старый портретъ.—Первая побѣда.—Мыслитель. —Изъ дневника. —Литературный вечеръ.—Забытая тетрадь. Разсказы. Ц. 1 р.

ВИЛЬРОТЪ, ТЕОДОРЪ, д-ръ. Общая хирургическая патологія и терапія. Руководство для учащихся и врачей, обработанное А. Винниортеромъ, проф. хирургіи въ Лютихѣ. Со множ. рисунк. Изд. 5-е. Оставшіеся экз. продаются по пониженной цѣнѣ вмѣсто 4 р. 50 к. за 3 р.

ВИНЕ и ФЕРЕ. Животный магнитизмъ. Пер. съ франц. съ рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р.

ВЛАГОВО, Д. Разсказы бабушки изъ воспоминаній пяти поколѣній. Съ портретомъ. Ц. 3 р.

ВОГОСЛОВСКІЙ, Н. Арахчеевщина. Ц. 2 р.

ВОГОСЛОВСКІЙ, В. Лечебныя мѣста Европы. Курорты съ мин. водами, климатич. станціи, морскія купанья, лиманы и грязелечебныя заведенія. Съ бальнеологическ. картою. Ц. 2 р. 50 к.

ВОРОВИКОВСКІЙ, А. и ГЕРАРДЪ, Н. Системат. сборникъ рѣшеній Гражданскаго кассаціоннаго департ. правит. Сената за 1877 г. Т. I. Матеріальное право. Т. II. Судопроизводство. Ц. 6 р.

ВОРОВИКОВСКІЙ, А. Л. Женская доля по малороссійскимъ пѣснямъ. Ц. 60 к.

— **Законы гражданск.** (Сводъ законовъ т. X, ч. I). Съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражд. Кассац. Д-та Пр. Сената. Изд. 6-е, исправл. и дополн. (съ текстомъ законовъ по новому офиціальн. изданію и съ этимъ текстомъ согласованы объясн.). Спб. 1889. Ц. 6 р.

— **Законы гражданск.** (Сводъ законовъ т. X, ч. I). Съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражданскаго кассаціон. департ. прав. Сената. Изд. 5-е, исправл. и дополн. Ц. 6 р.

— **Уставъ гражданскаго судопроизводства** съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражд. кас. деп. пр. Сената. Вып. 1-й (Общія положенія). Ц. 1 р. 50 к.

— То же. Вып. 2-й (Порядокъ производства въ мировыхъ судебн. установленіяхъ). Ц. 1 р. 50 к.

— То же. Вып. 3-й (Порядокъ производства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ. Кн. II, разд. I. Гл. I—IX). Ц. 2 р. 25 к.

Digitized by Google

— То же. Вып. 4-й (Порядокъ производства въ общ. судебн. мѣст. Прод. ст. 566—791). Ц. 1 р. 50 к.

— То же. Вып. 5-й (Порядокъ производства въ общ. суд. мѣстахъ. Прод. ст. 792—923). Ц. 1 р. 75 к

— То же. Вып. 6-й (Порядокъ производства въ общ. суд. мѣстахъ. Прод. ст. 924—1261). Ц. 1 р. 50 к.

—То же. Вып. 7-й (Окончаніе: ст. 1262—1824, и приложенія). Ц. 2 р.

— Дополненія (рѣшенія, опубликованныя во время печатанія предыд. выпусковъ и «продолженіе» 1886 г.). Ц. 1 р.

—Уставъ гражданскаго судопроизводства съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената. Изданіе переработанное: помѣщенныя въ I-мъ изданіи объясненія изложены въ болѣе СЖАТОМЪ видѣ и введени НОВЫЯ объясненія. — Цѣна 6 р., съ перес. 7 р.

— Алфавитный указатель объясненій къ Уставу Гражд. Судопроизводства. (Общій для I и II изданій). Ц. 50 к.

ВОРОДИНЪ, А. П. Его жизнь, переписка и музыкальныя статьи. (1834—1887). Ц. 1 р. 50 к.

ВОРОЗДИНЪ, К. А. Закавказскія воспоминанія. Мингрелія и Сванетія съ 1854 по 1861 г. Съ 5 портретами. Ц 2 р.

ВУЛГАКОВЪ, Ѳ. И. Художественная энциклопедія (Иллюстрированный словарь искусствъ и художествъ). Т. I. Ц. 3 р., въ папкѣ 3 р. 25 к.

— Томе. Томъ II. Ц. 3 р., въ папкѣ 3 р. 25 к.

ВУРЕНИНЪ, В. Литературн. дѣятельн. Тургенева. Съ портрет. И. С. Тургенева. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.

— Критическіе очерки и памфлеты. Ц. 1 р. 25 к.

— Изъ соврем. жизни. Фельетонные разсказы Маститаго Беллетриста. Ц. 1 р. 50 к.

— Былое. Стихотворенія. Ц. 1 р. 75 к.

— Стрѣлы. Стихотворенія. Изд. 2-е, дополненное новыми стихотвореніями. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.

— Пѣсни и шаржи. Новыя стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.

— Мертвая нога. Таинственный процессъ. — Романъ въ Кисловодскѣ. Разсказъ. Изд. 3-е. Ц. 1 р.

— Критическіе этюды (Гоголь. — Гончаровъ. — Біографія и письма Достоевскаго. — «Власть тьмы» гр. Толстого. — Журнальный походъ противъ гр. Толстого. — Лермонтовъ. — Памяти Пушкина. — Глѣбъ Успенскій). Ц. 1 р. 50 к.

— Смерть Агриппины. Драма въ 5-ти дѣйств. Ц. 1 р.

ВѢЖЕЦКІЙ, А. Н. Путевые наброски. Въ странѣ мантильи и кастаньетъ (За Пиринеями — Мадридъ — Севилья — Гренада — Біарриць — Парижъ). Ц. 1 р. 25 к.

— Военные на войнѣ. — Святочные разсказы. Ц. 1 р. 50 к.

ВѢЖЕЦКІЙ, А. Н. На пути. Разсказы и очерки. Ц. 1 р. 50 к.

— Дѣтская любовь. Повѣсть. Ц. 1 р.

ВѢЛЯЕВЪ, А. П. Записки декабриста (1803—1850). Ц. 2 р.

ВЭКЕРЪ, САМУЭЛЬ. Выброшенные морекъ. Романъ для юношества. Переводъ съ англ. Съ иллюстраціями. На велен. бумагѣ. Ц. 2 р.

ВЭРЪ, МИХ. Струзвзе. Тр. въ 5-ти д. въ стих. и прозѣ. Перев. съ нѣм. А. Н. Плещеева. Ц. 1 руб.

ВАНЪ ДЕНЪ-ВЕРГЪ. Краткая исторія Востока (египтянъ, ассиріянъ, вавилонянъ, мидянъ, персовъ и финикіянъ). Съ 24 гравюрами и виньетками. Ц. 60 к.

ВЕРНЪ-ЖЮЛЬ. Путешествіе вокругъ свѣта въ 80 дней. Съ 55-ю рисунками. Ц. на вел. бум. 2 р.

— Дѣти капитана Гранта. Путешествіе вокругъ свѣта. Въ 3-хъ частяхъ. Съ 167 рисунк. Изд. 2-е. Ц. 3 р. На вел. бум. 5 р.

— Приключенія капитана Гаттераса. Съ 252 рисунками. Ц. 2 р. 50 к. На велен. бум. 4 р.

— Плавающій городъ. Съ 25 рис. 150 стр. Ц. 1 р. На велен. бум. 1 р. 50 к.

— Путешествіе вокругъ луны. Съ 43 рис. Ц. 1 р. 25 к. На велен. бум. 2 р.

— Восемьдесятъ тыс. верстъ подъ водой. Путешествіе подъ волнами океана. Въ 2 частяхъ, съ 107 рисунками. Ц. 3 р.

— Приключенія трехъ русскихъ и трехъ англичанъ. Съ 51 рис. Ц. 1 р. 50 к.

ГЕЛЬВАЛЬДЪ, ФРИД. Естественная исторія племенъ и народовъ. Со многочисл. иллюстрацій. Сочиненіе это, заключающее въ себѣ исторію развитія культуры племенъ и народовъ земного шара, иллюстрировано художникомъ Келлеръ-Лейпигеромъ: типы расъ, предметы ихъ домашняго быта, и пр. 2 больш. тома, 1418 стр. Ц. 15 р.

ГЕККЕРЪ, ОСКАРЪ. Ганзейцы (Die Brüder der Hansa). Истор. ром. Съ иллюстрац. Ц. 1 р.

ГЕКСЛИ. Введеніе въ науку. Ц. 30 к.

ГЕТЕ, его жизнь и избранныя стихотворенія.

Digitized by Google

2-е дополн. изд. Ц. въ изящн. перепл. 1 р. 60 к.

ГИЛЬДЕРЪ, Уильямъ. Во льдахъ и снѣгахъ. Путешествіе въ Сибирь для поисковъ экспедиціи капитана Делонга. Съ 57-ю грав. Ц. 1 р. 50 к.

ГЛИНКА, М. Записки и переписка его съ родными и друзьями. Ц. 3 р.

ГОМЕРЪ. Иліада. Переводъ Н. И. Гнѣдича. Ц. 75 к.

HOMERI ILIAS. Pars I. C. I—XII. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

— Pars II. C. XIII—XXIV. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

HOMERI ODYSSEA. Pars I. C. I—XII. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

— Pars II. C. XIII—XXIV. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

ГРЕЧЪ, Н. И. Записки о моей жизни. Съ портретомъ. Ц. 3 р. 50 к.

ГРИГОРОВИЧЪ, Д. В. Акробаты благотворительности. Пов. Ц. 1 р.

— Гуттаперчев. мальчикъ. — Карьеристъ. — Алексѣй Чемезовъ. Ц. 1 р.

ГРУНДВИГЪ, Свендъ. Датск. народ. сказ. Ц. 1 р.

ДАНИЛЕВСКІЙ, Г. П. На Индію при Петрѣ I.— Потемкинъ на Дунаѣ. Историч. романы. Ц. 1 р. 50 к.

— Княжна Тараканова. Историч. романъ.—Уманская рѣзня (Послѣдн. Запорожцы). Историч. повѣсть. Ц. 1 р. 50 к.

— Мировичъ (1762—1764 г.). Историческій романъ. Ц. 2 р.

— Сожженная Москва. Истор. ром. Ц. 1 р. 50 к.

ДОДЭ, АЛЬФОНСЪ. Королева Фредерика (Les rois en éxil). Романъ Ц. 1 р. 50 к.

— Жены артистовъ. Очерки нравовъ. Ц. 40 к.

ДРУЖИНИНЪ, А. Полинька Саксъ. Повѣсть. Ц. 50 к.

ЕВРЕИНОВЪ, В. Гражданское чинопроизводство въ Россіи. Историческій очеркъ. Ц. 1 р.

ЕСИПОВЪ, Г. В. Люди стараго вѣка. Разсказы изъ дѣлъ Преображенскаго приказа и Тайной канцел. Ц. 1 р. 50 к.

— Тяжелая память прошлаго. Разск. изъ дѣлъ Тайной канцеляр. и друг. архивовъ. Ц. 1 р. 50 к.

ЖЕНЕНЪ. Маленькій герой. Переводъ Е. Н. Ахматовой. Съ рисунк. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

ЖИТЕЛЬ. На отдыхѣ. Деревенскія письма. Ц. 1 р. 50 к.

— Сусальныя звѣзды.— Книга раздора. Ц. 1 р.

ЗАГУЛЯЕВЪ, М. А. Русскій Якобинецъ. Романъ изъ франц. революціи. Ц. 1 р.

ЗАХАРЬИНЪ, И. Н. (Якунинъ). Тѣни прошлаго. Разсказы о былыхъ дѣлахъ. Ц. 1 р. 50 к.

ИВАНОВЪ-КЛАССИКЪ. Веселый попутчикъ. Письма съ дороги, замѣтки на лету, картинки изъ путевыхъ воспоминаній и дорожныя пѣсни. Ц. 1 р.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. Текстъ А. Г. Брикнера, профессора Дерптск. университета. Гравюры на деревѣ: Паннемакера и Маттэ въ Парижѣ, Кезеберга и Эртеля въ Лейпцигѣ, Клосса и Хельма въ Штуттáртѣ, Зубчанинова, Рашевскаго, Шлипера и Винклера въ Петербургѣ. Заглавный листъ, заглавныя буквы и украшенія художника Панова. Ц. 15 р.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРІЯ ЕКАТЕРИНЫ II. Издана по тому же плану, какъ и «Ил. Исторія Петра Вел.» и заключаетъ въ себѣ до 300 портретовъ, типовъ, бытовыхъ сценъ и проч., воспроизведенныхъ преимущественно съ рѣдкихъ подлинниковъ Екатерининскаго времени. Текстъ А. Г. Брикнера, профес. Дерптскаго универс. 3 тома. Ц. 18 р.

ИСТОРИЧЕСКАЯ портретная галлерея. Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 года, съ краткими ихъ біографіями. Фототипіи съ лучшихъ образцовъ. Изданіе выходитъ выпусками, по 8 портретовъ въ каждомъ. Цѣна каждому вып. 2 р.

ИСТОРИЧЕСКІЕ разсказы и анекдоты изъ жизни русскихъ государей и замѣчательныхъ людей XVIII и XIX столѣтій. Изд. 2-е, дополн. Ц. 1 р. 50 к.

КАЙГОРОДОВЪ, Д. Собиратель грибовъ. Карманная книжка, содержащая описаніе важнѣйш. съѣдобныхъ, ядовитыхъ и сомнительн. грибовъ, растущихъ въ Россіи. Съ 14-ю раскраш. таблицами. Спб. 1888. Ц. 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к.

— Изъ Зеленаго Царства. Популярн. очерки изъ міра растеній. Со многими рисунк. Ц. въ изящномъ переплетѣ 3 р. 50 к.

— Черная семья (Птицы вороньяго рода). Съ 3-мя хромолит. таблицами. Ц. 25 коп.

КАРАТЫГИНЪ, П. Лѣтопись петербургскихъ наводненій. 1703—1879 гг. Ц. 50 коп.

КАРНОВИЧЪ, Е. П. Историческіе разсказы и бытовые очерки. Съ 50 гравюрами и портретами. Ц. 3 р. 50 к.

— Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. 2-е исправлен. и допол. издан. Ц. 2 р.

— Родовыя прозванія

Digitized by Google

и титулы въ Россіи и слiяніе иновѣрцевъ съ русскими. Ц. 1 р.

— Историческія повѣсти. I. Переполохъ въ Петербургѣ.—II. Лимонъ. Ц. 1 р.

КАРТИНЫ ЖИЗНИ. Сборникъ очерковъ и разсказовъ: Г. Андерсена, А. Додэ, Э. Золя, Гюи де-Мопассана, Ж. Ришпена и Захеръ-Мазоха. Переводъ А. Н. Чудинова. Ц. 75 к.

КЕНИГЪ, Г. Карнавалъ короля Іеронима. Историч. романъ. Пер. съ нѣм. Ц. 2 р.

КИНГСТОНЪ, У. Г. Д. Молодой раджа. Разсказъ изъ жизни и приключеній въ Индіи. Съ 44 рис. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

КНАКФУСЪ. Рембрандтъ. Очеркъ его жизни и произведеній. Съ 155 снимками съ картинъ, гравюръ и рисунковъ Рембрандта. Пер. съ нѣм. Ц. 5 р.

КОСТОМАРОВЪ, Н. И. Черниговка. Бытъ второй половины XVIII вѣка Ц. 1 р. 50 к.

— Кудеяръ. Историческая хроника. Ц. 2 р.

КОЛОКОЛОВА, М. Письма матери къ матеряхъ. Цѣна 40 к.

КРАУЗЕ, Вл. Гомеровскій словарь (изъ Иліадѣ и Одиссеѣ). Съ 130 рисунками въ текстѣ и картою Трои. Ц. 1 р. 50 коп.

КРАМСКОЙ, И. И. Его жизнь, переписка и художественно-критическія статьи. 1837 — 1887. Съ факсимиле и 2 портретами. Ц. 3 р. 50 к.

КРЕНКЕ, В. О сельскомъ хозяйствѣ, 3-е исправл. и дополн. изданіе. Выпусковъ I. Ц. 60 к.

КРЕНКЕ, В. Азбука для народныхъ школъ. Ц. 7 к.

КРЕСТОВСКІЙ, ВСЕВОЛОДЪ. Дѣдъ. Историческая повѣсть изъ временъ Императора Павла I. Ц. 2 р.

— Въ гостяхъ у эмира Бухарскаго. Съ 3-мя портретами. Ц. 2 р. 50 к.

КРЕСТОВСКІЙ, В. (Псевдонимъ). Обязанности. Ром. Ц. 1 р. 25 к.

— Повѣсти: Томъ I. Старыя дѣвы. — Стоячая вода. — Пансіонерка. — Вратецъ. Ц. 2 р.

— Повѣсти: Томъ II. Матери. — Домашнее дѣло.—Два памятные дня.—Свиданіе. Ц. 1 р. 50 к.

— Повѣсти: Томъ III. Семья. — Искушеніе. — Учительница. Ц. 1 р. 50 к.

— Повѣсти: Томъ IV. Идеали и фразы.—Деревенская исторія. — Дневникъ сельскаго учителя. Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и отрывки. Книга первая: За стѣною. — Вѣра. — На вечерѣ. — Недописанная тетрадь. — Старый портретъ, новый оригиналъ.—Старое горе. Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и отрывки. Книга вторая: Нѣсколько лѣтнихъ дней. — Въ дорогѣ. — Разговоръ. — Доброе дѣло. Изъ связки писемъ, брошенной въ огонь. Сцены: I. Утренній визитъ. — II. У жениха и невѣсты. — III. Для дѣтскаго театра. Ц. 1 р. 50 к.

— Большая Медвѣдица. Романъ въ 5 частяхъ. Изданіе 3-е, вновь просмотрѣнное авторомъ. Ц. 3 р.

— Испытаніе. Романъ. въ 2-хъ част. Ц. 1 р. 50 к.

— Провинція въ старые годы. I. Свободное время. Романъ. Ц. 1 р.

— Провинція въ старые годы. II. Кто-жъ остался доволенъ? Ром. Ц. 1 р. 25 к.

— Провинція въ старые годы. III. Послѣднее дѣйствіе комедіи. Ром. Ц. 1 р. 25 к.

— На память 1850 — 1851 (Анна Михайловна.—Послѣ потопа.—Здоровье. — Прощаніе). Ц. 1 р. 50 к.

КРЕСТОВСКАЯ, М. В. I. Раннія грозы.—Испытаніе. Ц. 1 р. 50 к.

— II. Внѣ жизни. — Уголіи театральнаго міра. Ц. 1 р. 50 коп.

КРОТКОВЪ, В. Пмрининъ и Чепуринъ.—Послѣдняя жертва катастрофы.—Во время войны—дома. Ц. 1 р.

— Частный повѣренный.—Гладія взятки.—Первобытное состояніе. Ц. 1 р.

КЛЮЧЪ къ русскимъ упражненіямъ учебника французскаго языка. Д. Марго. Изд. 5-е, исправлен. Ц. 35 к.

ЛАУБЕ. Графиня Шатобріанъ. Истор. романъ. Ц. 2 р.

ЛЕББОКЪ, Д. Ж. Муравьи, пчели и осы. Наблюденія надъ нравами общественныхъ перепончатокрылыхъ. Переводъ съ 5-го англійскаго изданія Д. В. Аверміева. Съ приложеніемъ статьи переводчика: «Муравьиные слѣды». Съ рисунками въ текстѣ и 5-ю хромолит. табл. Ц. 3 р.

ЛЕЙКЕНЕРЪ, ОТТО. Нашъ вѣкъ. Общій обзоръ важнѣйшихъ явленій въ области исторіи, искусства, науки и промышленности въ теченіе послѣдняго столѣтія. Со мног. портретовъ государей, полководцевъ, госуд. людей, ученыхъ, поэтовъ, литераторовъ, путешественниковъ, изобрѣтателей, рисунковъ, снимковъ съ картинъ извѣстныхъ художниковъ автографовъ и проч. Пер. съ нѣм. in-8. Два

Digitized by Google

большихъ тома, 1520 стр. текста и 105 стр. указателей. Ц. за 2 т. 18 р.

ЛЕНДЕРЪ, Н. На Волгѣ. Очерки, картинки, путевыя замѣтки и обозрѣнія (Волжскій Спутникъ). Ц. 60 к.

ЛЕРМОНТОВЪ, М. Ю. Юношескія драмы. Изд. подъ ред. Н. Ефремова. Ц. 1 р. 50 к.

ЛѢСКОВЪ, Н. С. Собраніе сочиненій въ 10-ти томахъ. Подписная цѣна 20 р.

— Сказъ о тульскомъ косомъ и о стальной блохѣ (Цеховая легенда). Ц. 40 к.

— Три праведника и одинъ Шерамуръ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

ЛѢСНАЯ волшебница (The Lady of the Forest). Повѣсть для юношества. Переводъ съ англійскаго. Цѣна 75 коп.

МАЙКОВЪ, Л. Н. Очерки изъ исторіи русской литерат. XVII и XVIII столѣтій. (Симеонъ Полоцкій. — Одна изъ русскихъ повѣстей Петровскаго времени. — Къ характеристикѣ Ломоносова какъ ученаго. — В. И. Майковъ. — Литературныя мелочи Екатерининскаго времени. — Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики). Ц. 2 р. 50 коп.

МАСЛОВЪ, А. Н. Завоеваніе Ахалъ-Теке. Изд. 2-е. Съ 2-мя портретами М. Скобелева и факсимиле, съ прил. «Матеріаловъ для біографіи М. Скобелева». Ц. 1 р. 50 к.

МАГАФФИ. Древне-греческая жизнь. Переводъ съ англійск. Съ примѣч. М. Стратилатова. Ц. 60 к.

МАРКОВЪ, В. В. Илья Муромецъ. Поэма. Ц. 60 к.

— Триллистникъ. Ц. 30 к.

МАСАЛЬСКІЙ, КОНС. Стрѣльцы. Истор. ром. Ц. 1 р. 50 к.

МЕРИМЕ, П. Варѳоломеевская ночь. Истор. ром. Ц. 1 р.

— Карменъ. Романъ. Ц. 40 к.

МИЛЮКОВЪ, А. П. Царская Свадьба. Историческая повѣсть изъ временъ Іоанна Грознаго. Ц. 1 р.

— Разсказы изъ обиходнаго быта (3-е испр. и доп. изданіе). Ц. 1 р.

МЛЕКОПИТАЮЩІЯ въ описаніяхъ КАРЛА ФОГТА и картинахъ ШПЕХТА. Переводъ съ нѣм. Большой томъ in-folio, 454 стр. Съ 448 рис. въ текстѣ и 40 отдѣльн. рис. Ц. въ роскош. тисненн. золот. и краск. перепл. 23 р.

— То же. РОСКОШНОЕ ИЗДАНІЕ на велен. бум. Ц. 30 р., въ роскош. тисн. золот. и краск. перепл. 43 р., съ золот. обрѣзомъ 45 р.

МОЛЧАНОВЪ, А. Н. Путевыя письма, повѣсти, разсказы и набр. Ц. 60 к.

— Между міромъ и монгрессомъ. Письма въ «Новое Время» изъ Константинополя, Измида, съ Принцевыхъ острововъ, изъ Дарданелль, Галлиполи, Санъ-Стефано и Фининополя. Ц. 2 р.

МОРДОВЦЕВЪ, Д. Л. Царь и Гетманъ. Истор. ром. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.

— Авантюристы. Истор. пов. Ц. 80 к.

МОРСКОЙ, Н. Аристократія гостинаго двора. Картины нравовъ. Ц. 1 р. 50 к.

— Содомъ. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

НАШИ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ и ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ. Сочиненіе автора «Современной Россіи». Ц. 3 р.

НЕВѢДѢНСКІЙ, М. Н. Катковъ и его время. Ц. 3 р.

НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, В. И. Святыя горы (Русскій Аѳонъ). Очерки и впеч. Ц. 80 к.

— Годъ войны. Дневникъ рус. корреспондента (1877—78 г.). 2 тома. Ц. 4 р.

— Царь бирмы (Каннова племя въ наши дни). Ром. Ц. 2 р.

— Стихотворенія. Изящно изданный томъ. Ц. 2 р. 50 к.

НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, В. И. Кама и Уралъ. Очерки и впечатлѣнія. Ц. 3 р.

—?—О ЖЕНЩИНАХЪ мысли старыя и новыя. Изданіе 8-е. Ц. 1 р. 50 к.

ОСТРОВСКІЙ, А. и СОЛОВЬЕВЪ. Драматическія сочиненія: Счастливый день. — Женитьба Бѣлугина. — На порогѣ къ дѣлу. — Дикарка. Ц. 3 р.

ОТКЛИКЪ. Литературный сборникъ, изданный студентами Спб. университета въ пользу нужд. студ. и слуш. выс. женскихъ курс. Ц. 1 р. 50 к.

ОХОТА И ОХОТНИКИ. Разсказы Псковича. Ц. 2 р.

ПАССЕКЪ, Т. П. Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія. 2 тома, съ пятью портретами и видами храма Спасителя. Ц. 4 р.

ПАЛЬМЪ, А. Петербургская саранча. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

— Старый баринъ. Ком. Ц. 65 к.

— Гражданка. Сцены. Ц. 65 к.

ПЕЛЛИКО да Салуццо. Мои темницы. Воспоминанія. Переводъ съ итальянскаго. Съ 18 рис. Ц. 1 р.

ПЕРВАНОГЛУ, І. Андроникъ Комненъ. Разсказъ изъ Византійск. ист. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р.

ПЕШЕЛЬ. Народовѣдѣніе. Перев. подъ ред. Э. Петри съ 6-го изданія, дополненнаго Кирхгоф-

Digitized by Google

фонъ. Выход. выпускаи. Ц. каждаго выпуска 1 р.

ПИСЬМА графа П. Васильв. Лондонское Общество.—Вѣнское Общество. Перев. съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

ПЛЕЩЕЕВЪ, А. Н. Подснѣжники. Стихотворенія для дѣтей и юношества. Ц. 1 р.

— Женщина въ XVIII вѣкѣ (по Гонкуру). Ц. 80 к.

ПОЛЕВОЙ КСЕН. М. В. Ломоносовъ. 2 т. Ц. 2 р.

— Записки. I т. 581 стр. Съ указателемъ личн. именъ и съ 2-мя портрет. Ц. 3 р.

ПОЛЕВОЙ, Н. Клятва при Гробѣ Господнемъ. Русская быль XV вѣка. Ц. 1 р. 50 к.

ПОЛЕЖАЕВЪ А. Стихотворенія, съ біографическимъ очеркомъ, портретомъ и снимками съ рукописей. Изд. подъ ред. П. А. Ефремова. Ц. 2 р. 50.

ПОНОМАРЕВЪ, С. И. Москва въ родной поэзіи. Сборникъ стихотвореній и характеристикъ русскихъ и славянскихъ писателей, относящихся къ Москвѣ. Перечень русскихъ писателей, родившихся и умершихъ въ Москвѣ, и проч. Ц. 1 р. 25 к.

П—Ъ, С. Къ царскому юбилею, 1855—1880. Собраніе прозаическихъ и стихотворныхъ отзывовъ, относящихся къ Государю Императору Александру II, со дня Его рожденія до 19-го февраля 1880 г. Ц. 40 к.

ПОЭ, ЭДГАРЪ. Необыкновенные разсказы. Переводъ съ англійск., кн. I и II. Ц. каждой 60 к. Кн. III. Ц. 1 р.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО РОССІИ. СѢВЕРЪ (Петербургъ. — О.-Петербургская губернія. — Эстляндская губ. — Финляндія. — Олонецкая губ. — Архангельская губ.). Съ 5-ю планами и 2-мя карт. Подъ ред. Р. С. ПОПОВА. Ц. въ пер. 3 р.

— Вип. II. ЗАПАДЪ. (Прибалтійскія губ.—Сѣверозападныя губ.—Привислинскія губ. Царство Польское). Съ планами Варшавы, Вильны и Риги. Ц. 2 р.

ПЫЛЯЕВЪ М. И. Старый Петербургъ. Большой томъ въ 471 стр. Въ этой книгѣ собраны свѣдѣнія объ исторіи и нравахъ Петербурга въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій. Источниками для этого труда служили не одни только русскія и иностр. сочиненія, но и неизданные разсказы петербургскихъ старожиловъ. Въ книгѣ 86 рис. въ текстѣ и 26 на отдѣльныхъ листахъ, изображающихъ петерб. мѣстности, зданія и типы въ разныя эпохи, а также портретки историч. лицъ и бытовыя сцены. Съ приложеніемъ указателя личныхъ именъ и мѣстностей, зданій и проч. Ц. 8 р., въ изящн. переплетѣ 9 р. 20 к.

— То же, улучшенное изданіе. Съ 122 грав. Ц. 3 р., въ перепл. 4 р.

— Драгоцѣнные камни, ихъ свойства, мѣстонахожденія и употребленіе. 2-е, значительно дополненное изданіе. Ц. 2 р. 50 к.

— Забытое прошлое окрестностей Петербурга. Съ 104 гравюрами. Ц. 4 р., въ пер. 5 р.

РИШЕ, Ш. Сомнамбулизмъ, демонизмъ и ядъ интеллекта. Ц. 1 р. 50 к.

РОЗЕНТАЛЬ. Общая мышечная и нервная физіологія. Пер. подъ ред. И. Р. Тарханова. Ц. 2 р.

РОСТОПЧИНСКІЯ афиши 1812 года. Библіографическое изданіе въ 300 экземпляровъ. Ц. 3 р.

РУММЕЛЬ, В. и ГОЛУБЦОВЪ, В. Родословный сборникъ русск. дворянскихъ фамилій. 2 большихъ тома. Ц. 10 р.

РУССКАЯ ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ. Собраніе портретовъ замѣчательныхъ русскихъ людей, начиная съ XVIII столѣтія, съ краткими ихъ біографіями (фототипіи съ лучшихъ оригиналовъ). Галлерея эта выходила всего въ количествѣ 500 экз., по мѣрѣ изготовленія портретовъ, выпусками, каждый изъ 6-ти портретовъ большого формата, съ краткими біографіями. Цѣна каждому выпуску 2 р. Вышло 19 выпусковъ. Полный экземпляръ въ роскошномъ перепл. 42 р., съ перес. 45 руб.

РУССКІЙ КАЛЕНДАРЬ на 1890 годъ. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 60 к.

САЙМЪ, ДЖЕМСЪ. Краткая исторія нѣмецкой литературы. Ц. 60 к.

САЛІАСЪ (графъ). Петербургское дѣйство. Историч. ром. (1762 г.). Изд. 2-е. Ц. 4 р.

— На Москвѣ. Истор. ром. изъ временъ чумы 1771 г. Ц. за 2 т. 4 р.

— Атаманъ Устя. Поволжская быль. Ц. 2 р.

— Поэтъ-намѣстникъ. 1785—1788. Ц. 1 р.

— Свадебный бунтъ. Историческій ром. Ц. 2 р.

САМСОНОВЪ, А. Н. Пережитое. Мечты и разсказы русскаго актера (1860 — 1878). Изящное изданіе на цвѣтной бум. Ц. 2 р.

САХАРОВЪ, Н. П. Сказанія русскаго народа. Народн. дневн. — Праздники и обычаи. Ц. 75 к.

Digitized by Google

— Сказанія русскаго народа. Русское народное черномиріе. — Русскія народ. игры, загадки, присловья и притчи. Ц. 75 к.

СЕНТСБЕРИ, Д. Краткая исторія французской литературы. Ц. 40 к.

СИМЕОНЪ ПОЛОЦКІЙ. Мѣсяцесловъ въ стихахъ (перепечатка изъ Псалтыря съ мѣсяцесловомъ), переложенный стихами іеромонахомъ Симеономъ Полоцкимъ. Москва, въ Верхней типографіи, 1680 г., въ листъ. Съ заставками (заглавныя въ нѣсколько красокъ) и друг. украш. Печатано въ двѣ краски. Ц. 2 р.

СКАЛЬКОВСКІЙ К. А. Новыя путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 25 к.

— У скандинавовъ и фламандцевъ. Путевыя впечатлѣнія по Швеціи, Даніи и Бельгіи. Ц. 1 р.

СОВРЕМЕННАЯ РОССІЯ. Очерки нашей государственной и общественной жизни. Изд. 2-е, исправл. и дополнен. 2 тома. Ц. 2 р. 50 к.

СМАЙЛЬСЪ, С. Путешествіе мальчика вокругъ свѣта, жизнь въ Австраліи и переѣздъ черезъ Америку. Изд. 3-е, исправленное, съ 9 рис., картою и приложеніемъ статьи изъ путешествія ВОВУАРА: Общество и природа въ Австраліи. Ц. 1 р. 75 к.

СМИРНОВА, С. У пристани. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

СОЛОВЬЕВЪ, Н. Я. На порогѣ къ дѣлу. Деревенскія сцены. Ц. 75 к.

СОЛОГУБЪ, В. (графъ). Тарантасъ. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р.

— Воспоминанія. Съ портретомъ. Ц. 1 р. 50 к.

СТИВЕНСОНЪ, Р. Л. Клубъ самоубійцъ. Разсказъ. Ц. 50 к.

— Странная исторія доктора Дживиля и Мистера Хайда (Strange Case of d-r Jekyll and m-r Hyde). Ц. 50 к.

— Принцъ Отто. Повѣсть (Prince Otto by R. L. Stevenson). Ц. 1 р.

— Черная стрѣла. Повѣсть для юношества времемъ войны Алой и Бѣлой розы. Пер. съ англ. Ц. 1 р.

СУВОРИНЪ, А. С. Татьяна Рѣпина. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

СУВОРИНЪ, А. и В. БУРЕНИНЪ. Медея. Драма въ четырехъ дѣйствъ. въ стихахъ и прозѣ. Изд. 2-е Ц. 1 р.

СУХОМЛИНОВЪ, М. И. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. Т. I. Введеніе.—Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I.—А. Н. Радищевъ. Ц. 3 руб.

— Тоже. Томъ II-й. (Н. И. Новиковъ, авторъ истор. словаря о русскихъ писателяхъ.—Приложеніе: указатель авторовъ, помѣщенныхъ въ словарѣ Новикова 1772 г.—Ф. Ц. Лагарпъ, воспитатель императора Александра I.—Приложенія. Императоръ Николай Павловичъ—критикъ и цензоръ сочиненій Пушкина. Полемическія статьи Пушкина.—Появленіе въ печати сочиненій Гоголя.—Князь П. А. Вяземскій.—Н. А. Полевой и его журналъ «Московскій Телеграфъ». — Три повѣсти Павлова. — Снятіе опалы съ славянофиловъ. — И. С. Аксаковъ въ 40-вихъ годахъ). Ц. 3 р.

— ? — ТАНЦЫ, балетъ, ихъ исторія и мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

ТАТИЩЕВЪ. (Изъ прошлаго русской дипломатіи. Историческія изслѣдованія и полемическія статьи. Ц. 4 р.

ТВЭНЪ, МАРКЪ (Самуэль Клеменсъ). Принцъ и Нищій. Историч. ром. для юношества всѣхъ возрастовъ. Съ 150 рисун. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

— Приключенія Тома Сойера. Перев. съ англ., съ 109 рис. Ц. 2 р.

— Приключенія Финна. Съ 172 рис. въ текстѣ Пер. съ англ. Цѣна въ хромолитогр. папкѣ 3 р.

— Американскіе разсказы. Пер. съ англ. Ц. 50 коп.

ТРИГОРОВЪ, В. Община и подать. Собраніе изслѣдованій. Ц. 2 р.

ТРУВАЧЕВЪ С. Пушкинъ въ русской критикѣ. (1820—1880). Ц. 2 р.

УСПЕНСКІЙ, Н. Разсказы. Ц. 1 р.

УЭЛКЕНСЪ. Древнеримская жизнь. Переводъ съ англ. (съ примѣчаніями М. Стратилатова). Съ 14-ю грав. Ц. 60 к.

ФОФАНОВЪ К. Стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.

ФЛОРИНСКІЙ, В. М. Домашняя медицина. Лечебникъ для народнаго употребленія. Изд. 4-е, испр. Ц. 3 р. 50 к.

ФРЕНЦЕЛЬ. Въ золотомъ вѣкѣ. Истор. ром. Ц. 2 р.

ФРИМАНЪ, Э. А. Очеркъ исторіи Европы. Перев. Стратилатова. Съ 6-ю карт. Ц. 60 к.

ФУРМАНЪ, П. Р. Дочь шута. Ром. изъ временъ Императрицы Анны Іоанновны. Ц. 1 р. 50 к.

— Русскій граверъ. Истор. ром. 1725 и 1726 гг. Ц. 75 к.

Digitized by Google

ФЕДОРОВЪ. Абиссинія. Историко-географическій очеркъ. Съ картою. Ц. 75 к.

ХМЫРОВЪ, И. Азбука числа. Задачникъ по алгебрѣ и геометріи, съ подр. рѣш. и отвѣтами. Ц. 2 р. 50 к.

ХРУЩОВЪ, И. И. Къ исторіи русскихъ почтъ. Очеркъ лицевыхъ и почтовыхъ учрежденій отъ древнихъ временъ до царствованія Екатерины II. Съ портретами, снимками и картами. Ц. 2 р. 50 к.

ЧЕРКАСОВЪ, А. Записки охотника Восточ. Сибири. Изд. 2-е, испр. и доп. Съ рисунк. Ц. 4 р.

ЧЕХОВЪ АН. Въ сумеркахъ. Очерки и разсказы. Изд. 3-е. Ц. 1 р.

— Разсказы. (Счастье.— Тифъ. — Ванька.— Свирѣль.— Перенати-поле.— Задача.— Степь.— Тина.— Тайный совѣтникъ.— Письмо.— Поцѣлуй). Изд. 3-е. Ц. 1 р.

ЧУЙКО, В. В. Шекспиръ, его жизнь и произведенія. Съ 33 гравюрами. Ц. 5 р.

ЧЮМИНА, О. (Михайлова). Стихотворенія. (1884—1888). Ц. 1 р. 50 к.

ШАШКОВЪ, С. С. Исторія русской женщины. Изданіе 2-е, испр. и доп. Ц. 1 р. 75 к.

ШИЛЛЕРЪ, его жизнь и избранныя стихотворенія. Съ 43 рисунками. Ц. 1 р. 50 к., въ изящн. переплетѣ 2 р. 10 к.

ШОПЕНГАУЭРЪ, А. Свобода воли и основы морали. Двѣ основныя проблемы этики. Ц. 2 р.

—Житейская мудрость. Афоризмы и максимы. Изд. 2-е, дополн. Ц. 2 р.

ШПАЖИНСКІЙ, И. В. Драматическія сочиненія. Томъ I (Маіорша.— Легкія средства. — Кручина.—Фофанъ.— Прахомъ пошло!). Ц. 1 р. 50 к.

ШТЕРНЪ, А. Всеобщая исторія литературы. Перев. съ нѣмец., дополн. библіограф. указ. Ц. 2 р.

ШТИНДЕ, В. Госпожа Вухгольцъ на Востокѣ. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р.

ЩЕГЛОВЪ, И. Дачный мужъ, его похожденія, наблюденія и разочарованіе.—Въ горахъ Кавказа. Картинки минеральныхъ нравовъ. Ц. 1 р.

ЭБЕРСЪ. Дочь египетскаго царя. Истор. ром., разсказанный для юношества О. Шапиръ. Съ рис. Ц. въ переплетѣ 2 р.

ЭЛЬПЕ. Калейдоскопъ, изъ области теоретическаго и прикладного знаній. Изд. 2-е, исправлен. и дополн. Ц. 1 р.

ЭНГЕЛЬГАРДТЪ, А. Н. О хозяйствѣ въ сѣверной Россіи и примѣненіи въ немъ фосфоритовъ. Сборникъ сельско-хозяйственныхъ статей. 1872 — 1888. I т. 522 стр. Ц. 2 р.

ЭЕДОТОВЪ, А. Ф. Про бѣлаго бычка. Комедія въ 4-хъ дѣйст. Ц. 1 р.

ЯКОВЛЕВЪ, П. (И. Я. Павловскій). Очерки современной Испаніи 1884—1885. I т. 622 стр. Ц. 3 р.

— Маленькіе люди съ большимъ горемъ. Разсказы. Ц. 1 р.

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА.

АБЛЕСИМОВЪ. Мельникъ колдунъ, обманщикъ и сватъ. Комич. опера въ 3-хъ дѣйств. Изд. 2-е. Ц. 8 к.

АНЕКДОТЫ и остроумныя изреченія, выбранныя изъ сочиненій лучшихъ древнихъ писателей. 4-е изд. Ц. 10 к.

БАЙРОНЪ, лордъ. Невѣста Абидосская. Турецкая повѣсть. Перев. И. И. Козлова. Ц. 10 к.

БОГДАНОВИЧЪ, И. Душенька. Древн. нов. въ вольн. стихахъ. Ц. 15 к.

БОМАРШЕ. П. Безумный день или женитьба Фигаро. Ком. въ 5-ти дѣйств. Пер. А. Чудинова. Ц. 20 к.

— Севильскій Цирюльникъ или безполезная осторожность. Комедія въ 4-хъ дѣйств. Пер. А. Чудинова. Съ біографіей автора. Ц. 15 к.

— **ВѢЖЕЦКІЙ А. Н.** Сраженіе. — Разстрѣлянный. — Нарочный. — Испытаніе волонтеровъ. Ц. 15 коп., въ папкѣ 23 коп.

ВЕНЕВИТИНОВЪ. Полное собраніе стихотвореній. Съ біографіей и портретомъ Д. В. Веневитинова. Ц. 15 к.

ГРИБОѢДОВЪ, А. С. Горе отъ ума. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ въ стихахъ. Съ біографіей и портретомъ автора. Изд. 9-е Ц. 10 к.

ДАВЫДОВЪ, Д. В. Стихотворенія. Съ биограф. и портр. автора. Ц. 15 к.

ДАНИЛЕВСКІЙ, Г. П. Историческіе разсказы. I. Царь Алексѣй съ соколомъ. — II. Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя. — III. Екатерина Великая на Днѣпрѣ. Ц. 20 к.

— Украинскія сказки. 8-е изданіе. Ц. 20 к.

— Семейная Старина. Кн. I. Прабабушка. — Тѣнь прадѣда. Ц. 10 к. — Кн. II. Дѣдовъ лѣсъ.— Бабушкинъ рай. Ц. 15 к.

ДЕЛЬВИГЪ, А. баронъ. Полное собраніе стихотвореній. Ц. 20 к., на велен. бум. 40 к.

ДИККЕНСЪ, Ч. Оливеръ Твистъ. Ром. въ 2-хъ частяхъ. Ц. 50 к.

Digitized by Google

ДОСТОЕВСКІЙ, Ѳ. Бѣдные люди. Романъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

ДОЛГОРУКАЯ, Н. В. княгиня. Записки. Съ портретомъ и рисунками. Ц. 20 коп.

ДМИТРІЕВЪ, И. Сказки, басни и апологи. Съ портретомъ и біографіей автора. Цѣна 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

ЕВРИПИДЪ. Медея. Драма. Перев. съ греч. В. Алексѣева. Съ введеніемъ и примѣчаніями. Ц. 10 к.

ЕВРИПИДЪ. Ипполитъ. Трагедія. Съ греч. пер. В. Алексѣева съ введеніемъ и примѣчаніями. Ц. 10 к.

— Ифигенія въ Авлидѣ. Драма. Съ греч. пер. В. Алексѣева съ введеніемъ и примѣч. Ц. 10 к.

— Ифигенія въ Тавридѣ. Драма. Съ греч. пер. В. Алексѣева съ введеніемъ и примѣчаніями. Ц. 10 к.

ДРЕВНІЯ греческія сказанія. Походъ Аргонавтовъ. Съ рисунками. Ц. 10 к.

КАПНИСТЪ, В. Ябеда. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Съ портр. и біографіей автора. Ц. 15 к.

КАРАМЗИНЪ, Н. М. Повѣсти. Ц. 20 к.

— Письма русскаго путешественника. Со статьею Ѳ. И. Буслаева, съ портр. автора и рисун. 2 т. Ц. 1 р., на вел. бум. 2 р.

— Исторія государства россійскаго. Великій кн. Димитрій Іоанновичъ, прозваніемъ Донской. Ц. въ перепл. 30 к.

— Царствованіе Ѳедора Іоанновича (Правленіе Бориса Годунова.—Убіеніе царевича Димитрія.—Состояніе Россіи въ концѣ XVI вѣка). Ц. 15 к.

— Царствованіе Бориса Ѳеодоровича и Лжедимитрія. Ц. въ перепл. 40 к.

— Царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго и междуцарствіе. Ц. въ перепл. 40 к.

— Царствованіе Іоанна IV Васильевича, Грознаго, кн. I. Ц. въ перепл. 40 к.

— Царствованіе Іоанна IV Васильевича, Грознаго, кн. II. Ц. въ перепл. 50 к.

— Исторія государства Россійскаго. Томъ I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII и IX. Ц. каждаго тома 20 к.

КОЗЛОВЪ, И. Три поэмы. Ц. 15 к.

КВИТКО - ОСНОВЬЯНЕНКО. Гр. Ѳ. Панъ Халявскій. Ц. за 2 части 50 к., въ папкѣ 58 к.

КОХАНОВСКАЯ. Старина. Семейная память. Повѣсти. Ц. 20 к.

— Послѣ обѣда въ гостяхъ. Повѣсть. Ц. 15 к.

— Кирила Петровъ и Настасья Дмитрова. Повѣсть. Ц. 25 к.

КОТЛЯРЕВСКІЙ, И. П. — Мосаль-Чаривникъ. Малоросс. опера въ 1 д. Ц. 7 коп.

— Наталка Полтавка. Малороссійская опера въ 2-хъ дѣйств. Ц. 7 коп., въ папкѣ 15 коп.

— Енеида, перелицованная на малороссійскій языкъ Ц. 20 к.

КУКОЛЬНИКЪ, Н. В. Историческія повѣсти. Книга 1-я (Авдотья Лихончиха.—Купецъ Капустинъ. — Прокуроръ). — Съ портретомъ Петра Великаго. Изд. 2-е. Ц. 15 к., на вел. бум. 30 к.

— Историческія повѣсти. Книга 2-я (I. Сказаніе о синемъ и зеленомъ сукнѣ. — II. Часовой). Съ портр. князя Я. Ѳ. Долгорукова. Изд. 2-е. Ц. 15 к.

— Историческія повѣсти. Книга 3-я (Пожиганы.—Новый годъ). Съ гравюрой: Солдаты петровскаго врем. Изд. 2-е. Ц. 15 к., на вел. бум. 30 к.

— Историческія повѣсти. Книга 4-я (Чернышевскій мирз.—Остапъ и Ульяна.—Старый хламъ). Изд. 2-е. Ц. 15 к., на велен. бум. 30 к.

— Книга 5-я (Запорожцы. Истор. быль временъ Екатерины Великой). Изд. 2-е. Ц. 10 к.

— Книга 6-я (Сержантъ Ивановъ, или всѣ за одно. — Больной гетманъ Панъ Сава.—Старостa Меланья). Ц. 15 к.

КСАВЬЕде-МЕСТРЪ. Параша-Сибирячка. Разсказъ. Изданіе 3-е. Ц. 10 коп.

ЛАМАРТИНЪ, А. Іоанна д'Аркъ (Орлеанская дѣва). Съ рисунками. Ц. 12 к.

ЛОМОНОСОВЪ, М. В. Избранныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Съ портретомъ и біографіей М. В. Ломоносова. Изд. 2-е. Ц. 40 к.

ЛѢСКОВЪ, Н. Повѣсти и разсказы. Книга I. (Скоморохъ Памфалонъ. —Спасеніе погибавшаго). Ц. 20 к.

— Книга II. Очарованный странникъ. Ц. 20 к.

— Книга III. Запечатлѣнный ангелъ. Ц. 20 к

— Старые годы въ селѣ Плодомасовѣ. Три очерка. Ц. 20 к.

— Котинъ Доильщъ. Повѣсть. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к.

— Инженеры-Вевсребренники. Изъ исторіи о 3-хъ праведникахъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

ЛЬВОВА, А. Марина Мнишекъ. Историч. поэма въ 5-ти частяхъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

МАРЛИНСКІЙ, А. (А. А. Бестужевъ). Аммалатъ-

Digitized by Google

Digitized by Google